

TAUTOSAKOS DARBAI

XV (XXII)

LIETUVIŲ LITERATŪROS IR TAUTOSAKOS INSTITUTAS
VILNIUS 2001

ВКЛАД СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ В ПАРЕМИОЛОГИЮ*

АРВО КРИКМАНН

Эстонский Литературный Музей

- Что тебе напоминает, когда смотришь картину Шишкина «Утро в сосновом лесу»?
- Бленд.
- Как бленд? Почему бленд?!
- А потому, что я только о бленде и думаю.

Из сокровищницы народного творчества

Ключ, который открывает все двери, не ключ, а отмычка.

Матти Кууси

1. Большой однонаправленный поток

Когнитивная парадигма исследования доминирует сегодня во многих областях социальной и гуманитарной науки. Притом между разными направлениями и школами, называющими себя когнитивными, порой намного больше различий, чем общих черт. Отчасти это, по-видимому, объясняется и тем, что в науке вообще наблюдается сильная психологическая тенденция примыкать,

* Автор выражает свою сердечную благодарность профессору Казису Григасу за приглашение участвовать на международном симпозиуме «Академические паремииологические публикации как источник исследования культуры» 15 июня 2001 г. в Вильнюсе и за возможность выступить там с лекцией, значительно расширенным вариантом которой и является данная статья.

Я также должен профессору Марку Тэрнеру (Mark Turner) из Университета Мэрилэнд, доктору Тони Вилу (Tony Veale), сотруднику Susong Inc (Остин, Техас), профессору Джоузефу Грейди (Joseph E. Grady) из Университета Джорджа Мейсона, профессору Тодду Оукли (Todd Oakley) из Case Western Reserve University, профессору Сеане Коульсон (Seana Coulson) из Университета Калифорнии в Сан Диего, а также Брайэну Марику (Brian Marick), специалисту по испытанию компьютерных программ, за их доброе разрешение использовать в моей статье диаграммы, почерпнутые из их работ.

Профессор Вольфганг Мидер (Wolfgang Mieder) из Вермонтского Университета любезно откликнулся на мою просьбу послать мне дополнительную информацию о проявлении и значениях выражения *coffin nail* в западных источниках (см. примечание 19). Я искренне благодарен ему за эту помощь.

Рэймонд Гиббс — психолог, видимо, вошел в основную парадигму значительно позже; еще в конце 1980-ых годов был сторонником прагматистского лозунга «Контекст определяет всё!» и высказывался о других (кроме метафор в форме «А есть как Б» или «А есть Б») видах метафоры, “such as metonymy, hyperbole, and synecdoche” (см. Gibbs 1987: 38). Гиббс со своими сотрудниками также достаточно часто пишет о фразеологизмах и пословицах и проводит экспериментальные наблюдения над ними.

Ив Суитсер — лингвист, ставшая известной своими работами в области исторической семантики и этимологии (в особенности, Sweetser 1990), результаты которых удивительно точно согласовались с общими постулатами «физического» и «плотского» происхождения метафоры.

Одним из главнейших толчков к становлению когнитивной лингвистики было возникновение теории прототипности Элеанор Рош (Eleanor Rosch) в середине 1970-ых годов. «Когнитивистика метафоры» манифестировала себя на грани 1970–1980 гг. двумя важными публикациями:

1) сборником “Metaphor and Thought” (1979) под редакцией Эндрю Ортона (Andrew Ortony); там в вводной статье (Ortony, 1979a) подходы к метафоре, представленные в сборнике, уже разделяются на две группы: конструктивные (т. е. когнитивные) и неконструктивные (т. е. традиционные, отжившие); в том же сборнике опубликована и знаменитая статья Майкла Джона Редди (Reddy 1979) о т. н. *метафоре провода*, или *канавы*¹ (*conduit metaphor*);

2) революционной книгой Лэйкоффа и Джонсона “Metaphors We Live By” (1980), также давно ставшей классикой и, наверно, самым цитируемым из трудов «метафороцентричных» когнитивистов вообще.

Новизна когнитивного подхода к метафоре заключается, вкратце, в следующем (см. также букет сжатых тезисов в Gibbs 1994: 16–17):

1. Когда метафора раньше рассматривалась как троп, т. е. с лингвистической точки зрения, как исключение, как своего рода «языковая ошибка», нарушение т. н. *селекционных разграничений* (*selection restrictions*) или правил дистрибуции, то в когнитивистике она трактуется как естественная и существенная часть не только языка, но и человеческого мышления, как одна из форм проявления присущей человеку креативности. Метафора — это отнюдь не дело только художественной беллетристики, ею пронизан язык в целом, в первую очередь, и наша повседневная разговорная речь. Характерно, что важнейшим объектом анализа для когнитивистов и стали т. н. *конвенциональные метафоры* (*conventional metaphors*), т. е. метафоры, встречающиеся в обычной, непоэтической речи — иными словами, как раз тот слой метафор, которые раньше считались языковыми, стертыми, мертвыми, принадлежащими скорее к полисемии, чем к настоящим, живым, художественным тропам.

2. Когнитивисты подчеркивают, что метафора — это не узкое, индивидуальное соотношение двух слов или понятий, не просто замена одних, буквальных

слов другими, фигуративными, но вполне систематический обычай соотносить целые концептуальные регионы, или *домены опыта* (*domains of experience, conceptual domains*) посредством тех или иных «ячеек информации», которые разные авторы в разные времена называли то *скриптами*, то *схемами*, то *идеализированными когнитивными моделями*, то *ментальными пространствами*. Итак, возникает понятие *концептуальной метафоры* (*conceptual metaphor*). Наиболее ходячими примерами таких концептуальных метафор стали, пожалуй, следующие:

1) метафора ВРЕМЯ ЕСТЬ ПРОСТРАНСТВО, т. е. привычно говорить и думать о времени в терминах пространства: завтра впереди, вчера позади, зимой дни бывают короткими, а ночи длинными и т. д.;

2) т. н. *ориентационные метафоры* (*orientational metaphors*): например, метафора БОЛЬШЕ ЕСТЬ ВВЕРХ² (MORE IS UP) мотивирована человеческим опытом о величине разного рода куч, знаниями об изменении уровня жидкостей; СЧАСТЛИВОЕ ЕСТЬ ВВЕРХ, ПЕЧАЛЬНОЕ ЕСТЬ ВНИЗ³ (HAPPY IS UP, SAD IS DOWN) мотивирована фактами корреляции между настроением человека и его соматическим видом (осанка, положение головы и конечностей, мимика), и т. д.;

3) рекордно цитированные и обсужденные ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ (LOVE IS A JOURNEY) и ЖИЗНЬ ЕСТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ (LIFE IS A JOURNEY), относящиеся к классическим примерам концептуальных метафор и дающие очень пространные возможности говорить о жизни или любви (в том числе, браке или сексе) в терминах путешествия: о супружеской паре как паре спутников, о развитии сексуальной близости в стиле «мы продвигаемся слишком быстро», о разных несчастных случаях как об авариях или кораблекрушениях, о море жизни, о браке как гавани, о легкой жизни в терминах гладких дорог и о тяжелой жизни в терминах каменистых дорог, об успехе как продвижении вверх, на гору, и о разорении, соответственно, как о продвижении под гору, и т. д., и т. п.;

4) *метафора контейнера*⁴ (*container metaphor*): где ни встречается, например, русский предлог *в*, *во*, английский предлог *in*, финский или эстонский падеж инессив или нечто подобное — все эти случаи толкуются соотношениями контейнера и объекта в контейнере: индивиды находятся в контейнере общества, чувства в контейнере души, идеи и знания в контейнере разума и т. д. Более общим когнитивным фоном, или предпосылкой, этого, конечно, является факт, что понятия кажутся для человеческой психики более доступными, понятными, осязаемыми, «действительными», когда их можно воспринимать как денотаты неких «вещей».

Различение метафоры от метонимии у когнитивистов также базируется на признаках доменности: когда в метафору ангажированы вещи, относящиеся к двум разным концептуальным доменам и ее общим выражением является A IS B (см. также примеры выше), то метонимия работает в пределах одного и того же домена, применяется главным образом в целях референции

(ср. такую же точку зрения и в Arutjunova, 1979) и выражается общей формулой A STANDS FOR B (в виде кратких и четких сопоставительных постулатов см. Lakoff & Turner 1989: 103). Самыми ходячими примерами метонимии в когнитивистической литературе стали, наверно, выражения о бутерброде с ветчиной (например, *Бутерброд с ветчиной облил себя пивом*).

В общем и целом, Mind / Body ~ Flesh является одной из центральных оппозиций «когнитивистики метафоры», в которой метафора и метонимия считаются основными средствами, с помощью которых человек расчленяет и категоризирует свой повседневный опыт (см., в частности, Lakoff 1987).

В самом начале книги “Philosophy in the Flesh” (Lakoff & Johnson 1999: 3) авторы подытоживают основные достижения почти двадцатилетнего развития этого направления когнитивистики в трех кратких тезисах:

The mind is inherently embodied.

Thought is mostly unconscious.

Abstract concepts are largely metaphorical. These are major findings of cognitive science.

3. Здесь мы подходим к одному из сквозных и наиболее впечатлительных аспектов большинства находок, сделанных когнитивистами «метафорического толка». Это касается определенной направленности метафорических переносов, или как они сами их называют, проекций (*mappings*). По сути дела, это отсутствие симметрии, эта направленность выходит весьма далеко за рамки метафоры – не только как художественного тропа, но и этого конвенционального, чисто разговорного инструмента, которым ее толкуют лэйкоффианские когнитивисты. В результате развитие языка в целом начинает представляться неким единым, однонаправленным «мейнстримом», синхроническими проекциями которой являются и метафора, и полисемия, и многое другое.

Выясняется, что самопознание, ментальная сфера человека, наши специфические человеческие качества – разум, эмоции высшего порядка, этическое «я», человеческое общение, социальная жизнь, всё то, что относится к культуре – это было и продолжает быть для нашего языка и мышления постоянной сверхпроблемой и мистерией.

Как уже отмечено, наряду с *mind*, другим стержневым понятием у когнитивистов является *плоть* (*body, flesh*) – они, вместе взятые, и определяют главное направление, общий тренд изменения значений языковых единиц. Т. н. *домен-источник*, или *исходный домен* (*source domain*) и *целевой*, или *выходной домен* (*target domain*), т. е. составляющие метафоры или иной проекции – тот мир, откуда черпаются образы (как словесные, так и телесные), и тот, на который они проецируются – эти два мира находятся в несимметричном отношении, движение между ними не является двунаправленным, а только однонаправленным – *from body to mind*, «от тела к духу». Это вполне соответствует здравому смыслу: представляется вполне естественным, что **абстрактный** мир легко моделируется и именуется с помощью **конкретного** – но не наоборот; также, **идеальные** объекты посредством **материальных** – но не наоборот; **менталь-**

ная сфера через **физическую** – но не наоборот; словом, естественно думать и говорить о более сложных и смутных вещах с помощью более простых, четких, осязательных вещей в качестве ментальных или словесных моделей – но не наоборот⁵.

Еще в своей первой книге “Metaphors We Live By” (1980) Лэйкофф и Джонсон демонстрируют, что натуральное пространство, физическая каузация, более знакомые виды энергии, такие как механическая и тепловая, физический мир в общем – именно они являются самыми прототипными источниками метафорических образов, или проекций.

Почти с самого начала интересы когнитивистов выходят за рамки чисто вербального и понятийного мира, на допропозициональный уровень, к физическому, телесному первоисточнику метафор.

Человек имеет огромный опыт неязыкового общения с объектами физического мира. Он хорошо знает, что здесь возможно и что невозможно; что с чем сочетается; что чему следует во времени; как ведет себя пространство; что такое холод и тепло; что представляет из себя это нечто, которое человек ощущает как силу; какие физические ощущения являются приятными, какие вещи могут причинять боль и т. д. Эти наши способности общие с животными. Животные не умеют их концептуализировать и говорить о них. Но они владеют ими и умеют ими обращаться, правильно реагировать на изменения обстановки в физической окружности и т. д. – зачастую намного ловче и тоньше, чем человек. Такой наш физический опыт также структурирован в нашем сознании уже на доязыковом уровне, он запечатлен в нашей памяти в виде определенных гештальтов, или *образных схем (image schemas)*, т. е. комплексов ассоциативных знаний. В Lakoff 1987 и Johnson 1987 обширно обсуждаются природа и виды таких образных схем. Джонсон рассматривает более подробно два важных вида таких схем: схемы ощущения пространства и схемы ощущения силы. Леонард Тальми (Leonard Talmy) в своих работах также много писал о т. н. *силовых структурах (force structures)*. Краткий обзор видов имиджных схем и связанных с ними проблем можно найти также в Clausner & Croft 1999: 13 и сл.

И еще есть ряд работ о диахронических, этимологических аспектах языка, о направленности в историческом изменении значений – прежде всего, диссертация Ив Суитсер, а также ее книга “From etymology to pragmatics” (1990). Из наблюдений Суитсер выясняется (по крайней мере для меня как нелингвиста ее примеры и рассуждения кажутся очень внушительными), – что, например, модальные глаголы, а также подобные им другие сверх-полисемантические глаголы в этимологическом плане также происходят из того же самого физическо-го мира: глаголы типа *достать (get, reach)* изначально означали получение под свой контроль некой физической вещи, прототипно охотничьей добычи; глаголы типа *мочь (can)* означали физическую способность и т. д. Их более абстрактные значения являются результатом более поздних развитий.

Трактовок и систем модальностей в общем и целом довольно много, но в лингвистике обычно принято говорить о двух типах модальностей – это:

1) *корневые модальности (root modalities)*, которые, в свою очередь, разделяются на *персональные* и *социальные* или *деонтические*;

2) *эпистемические модальности (epistemic modalities)*, т. е. такие, которые представляют отношения невозможности / возможности / необходимости.

Корневые модальности совершенно явно являются более «физическими», чем эпистемические, а персональные, в свою очередь, более «физическими», чем социальные. И Суитсер пытается доказать, что этимологически более физические значения модальных глаголов на самом деле принадлежат к более ранним ступеням развития языка, более абстрактные же – к более поздним.

То же самое в принципе Суитсер утверждает также относительно некоторых других видов лексики, например, т. н. сенсорной лексики и кондиционалов: выясняется, например, что слова, связанные первоначально с органами чувств и восприятиями физического мира, систематически метафоризируются, приобретая новые значения, относящиеся, в первую очередь, к умственной сфере человека; а слова, означающие физическую каузальность, перерастают в более абстрактные понятия, в предельном случае близкие по значению к логической импликации.

Марк Тэрнер же в своей книге “Death is the Mother of Beauty” (1987: 121 и сл.), которая посвящена анализу метафор родственных отношений, приходит к выводу, что наивное понимание причинности в значительной степени сводится к метафоре ПРИЧИНОСТЬ ЕСТЬ РОДОПРОДОЛЖЕНИЕ (CAUSATION IS PROGENERATION).

Верена Хазер (Verena Haser 2000) приводит синхронические примеры метафорической и метонимической полисемии из потрясающего количества языков мира и весьма убедительно показывает почти что универсальную повторяемость некоторых из таких сдвигов, и даже более сложных пучков и сетей. (Среди них хорошо известная тройка, состоящая из трех подзначений, о которой еще Вячеслав Иванов писал в своей знаменитой книге «Чет и нечет» (Ivanov 1978), т. е.: 1) ‘физически прямой / кривой’; 2) ‘физически правый / левый’; 3) ‘справедливый / несправедливый’, ‘честный / нечестный’.)

Исследованию подвергались также межсенсорные переносы, или т. н. *синестетические метафоры* – и опять, уже в классических работах Стефена Ульманна (Ullmann 1959 и др.) и Джозефа Уильямса (Williams 1976 и др.) устанавливается регулярная система отношений, которая потом подтверждается и уточняется с помощью новых данных из, например, шведского (Abelin 1988), китайского (Ning Yu 1992), немецкого языков (Day 1996), израильской поэзии (Shen 1997) и др. И как видно по схеме Уильямса (см. рис. 1), это опять оказывается системой с возможностями односторонних переносов, с тактильной лексикой в одном, наиболее «физическом» конце шкалы, и слухом и зрением (точнее, красками) в другом, наиболее «эфирном» конце. (Хороший свод исследований по синестетическим метафорам можно найти и у Cacciari 1998: 128–132.)

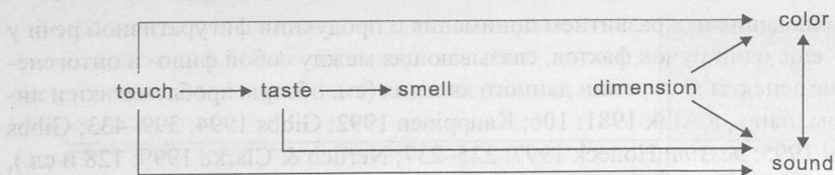

Рисунок 1. Направление проекций в синестетических метафорах
(по Дж. М. Уильямсу)

Тот же Йешйаху Шен (см. Shen 1997, содержит также и ссылки на его более ранние работы) рассматривал отношения концептуальной принадлежности лексики также относительно некоторых других материалов, например, **сравнений, оксюморонов и зевгм** (т. е. соединений двух разнородных вещей или мыслей через некий общий знаменатель, который подходит к одной из них в прямом смысле, а к другой только в переносном, или же этот знаменатель осмысливается при каждом из них по-разному – например, *Подарил три рубля и сердце*). И опять выходит то же самое: источниковые (*vehicle-*) компоненты сравнений оказываются более «материальными» (физическими, конкретными), а «мишеневые» (*tenor-*) компоненты более «идеальными» (ментальными, абстрактными); зевгмы проявляют сильную тенденцию начинать перечень членов под общим знаменателем с «прототипного» члена, т. е. такого, к которому знаменатель подходит в прямом смысле, и оставлять «непрототипный», образный член, «пойнт» в последней позиции, и т. д.⁶ Как показывают недавние работы молодых эстонских симилеведов Катре Ыйм (Katre Õim) и Сирле Савила (Sirle Savila), эстонские традиционные сравнения также ярким образом подтверждают результаты Шена.

Эксперименты Шена показательны и тем, что использованный в них эмпирический материал почерпнут из трудов еврейских поэтов разных периодов и школ, а не из языковой или фольклорной риторики. Это означает, что все же нет принципиальной пропасти между поведением тропов в текстах «высшего» поэтического ранга и на якобы более «низких» уровнях риторики, где по некоторым теоретическим соображениям должны царить избыточность, автоматичность, стертость, «эстетика тождества», отсутствие творческого начала.

Несмотря на то, что метонимия работает в пределах одного концептуального домена (схемы, идеализированной модели), Кэвечес и Радден отмечают аналогичную тенденцию к асимметрии, одностороннему выбору и в расстановке компонентов метонимической операции: “Default metonymies are characterized by a highly salient vehicle entity which affords easy mental access to a target entity” (Kövecses & Radden 1998: 63) – абстрактный компонент схемы обычно представлен ее конкретным компонентом, внутреннее наружным, неясное ясным, расплывчатое ограниченным (имеющим форму, «контуры»), менее веское более веским, генерическое специфическим и т. д. (ibid.: 64–71).

Разные процессы грамматикализации – еще одна ветвь того же дерева.

Наблюдения над развитием понимания и продукции фигуративной речи у детей – еще один пучок фактов, связывающая между собой фило- и онтогенетические аспекты диахронии данного явления (см. обзоры проблематики и литературы, напр., в Allik 1981: 106; Kauppinen 1992; Gibbs 1994: 399–433; Gibbs & Beitel 1995: *passim*; Honeck 1997: 225–237; Nerlich & Clarke 1999: 128 и сл.).

В особенности в Turner 1987, 1991; Lakoff & Turner 1989 неустанно и многократно подчеркивается, что конвенциональные метафоры составляют своего рода каркас, скелет, грамматику и для понимания более сложных, поэтических метафор.

Если иметь в виду еще концепцию сплошного метафорического характера обыденного понимания и структурированности морали – см. например, в Johnson 1993: 32–62; Lakoff 1996a; Lakoff & Johnson, 1999: 290–334, а также краткие заметки по этому поводу здесь ниже – то круг начинает замыкаться.

Остается оговорить еще одно проявление однонаправленного, необратимого характера метафорических переносов, которое касается непосредственно пословиц – Большую Цепь Бытия.

2. Большая Цепь Бытия

Большая Цепь Бытия (*The Great Chain of Being*) – это наивная теория, *folk model*, которая составляла основную стволу картины мира людей в античности, в средние века, во время Возрождения и даже позже. По этой теории все виды вещей в мире образуют определенную иерархическую систему. Каждое существо или вещь отроду принадлежит к тому или другому классу себе подобных и это место нельзя изменить. Самую верхнюю позицию в Большой Цепи занимает Бог, за ним следуют ангелы, затем разные классы людей, животные и т. д. Философ и историк идей Артур Лэвджей (Arthur Oncken Lovejoy) посвятил исследованию этой исторической картины мира свою известную книгу “*The Great Chain of Being*” (1936). Большая Цепь соотнесена также с проблематикой современной теории эволюции, точнее, с вопросом направленности / ненаправленности развития природы ко все более сложным формам существования, вопроса увеличения дивергенции природы.

Нашу паремиологическую проблематику Большая Цепь касается в том смысле, что в известной книге “*More than Cool Reason*” (1989) Лэйкофф и Тэрнер находится последняя, четвертая глава, в которой речь идет о метафорике пословиц и которая озаглавлена также “*The Great Chain of Being*”.

(Приведенная на стр. 27 схема наброшена мною, ее нет в оригинале Лэйкоффа и Тэрнера. На схеме вся неживая природа рассматривается как один суммарный уровень «вещей», в оригинале же (Lakoff & Turner 1989: 170–171) различаются натуральные физические вещи (*natural physical things*) и комплексные объекты (*complex objects*).)

			specifically human features
			instincts
		biological features	biological features
physical features	physical features	physical features	physical features
THINGS, SUBSTANCES	PLANTS	ANIMALS	HUMAN BEINGS

Рисунок 2. Большая Цепь Бытия

Лэйкофф и Тэрнер также пишут о том, что Большая Цепь – наивная теория о природе вещей и что она бытует в более узком и расширенном варианте, последний включает также общество, Бога и т. п. Как и в общем случае, мы видим иерархическую упорядоченность энтитетов бытия – от неживых субстанций и вещей к ботаническому миру, оттуда к животным и наконец к человеку как наивысшему уровню основного (узкого) варианта Цепи. Чем выше в иерархии находится класс существ, тем больше у него степеней качеств или уровней поведения: у вещей только физические качества (у комплексных объектов к тому же и структуральные атрибуты и функциональное поведение), у растений, сверх того, биологические качества, у животных, сверх двух предыдущих, инстинктивное поведение, наконец, у человека, кроме всех общих с другими, специфические, чисто человеческие качества: человеческий разум, эмоции высшего порядка, язык, мораль, чувство красоты, личностные параметры, склонность к общественной жизни и т. п.

Лэйкофф и Тэрнер многократно подчеркивают **антропоцентричность** пословиц. Человек является основным тематическим объектом пословиц. Он может быть им прямо или фигуративно, а если фигуративно — значит, человек тем самым является и основной «мишенью» метафорических проекций в пословицах.

На нашей схеме (см. рис. 2), как видим, образуется своего рода крест, который разделяет всё бытие, весь мир существ, с одной стороны, на **человека / всё остальное**, с другой стороны, на **ментальное / материальное** (с резервацией, что высшая нервная деятельность животных не будет считаться ментальной).

Мои представления о направлении метафорических переносов в пословицах, оказавшиеся потом частным проявлением универсальной закономерности, были наброшены в кое-какой зачаточной форме уже в моей ранней статье “On Denotative Indefiniteness of Proverbs” (см. Krikmann 1974a: 19, 46; ср. также Krikmann 1978: 91)⁷ и разработаны несколько более подробно в статье «Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы»

(Krikmann 1984), которая написана мною в середине 1970-ых годов и которая была опубликована в пермяковском сборнике «Паремиологические исследования» только в 1984 г., т. е. примерно 8 лет тому спустя, уже после смерти самого Пермякова. А после чтения работы Лэйкоффа и Тэрнера я осмелился оформить четыре правила, которые – разумеется, лишь в самых общих чертах, с многочисленными оговорками и исключениями, но все же – пытаются описать общее поведение пословичных метафор (см. также Krikmann 1994: 119–120).

Оформляя эти правила, мы применяем терминологию Джорджа А. Миллера в его классификации элементарных метафор (Miller 1979: 229–234). Миллер выделяет три основных типа метафор:

1) **номинальные** метафоры⁸: в качестве ходячих примеров этого типа часто приводятся предложения, как *John is a gorilla*; *Sally is a block of ice* и др.;

2) **предикативные** метафоры⁹, в которых субъектный компонент одного (целевого) понятийного домена «диагонально» сочетается с предикативным компонентом другого (источникового) домена: например, когда о мальчишке говорят, что он *лается*, или о ком-то старом, что он *выглядит увядшим*, или о времени, что оно *летит* или *лечит все раны*;

3) **сентенциальные** метафоры, которые охватывают предложение в целом: прототипным примером является известное *The rock is becoming brittle with the age* (мнение какого-то студента о старом профессоре геологии); пример принадлежит, наверно, самому Майклу Джону Реди (во всяком случае см. в Reddy 1969: 242).

Сентенциальные метафоры, видимо, особенно тесно связаны с пословицами. Макс Блэк пишет: «Стремление породить предложение, целиком состоящее из слов-метафор, приводит к созданию пословиц, аллегорий или загадок» (Black 1990 [1962]: 155).

Вот наши правила:

1. Если пословица уже в своем «внешнем» (прямом, буквальном, *literal*) плане состоит только из лексики, означающей денотаты, связанные с «высшими» (т. е. ментальными, социальными и т. п.) аспектами человека и / или т. н. абстрактные понятия, которые также относятся к человеку и только к нему, то значение пословицы находится уже «дома» или «в мишени», и ничего никуда переносить или «проецировать» невозможно, да и не требуется. В худшем случае нужна некоторая метонимическая корректировка.

Например:

Всему свое время

Если было начало, будет и конец

Всё хочется, да не всё может

Всё в мире к лучшему

There is a place for everything and everything in its place

2. Если буквальное содержание текста целиком относится к нечеловеческому миру – и агенты, и объекты, и предиктируемые им свойства, действия, отношения (т. е. говорится, например, о животных, растениях или неживой природе) и притом текст осмысливается уже в своем буквальном плане содержания

без особых помех — то этот текст составляет *сентенциальную метафору* в смысле Миллера, т. е. метафору, «покрывающую» предложение как целое, и должен переинтерпретироваться как человеко-сообразное высказывание.

Например:

Спящей кошке мышь в рот не бежит

Каково дерево, таков и отпрыск

Тихие воды глубоки

Rolling stones gather no moss

3. Когда текст уже в своем внешнем плане содержания является семантически совместимым, т. е. осмысливается без помех, и при этом человек представлен в этом буквальном плане содержания некими «нижними» уровнями своего функционирования (напр., физическими, биологическими, физиологическими) и, помимо того, в этом внешнем плане содержания могут участвовать также некоторые нечеловеческие конституэнты (как животные, вещи и т. п.) — тогда эти элементарно-человеческие денотаты (части тела, действия, свойства, отношения и т. д.) должны переосмыслиться как денотаты «высшего» человеческого порядка, т. е. как ментальные, этические, социальные и т. д., и необходимый минимум нечеловеческих денотатов также должен переинтерпретироваться в соответствующем направлении.

Лексически человек может быть задан в тексте либо прямо, т. е. с помощью существительных (*ребёнок, баба, сапожник, вор*), либо косвенно, с помощью синтаксических или т. н. *формульных элементов*: например, императивные предложения могут быть адресованы только человеку, частая в пословицах *Кто..., тот...*-формула и подобные ей также сигнализируют об «участии» человека в буквальном содержании текста.

Например:

Кто роет яму другому, сам в нее впадет

Не продавай шкуру, когда медведь еще в лесу

Утопающий хватается и за соломинку

He who lies down with dogs, will rise with fleas

Семантический статус текстов этой группы является своеобразно амбивалентным. На уровне внешнего содержания, прямого значения они кажутся семантически «гладкими», совместимыми, но в плане своей концептуальной структуры все же оказываются «сломанными». Это двоякая натура их метафорической структуры проявляется особенно наглядно, например, у «пословиц-омонимов» Пермякова, как *Лежачего не бьют* или *Не пойман — не вор* (напр., Permiakov 1975: 259, 264), которые могли в определенное время функционировать и как метафорические пословицы (где *лежание* уже не буквальное 'лежание', *биение* не 'биение' и т. д.), но и как постановления обычного права, понимаемые буквально.

Здесь сценарий не выходит, собственно, за пределы человеческого ареала — и это как раз тот регион, в котором наблюдается большая часть теорети-

ческой путаницы, затрагивающей соотношения метафоры и метонимии. Ниже будет принята попытка рассмотреть некоторые аспекты этой путаницы несколько более подробно.

4. В случае сентенциальной метафоры мотив для переинтерпретации подается, как правило, «извне», от контекста, или же предложение в своем буквальном смысле воспринимается как лишенное достаточной «прагматической нагрузки» или релевантности. В случае же номинальных и предикативных метафор в самом тексте наблюдается семантический «залом» (противоречие, несовместимость), которая мотивирует переосмысление некоторых его частей даже независимо от какого-либо контекста.

Своего рода доказательством о реальности таких «сломанных» или «частичных» метафор служат (правда, весьма редкие) пословицы, при которых возникает вопрос о том, **что именно** принадлежит концептуальному преобразованию. В эстонском фонде имеется, например, пословица *Havi peas on rohkem kui rumala mehe peas ~ rohkem kui vaese mehe aidas* ('В голове шуки больше, чем в голове глупого мужчины' ~ 'чем в амбаре бедного мужика'). Эта пословица может пониматься двояко: а) как гипербола об умственных способностях настоящей, «буквальной» шуки; б) как литота об умственных способностях глупого мужчины или материальном состоянии бедного мужика.

Так или иначе, такие частичные (номинальные, предикативные, либо имеющие более сложную семантическую структуру) метафоры весьма повсеместны в пословицах всех народов.

В семантически сломанных пословицах метафорические переносы (проекции) могут направляться как «от не-человека к человеку», так и «от человека к не-человеку».

Персонификация, или в более общем плане, анимация, составляет, может быть, самый прототипный подвид подобных метафор. Приведем несколько английских примеров персонификаций и / или анимаций по книге Нила Норрика (Neal Norrick) "How Proverbs Mean" (1985: 121–122); забавно отметить, что большинство примеров в этой книге вообще происходят из его т. н. малого корпуса, где все тексты начинаются на F:

*Favor will as surely **perish** as life*
*Fancy **flees** before the wind*
*Familiarity **breeds** contempt*
*A fair pawn never **shamed** his master*
*Facts are **stubborn** things*
*Fear has a quick **ear***

Примеры «деперсонификаций», т. е. метафор с обратным направлением проекции из эстонских пословиц:

Sulane on peremehe koer (Батрак – собака хозяина)
Vaene on rikka roog (библейская; букв.: Бедный – пища богатого)
Liha on kui lilleke (Плоть – как цветочек)

Но и здесь «горизонтальное» движение между семантическими мирами (концептуальными доменами) не может быть произвольно двусторонним. Система наших правил безусловно должна быть дополнена двумя особыми правилами, касающимися номинации и предикации:

1. Предикация в несентенциальных метафорах, как было описано выше, может на самом деле быть двусторонней – от человека к не-человеку или наоборот.

2. Номинация же бывает только односторонней. То есть, пословица может подразумевать человека, называя его животным, растением, вещью или, в предельном случае, даже человеком. Но если надо указывать на вещь, явление природы, растение или животное, то называть можно его только своим «правильным», буквальным именем (хотя предиктировать можно ему что угодно).

Если допустить, что поговорка (*proverbial phrase* в английской терминологии) представляет собой, как правило, предикативную часть высказывания, и что я правильно понимаю структуралистический слэнг Найджела Барли, то мне кажется, что он заметил нечто похожее на разграничение направления номинации уже где-то в начале 1970-ых годов, хотя он не говорит об оппозиции ‘человек / не-человек’, а ‘одушевленное / неодушевленное’. Барли пишет: “While the proverbial phrase in Modern English allows both the transformation Animate → Inanimate and Inanimate → Animate, I find no trace of the former semantic shift in true Modern English proverbs” (Barley 1972: 742).

Из природы Большой Цепи и приведенных правил прямым образом вытекают два короллария:

1. Чисто-сентенциальные метафоры с человеческим доменом-источником и нечеловеческим целевым доменом должны быть исключительными.
2. Метафорические проекции между нечеловеческими доменами должны быть исключительными.

Проверка состоятельности этих короллариев должна, разумеется, основываться на конкретных знаниях о фактах «натурального» поведения пословиц в живой фольклорной традиции того или иного народа или той или иной культуры, а не на экспериментах с современными студентами городского происхождения в лаборатории того или иного университета. Но исследователи, увы, располагают очень малым количеством подлинных знаний об этих фольклорных фактах.

Приведем несколько примеров действительных нарушений этих короллариев.

Королларий (1):

- *Mis noormees teeb, seda vanamees rikub* (‘Что молодой человек делает, то старик портит’) – эта эстонская пословица означает примерно следующее: ‘если во время новолуния заморозки, то во время ущерба следует оттепель’.
- *Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jääb öömajale* (‘Утренний гость скоро уходит, а вечерний остается на ночь’) – эстонская пословица (мо-

ческой путаницы, затрагивающей соотношения метафоры и метонимии. Ниже будет принята попытка рассмотреть некоторые аспекты этой путаницы несколько более подробно.

4. В случае сентенциальной метафоры мотив для переинтерпретации подается, как правило, «извне», от контекста, или же предложение в своем буквальном смысле воспринимается как лишенное достаточной «прагматической нагрузки» или релевантности. В случае же номинальных и предикативных метафор в самом тексте наблюдается семантический «залом» (противоречие, несовместимость), которая мотивирует переосмысление некоторых его частей даже независимо от какого-либо контекста.

Своего рода доказательством о реальности таких «сломанных» или «частичных» метафор служат (правда, весьма редкие) пословицы, при которых возникает вопрос о том, **что именно** принадлежит концептуальному преобразованию. В эстонском фонде имеется, например, пословица *Havi peas on rohkem kui rumala mehe peas ~ rohkem kui vaese mehe aidas* ('В голове шуки больше, чем в голове глупого мужчины' ~ 'чем в амбаре бедного мужика'). Эта пословица может пониматься двояко: а) как гипербола об умственных способностях настоящей, «буквальной» шуки; б) как литота об умственных способностях глупого мужчины или материальном состоянии бедного мужика.

Так или иначе, такие частичные (номинальные, предикативные, либо имеющие более сложную семантическую структуру) метафоры весьма повседневно в пословицах всех народов.

В семантически сломанных пословицах метафорические переносы (проекции) могут направляться как «от не-человека к человеку», так и «от человека к не-человеку».

Персонификация, или в более общем плане, анимация, составляет, может быть, самый прототипный подвид подобных метафор. Приведем несколько английских примеров персонификаций и / или анимаций по книге Нила Норрика (Neal Norrick) "How Proverbs Mean" (1985: 121–122); забавно отметить, что большинство примеров в этой книге вообще происходят из его т. н. малого корпуса, где все тексты начинаются на F:

*Favor will as surely **perish** as life*
*Fancy **flees** before the wind*
*Familiarity **breeds** contempt*
*A fair pawn never **shamed** his master*
*Facts are **stubborn** things*
*Fear has a quick **ear***

Примеры «деперсонификаций», т. е. метафор с обратным направлением проекции из эстонских пословиц:

Sulane on peremehe koer (Батрак – собака хозяина)
Vaene on rikka roog (библейская; букв.: Бедный – пища богатого)
Liha on kui lilleke (Плоть – как цветочек)

Но и здесь «горизонтальное» движение между семантическими мирами (концептуальными доменами) не может быть произвольно двусторонним. Система наших правил безусловно должна быть дополнена двумя особыми правилами, касающимися номинации и предикации:

1. Предикация в несентенциальных метафорах, как было описано выше, может на самом деле быть двусторонней – от человека к не-человеку или наоборот.

2. Номинация же бывает только односторонней. То есть, пословица может подразумевать человека, называя его животным, растением, вещью или, в предельном случае, даже человеком. Но если надо указывать на вещь, явление природы, растение или животное, то называть можно его только своим «правильным», буквальным именем (хотя предиктировать можно ему что угодно).

Если допустить, что поговорка (*proverbial phrase* в английской терминологии) представляет собой, как правило, предикативную часть высказывания, и что я правильно понимаю структуралистический слэнг Найджела Барли, то мне кажется, что он заметил нечто похожее на разграничение направления номинации уже где-то в начале 1970-ых годов, хотя он не говорит об оппозиции ‘человек / не-человек’, а ‘одушевленное / неодушевленное’. Барли пишет: “While the proverbial phrase in Modern English allows both the transformation Animate → Inanimate and Inanimate → Animate, I find no trace of the former semantic shift in true Modern English proverbs” (Barley 1972: 742).

Из природы Большой Цепи и приведенных правил прямым образом вытекают два короллария:

1. Чисто-сентенциальные метафоры с человеческим доменом-источником и нечеловеческим целевым доменом должны быть исключительными.
2. Метафорические проекции между нечеловеческими доменами должны быть исключительными.

Проверка состоятельности этих короллариев должна, разумеется, основываться на конкретных знаниях о фактах «натурального» поведения пословиц в живой фольклорной традиции того или иного народа или той или иной культуры, а не на экспериментах с современными студентами городского происхождения в лаборатории того или иного университета. Но исследователи, увы, располагают очень малым количеством подлинных знаний об этих фольклорных фактах.

Приведем несколько примеров действительных нарушений этих короллариев.

Королларий (1):

- *Mis noormees teeb, seda vanamees rikub* (‘Что молодой человек делает, то старик портит’) – эта эстонская пословица означает примерно следующее: ‘если во время новолуния заморозки, то во время ущерба следует оттепель’.
- *Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jääb öömajale* (‘Утренний гость скоро уходит, а вечерний остается на ночь’) – эстонская пословица (мо-

ческой путаницы, затрагивающей соотношения метафоры и метонимии. Ниже будет принята попытка рассмотреть некоторые аспекты этой путаницы несколько более подробно.

4. В случае сентенциальной метафоры мотив для переинтерпретации подается, как правило, «извне», от контекста, или же предложение в своем буквальном смысле воспринимается как лишенное достаточной «прагматической нагрузки» или релевантности. В случае же номинальных и предикативных метафор в самом тексте наблюдается семантический «залом» (противоречие, несовместимость), которая мотивирует переосмысление некоторых его частей даже независимо от какого-либо контекста.

Своего рода доказательством о реальности таких «сломанных» или «частичных» метафор служат (правда, весьма редкие) пословицы, при которых возникает вопрос о том, **что именно** принадлежит концептуальному преобразованию. В эстонском фонде имеется, например, пословица *Havi peas on rohkem kui rumala mehe peas ~ rohkem kui vaese mehe aidas* ('В голове щуки больше, чем в голове глупого мужчины' ~ 'чем в амбаре бедного мужика'). Эта пословица может пониматься двояко: а) как гипербола об умственных способностях настоящей, «буквальной» щуки; б) как литота об умственных способностях глупого мужчины или материальном состоянии бедного мужика.

Так или иначе, такие частичные (номинальные, предикативные, либо имеющие более сложную семантическую структуру) метафоры весьма повсеместны в пословицах всех народов.

В семантически сломанных пословицах метафорические переносы (проекции) могут направляться как «от не-человека к человеку», так и «от человека к не-человеку».

Персонификация, или в более общем плане, анимация, составляет, может быть, самый прототипный подвид подобных метафор. Приведем несколько английских примеров персонификаций и / или анимаций по книге Нила Норрика (Neal Norrick) "How Proverbs Mean" (1985: 121–122); забавно отметить, что большинство примеров в этой книге вообще происходят из его т. н. малого корпуса, где все тексты начинаются на *F*:

*Favor will as surely **perish** as life*

*Fancy **flees** before the wind*

*Familiarity **breeds** contempt*

*A fair pawn never **shamed** his master*

*Facts are **stubborn** things*

*Fear has a quick **ear***

Примеры «деперсонификаций», т. е. метафор с обратным направлением проекции из эстонских пословиц:

Sulane on peremehe koer (Батрак – собака хозяина)

Vaene on rikka roog (библейская; букв.: Бедный – пища богатого)

Liha on kui lilleke (Плоть – как цветочек)

Но и здесь «горизонтальное» движение между семантическими мирами (концептуальными доменами) не может быть произвольно двусторонним. Система наших правил безусловно должна быть дополнена двумя особыми правилами, касающимися номинации и предикации:

1. Предикация в несентенциальных метафорах, как было описано выше, может на самом деле быть двусторонней – от человека к не-человеку или наоборот.

2. Номинация же бывает только односторонней. То есть, пословица может подразумевать человека, называя его животным, растением, вещью или, в предельном случае, даже человеком. Но если надо указывать на вещь, явление природы, растение или животное, то называть можно его только своим «правильным», буквальным именем (хотя предиктировать можно ему что угодно).

Если допустить, что поговорка (*proverbial phrase* в английской терминологии) представляет собой, как правило, предикативную часть высказывания, и что я правильно понимаю структуралистический слэнг Найджела Барли, то мне кажется, что он заметил нечто похожее на разграничение направления номинации уже где-то в начале 1970-ых годов, хотя он не говорит об оппозиции ‘человек / не-человек’, а ‘одушевленное / неодушевленное’. Барли пишет: “While the proverbial phrase in Modern English allows both the transformation *Animate* → *Inanimate* and *Inanimate* → *Animate*, I find no trace of the former semantic shift in true Modern English proverbs” (Barley 1972: 742).

Из природы Большой Цепи и приведенных правил прямым образом вытекают два короллария:

1. Чисто-сентенциальные метафоры с человеческим доменом-источником и нечеловеческим целевым доменом должны быть исключительными.

2. Метафорические проекции между нечеловеческими доменами должны быть исключительными.

Проверка состоятельности этих короллариев должна, разумеется, основываться на конкретных знаниях о фактах «натурального» поведения пословиц в живой фольклорной традиции того или иного народа или той или иной культуры, а не на экспериментах с современными студентами городского происхождения в лаборатории того или иного университета. Но исследователи, увы, располагают очень малым количеством подлинных знаний об этих фольклорных фактах.

Приведем несколько примеров действительных нарушений этих короллариев.

Королларий (1):

- *Mis noormees teeb, seda vanamees rikub* (‘Что молодой человек делает, то старик портит’) – эта эстонская пословица означает примерно следующее: ‘если во время новолуния заморозки, то во время ущерба следует оттепель’.
- *Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jääb öömajale* (‘Утренний гость скоро уходит, а вечерний остается на ночь’) – эстонская пословица (мо-

ческой путаницы, затрагивающей соотношения метафоры и метонимии. Ниже будет принята попытка рассмотреть некоторые аспекты этой путаницы несколько более подробно.

4. В случае сентенциальной метафоры мотив для переинтерпретации подается, как правило, «извне», от контекста, или же предложение в своем буквальном смысле воспринимается как лишенное достаточной «прагматической нагрузки» или релевантности. В случае же номинальных и предикативных метафор в самом тексте наблюдается семантический «залом» (противоречие, несовместимость), которая мотивирует переосмысление некоторых его частей даже независимо от какого-либо контекста.

Своего рода доказательством о реальности таких «сломанных» или «частичных» метафор служат (правда, весьма редкие) пословицы, при которых возникает вопрос о том, что именно принадлежит концептуальному переобразованию. В эстонском фонде имеется, например, пословица *Havi peas on rohkem kui rumala mehe peas ~ rohkem kui vaese mehe aidas* ('В голове щуки больше, чем в голове глупого мужчины' ~ 'чем в амбаре бедного мужика'). Эта пословица может пониматься двояко: а) как гипербола об умственных способностях настоящей, «буквальной» щуки; б) как литота об умственных способностях глупого мужчины или материальном состоянии бедного мужика.

Так или иначе, такие частичные (номинальные, предикативные, либо имеющие более сложную семантическую структуру) метафоры весьма повседневно в пословицах всех народов.

В семантически сломанных пословицах метафорические переносы (проекции) могут направляться как «от не-человека к человеку», так и «от человека к не-человеку».

Персонификация, или в более общем плане, анимация, составляет, может быть, самый прототипный подвид подобных метафор. Приведем несколько английских примеров персонификаций и / или анимаций по книге Нила Норрика (Neal Norrick) "How Proverbs Mean" (1985: 121–122); забавно отметить, что большинство примеров в этой книге вообще происходят из его т. н. малого корпуса, где все тексты начинаются на F:

*Favor will as surely **perish** as life*
*Fancy **flees** before the wind*
*Familiarity **breeds** contempt*
*A fair pawn never **shamed** his master*
*Facts are **stubborn** things*
*Fear has a quick **ear***

Примеры «деперсонификаций», т. е. метафор с обратным направлением проекции из эстонских пословиц:

Sulane on peremehe koer (Батрак – собака хозяина)
Vaene on rikka roog (библейская; букв.: Бедный – пища богатого)
Liha on kui lilleke (Плоть – как цветочек)

Но и здесь «горизонтальное» движение между семантическими мирами (концептуальными доменами) не может быть произвольно двусторонним. Система наших правил безусловно должна быть дополнена двумя особыми правилами, касающимися номинации и предикации:

1. Предикация в несентенциальных метафорах, как было описано выше, может на самом деле быть двусторонней – от человека к не-человеку или наоборот.

2. Номинация же бывает только односторонней. То есть, пословица может подразумевать человека, называя его животным, растением, вещью или, в предельном случае, даже человеком. Но если надо указывать на вещь, явление природы, растение или животное, то называть можно его только своим «правильным», буквальным именем (хотя предиктировать можно ему что угодно).

Если допустить, что поговорка (*proverbial phrase* в английской терминологии) представляет собой, как правило, предикативную часть высказывания, и что я правильно понимаю структуралистический слэнг Найджела Барли, то мне кажется, что он заметил нечто похожее на разграничение направления номинации уже где-то в начале 1970-ых годов, хотя он не говорит об оппозиции ‘человек / не-человек’, а ‘одушевленное / неодушевленное’. Барли пишет: “While the proverbial phrase in Modern English allows both the transformation *Animate* → *Inanimate* and *Inanimate* → *Animate*, I find no trace of the former semantic shift in true Modern English proverbs” (Barley 1972: 742).

Из природы Большой Цепи и приведенных правил прямым образом вытекают два короллярия:

1. Чисто-сентенциальные метафоры с человеческим доменом-источником и нечеловеческим целевым доменом должны быть исключительными.

2. Метафорические проекции между нечеловеческими доменами должны быть исключительными.

Проверка состоятельности этих королляриев должна, разумеется, основываться на конкретных знаниях о фактах «натурального» поведения пословиц в живой фольклорной традиции того или иного народа или той или иной культуры, а не на экспериментах с современными студентами городского происхождения в лаборатории того или иного университета. Но исследователи, увы, располагают очень малым количеством подлинных знаний об этих фольклорных фактах.

Приведем несколько примеров действительных нарушений этих королляриев.

Короллярый (1):

- *Mis noormees teeb, seda vanamees rikub* (‘Что молодой человек делает, то старик портит’) – эта эстонская пословица означает примерно следующее: ‘если во время новолуния заморозки, то во время ущерба следует оттепель’.
- *Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jääb öömajale* (‘Утренний гость скоро уходит, а вечерний остается на ночь’) – эстонская пословица (мо-

ческой путаницы, затрагивающей соотношения метафоры и метонимии. Ниже будет принята попытка рассмотреть некоторые аспекты этой путаницы несколько более подробно.

4. В случае сентенциальной метафоры мотив для переинтерпретации подается, как правило, «извне», от контекста, или же предложение в своем буквальном смысле воспринимается как лишенное достаточной «прагматической нагрузки» или релевантности. В случае же номинальных и предикативных метафор в самом тексте наблюдается семантический «залом» (противоречие, несовместимость), которая мотивирует переосмысление некоторых его частей даже независимо от какого-либо контекста.

Своего рода доказательством о реальности таких «сломанных» или «частичных» метафор служат (правда, весьма редкие) пословицы, при которых возникает вопрос о том, **что именно** принадлежит концептуальному преобразованию. В эстонском фонде имеется, например, пословица *Havi peas on rohkem kui rumala mehe peas ~ rohkem kui vaese mehe aidas* ('В голове шуки больше, чем в голове глупого мужчины' ~ 'чем в амбаре бедного мужика'). Эта пословица может пониматься двояко: а) как гипербола об умственных способностях настоящей, «буквальной» шуки; б) как литота об умственных способностях глупого мужчины или материальном состоянии бедного мужика.

Так или иначе, такие частичные (номинальные, предикативные, либо имеющие более сложную семантическую структуру) метафоры весьма повсеместны в пословицах всех народов.

В семантически сломанных пословицах метафорические переносы (проекции) могут направляться как «от не-человека к человеку», так и «от человека к не-человеку».

Персонификация, или в более общем плане, анимация, составляет, может быть, самый прототипный подвид подобных метафор. Приведем несколько английских примеров персонификаций и / или анимаций по книге Нила Норрика (Neal Norrick) "How Proverbs Mean" (1985: 121–122); забавно отметить, что большинство примеров в этой книге вообще происходят из его т. н. малого корпуса, где все тексты начинаются на F:

*Favor will as surely **perish** as life*

*Fancy **flees** before the wind*

*Familiarity **breeds** contempt*

*A fair pawn never **shamed** his master*

*Facts are **stubborn** things*

*Fear has a quick **ear***

Примеры «деперсонификаций», т. е. метафор с обратным направлением проекции из эстонских пословиц:

Sulane on peremehe koer (Батрак – собака хозяина)

Vaene on rikka roog (библейская; букв.: Бедный – пища богатого)

Liha on kui lilleke (Плоть – как цветочек)

Но и здесь «горизонтальное» движение между семантическими мирами (концептуальными доменами) не может быть произвольно двусторонним. Система наших правил безусловно должна быть дополнена двумя особыми правилами, касающимися номинации и предикации:

1. Предикация в несентенциальных метафорах, как было описано выше, может на самом деле быть двусторонней – от человека к не-человеку или наоборот.

2. Номинация же бывает только односторонней. То есть, пословица может подразумевать человека, называя его животным, растением, вещью или, в предельном случае, даже человеком. Но если надо указывать на вещь, явление природы, растение или животное, то называть можно его только своим «правильным», буквальным именем (хотя предиктировать можно ему что угодно).

Если допустить, что поговорка (*proverbial phrase* в английской терминологии) представляет собой, как правило, предикативную часть высказывания, и что я правильно понимаю структуралистический слэнг Найджела Барли, то мне кажется, что он заметил нечто похожее на разграничение направления номинации уже где-то в начале 1970-ых годов, хотя он не говорит об оппозиции 'человек / не-человек', а 'одушевленное / неодушевленное'. Барли пишет: "While the proverbial phrase in Modern English allows both the transformation Animate → Inanimate and Inanimate → Animate, I find no trace of the former semantic shift in true Modern English proverbs" (Barley 1972: 742).

Из природы Большой Цепи и приведенных правил прямым образом вытекают два короллярия:

1. Чисто-сентенциальные метафоры с человеческим доменом-источником и нечеловеческим целевым доменом должны быть исключительными.
2. Метафорические проекции между нечеловеческими доменами должны быть исключительными.

Проверка состоятельности этих королляриев должна, разумеется, основываться на конкретных знаниях о фактах «натурального» поведения пословиц в живой фольклорной традиции того или иного народа или той или иной культуры, а не на экспериментах с современными студентами городского происхождения в лаборатории того или иного университета. Но исследователи, увы, располагают очень малым количеством подлинных знаний об этих фольклорных фактах.

Приведем несколько примеров действительных нарушений этих королляриев.

Короллярий (1):

- *Mis noormees teeb, seda vanamees rikub* ('Что молодой человек делает, то старик портит') – эта эстонская пословица означает примерно следующее: 'если во время новолуния заморозки, то во время ущерба следует оттепель'.
- *Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jääb öömajale* ('Утренний гость скоро уходит, а вечерний остается на ночь') – эстонская пословица (мо-

ческой путаницы, затрагивающей соотношения метафоры и метонимии. Ниже будет принята попытка рассмотреть некоторые аспекты этой путаницы несколько более подробно.

4. В случае сентенциальной метафоры мотив для переинтерпретации подается, как правило, «извне», от контекста, или же предложение в своем буквальном смысле воспринимается как лишенное достаточной «прагматической нагрузки» или релевантности. В случае же номинальных и предикативных метафор в самом тексте наблюдается семантический «залом» (противоречие, несовместимость), которая мотивирует переосмысление некоторых его частей даже независимо от какого-либо контекста.

Своего рода доказательством о реальности таких «сломанных» или «частичных» метафор служат (правда, весьма редкие) пословицы, при которых возникает вопрос о том, **что именно** принадлежит концептуальному преобразованию. В эстонском фонде имеется, например, пословица *Havi peas on rohkem kui rumala mehe peas ~ rohkem kui vaese mehe aidas* ('В голове шуки больше, чем в голове глупого мужчины' ~ 'чем в амбаре бедного мужика'). Эта пословица может пониматься двояко: а) как гипербола об умственных способностях настоящей, «буквальной» шуки; б) как литота об умственных способностях глупого мужчины или материальном состоянии бедного мужика.

Так или иначе, такие частичные (номинальные, предикативные, либо имеющие более сложную семантическую структуру) метафоры весьма повсеместны в пословицах всех народов.

В семантически сломанных пословицах метафорические переносы (проекции) могут направляться как «от не-человека к человеку», так и «от человека к не-человеку».

Персонификация, или в более общем плане, анимация, составляет, может быть, самый прототипный подвид подобных метафор. Приведем несколько английских примеров персонификаций и / или анимаций по книге Нила Норрика (Neal Norrick) "How Proverbs Mean" (1985: 121–122); забавно отметить, что большинство примеров в этой книге вообще происходят из его т. н. малого корпуса, где все тексты начинаются на F:

*Favor will as surely **perish** as life*
*Fancy **flees** before the wind*
*Familiarity **breeds** contempt*
*A fair pawn never **shamed** his master*
*Facts are **stubborn** things*
*Fear has a quick **ear***

Примеры «деперсонификаций», т. е. метафор с обратным направлением проекции из эстонских пословиц:

Sulane on peremehe koer (Батрак – собака хозяина)
Vaene on rikka roog (библейская; букв.: Бедный – пища богатого)
Liha on kui lilleke (Плоть – как цветочек)

Но и здесь «горизонтальное» движение между семантическими мирами (концептуальными доменами) не может быть произвольно двусторонним. Система наших правил безусловно должна быть дополнена двумя особыми правилами, касающимися номинации и предикации:

1. Предикация в несентенциальных метафорах, как было описано выше, может на самом деле быть двусторонней – от человека к не-человеку или наоборот.

2. Номинация же бывает только односторонней. То есть, пословица может подразумевать человека, называя его животным, растением, вещью или, в предельном случае, даже человеком. Но если надо указывать на вещь, явление природы, растение или животное, то называть можно его только своим «правильным», буквальным именем (хотя предиктировать можно ему что угодно).

Если допустить, что поговорка (*proverbial phrase* в английской терминологии) представляет собой, как правило, предикативную часть высказывания, и что я правильно понимаю структуралистический слэнг Найджела Барли, то мне кажется, что он заметил нечто похожее на разграничение направления номинации уже где-то в начале 1970-ых годов, хотя он не говорит об оппозиции ‘человек / не-человек’, а ‘одушевленное / неодушевленное’. Барли пишет: “While the proverbial phrase in Modern English allows both the transformation *Animate* → *Inanimate* and *Inanimate* → *Animate*, I find no trace of the former semantic shift in true Modern English proverbs” (Barley 1972: 742).

Из природы Большой Цепи и приведенных правил прямым образом вытекают два короллария:

1. Чисто-сентенциальные метафоры с человеческим доменом-источником и нечеловеческим целевым доменом должны быть исключительными.
2. Метафорические проекции между нечеловеческими доменами должны быть исключительными.

Проверка состоятельности этих короллариев должна, разумеется, основываться на конкретных знаниях о фактах «натурального» поведения пословиц в живой фольклорной традиции того или иного народа или той или иной культуры, а не на экспериментах с современными студентами городского происхождения в лаборатории того или иного университета. Но исследователи, увы, располагают очень малым количеством подлинных знаний об этих фольклорных фактах.

Приведем несколько примеров действительных нарушений этих короллариев.

Королларий (1):

- *Mis noormees teeb, seda vanamees rikub* (‘Что молодой человек делает, то старик портит’) – эта эстонская пословица означает примерно следующее: ‘если во время новолуния заморозки, то во время ущерба следует оттепель’.
- *Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jääb öömajale* (‘Утренний гость скоро уходит, а вечерний остается на ночь’) – эстонская пословица (мо-

ческой путаницы, затрагивающей соотношения метафоры и метонимии. Ниже будет принята попытка рассмотреть некоторые аспекты этой путаницы несколько более подробно.

4. В случае сентенциальной метафоры мотив для переинтерпретации подается, как правило, «извне», от контекста, или же предложение в своем буквальном смысле воспринимается как лишенное достаточной «прагматической нагрузки» или релевантности. В случае же номинальных и предикативных метафор в самом тексте наблюдается семантический «залом» (противоречие, несовместимость), которая мотивирует переосмысление некоторых его частей даже независимо от какого-либо контекста.

Своего рода доказательством о реальности таких «сломанных» или «частичных» метафор служат (правда, весьма редкие) пословицы, при которых возникает вопрос о том, **что именно** принадлежит концептуальному преобразованию. В эстонском фонде имеется, например, пословица *Havi peas on rohkem kui rumala mehe peas ~ rohkem kui vaese mehe aidas* ('В голове шуки больше, чем в голове глупого мужчины' ~ 'чем в амбаре бедного мужика'). Эта пословица может пониматься двояко: а) как гипербола об умственных способностях настоящей, «буквальной» шуки; б) как литота об умственных способностях глупого мужчины или материальном состоянии бедного мужика.

Так или иначе, такие частичные (номинальные, предикативные, либо имеющие более сложную семантическую структуру) метафоры весьма повсеместны в пословицах всех народов.

В семантически сломанных пословицах метафорические переносы (проекции) могут направляться как «от не-человека к человеку», так и «от человека к не-человеку».

Персонификация, или в более общем плане, анимация, составляет, может быть, самый прототипный подвид подобных метафор. Приведем несколько английских примеров персонификаций и / или анимаций по книге Нила Норрика (Neal Norrick) "How Proverbs Mean" (1985: 121–122); забавно отметить, что большинство примеров в этой книге вообще происходят из его т. н. малого корпуса, где все тексты начинаются на F:

*Favor will as surely **perish** as life*
*Fancy **flees** before the wind*
*Familiarity **breeds** contempt*
*A fair pawn never **shamed** his master*
*Facts are **stubborn** things*
*Fear has a quick **ear***

Примеры «деперсонификаций», т. е. метафор с обратным направлением проекции из эстонских пословиц:

Sulane on peremehe koer (Батрак – собака хозяина)
Vaene on rikka roog (библейская; букв.: Бедный – пища богатого)
Liha on kui lilleke (Плоть – как цветочек)

Но и здесь «горизонтальное» движение между семантическими мирами (концептуальными доменами) не может быть произвольно двусторонним. Система наших правил безусловно должна быть дополнена двумя особыми правилами, касающимися номинации и предикации:

1. Предикация в несентенциальных метафорах, как было описано выше, может на самом деле быть двусторонней – от человека к не-человеку или наоборот.

2. Номинация же бывает только односторонней. То есть, пословица может подразумевать человека, называя его животным, растением, вещью или, в предельном случае, даже человеком. Но если надо указывать на вещь, явление природы, растение или животное, то называть можно его только своим «правильным», буквальным именем (хотя предиктировать можно ему что угодно).

Если допустить, что поговорка (*proverbial phrase* в английской терминологии) представляет собой, как правило, предикативную часть высказывания, и что я правильно понимаю структуралистический слэнг Найджела Барли, то мне кажется, что он заметил нечто похожее на разграничение направления номинации уже где-то в начале 1970-ых годов, хотя он не говорит об оппозиции ‘человек / не-человек’, а ‘одушевленное / неодушевленное’. Барли пишет: “While the proverbial phrase in Modern English allows both the transformation Animate → Inanimate and Inanimate → Animate, I find no trace of the former semantic shift in true Modern English proverbs” (Barley 1972: 742).

Из природы Большой Цепи и приведенных правил прямым образом вытекают два короллария:

1. Чисто-сентенциальные метафоры с человеческим доменом-источником и нечеловеческим целевым доменом должны быть исключительными.
2. Метафорические проекции между нечеловеческими доменами должны быть исключительными.

Проверка состоятельности этих короллариев должна, разумеется, основываться на конкретных знаниях о фактах «натурального» поведения пословиц в живой фольклорной традиции того или иного народа или той или иной культуры, а не на экспериментах с современными студентами городского происхождения в лаборатории того или иного университета. Но исследователи, увы, располагают очень малым количеством подлинных знаний об этих фольклорных фактах.

Приведем несколько примеров действительных нарушений этих короллариев.

Королларий (1):

- *Mis noormees teeb, seda vanamees rikub* (‘Что молодой человек делает, то старик портит’) – эта эстонская пословица означает примерно следующее: ‘если во время новолуния заморозки, то во время ущерба следует оттепель’.
- *Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jääb öömajale* (‘Утренний гость скоро уходит, а вечерний остается на ночь’) – эстонская пословица (мо-

жет быть, заимствование из русского) о связи между временем начала и продолжительностью дождя.

Королларий (2):

- *Tühi kott ei seisa püsti* ('Пустой мешок не будет стоять прямо') – у этой эстонской пословицы документировано, наряду с многими другими, подзначение 'голодное домашнее животное теряет работоспособность или продуктивность'.
- *Karhull on karhun penikat* ('У медведя и щенята медвежьи') – эта финская пословица может иметь, наряду с другими, подзначение 'суровой зиме последует холодное лето'.

Некоторые употребления, приведенные Лэйкоффом и Тэрнером, также можно считать мыслимыми, но крайне редкими: "For example, *Big thunder / little rain* might be applied to a viciously barking dog, as way of saying that there's no reason to be afraid of him" (Lakoff & Turner 1989: 179), или далее: *Big thunder / little rain* works in pretty much the same way as the English proverb *All bark and no bite*. <...> The only difference is *All bark and no bite* cannot be applied metaphorically to dogs, but it can be applied metaphorically to thunderstorms" (ibid.: 180).

Следующие рассуждения Хонека (Honeck 1997: 142–143) представляют нам уже чисто «лабораторными»: "*Too many cooks spoil the broth* <...> can comment critically on any situation that does not conform to the ideal. This will usually be some human activity but does not have to be. For example, we could apply "*Too many cooks...*" to a beaver dam that is poorly built because several families of beavers worked on it." Или: "What are the pragmatics of an ideal-confirming proverb, *Make hay while the sun shines?* <...> Again, this proverb, though typically applied to human activity, can be appropriately applied, say, to animals that engage in sexual intercourse during the female estrus cycle."

3. Проблема генерического

Наивная теория Природы Вещей (*Nature of Things*), отражающая суть и структуру Большой Цепи Бытия – это лишь один из компонентов теоретической модели Лэйкоффа и Тэрнера, названной Метафорой Большой Цепи. Два остальных – Максима Количества (*Maxim of Quantity*) и метафора ГЕНЕРИЧЕСКОЕ ЕСТЬ СПЕЦИФИЧЕСКОЕ (GENERIC IS SPECIFIC).

Поскольку прагматическим максимам свойственно вливаться одна в другую, то нельзя с полной уверенностью сказать, должна ли работающая здесь максима квалифицироваться как максима количества, или скорее как максима релевантности. Но суть ее в том, что референт любой ступени Цепи легче и экономнее всего мыслится как функционирующий на наивысшем уровне своих возможностей: человек как ментальное и социальное существо,

животное как существо, руководимое инстинктами и т. д. То есть, специфика существ любого уровня определяется как раз наивысшим слоем присущих ему качеств и форм поведения. Если надо сослаться на его другие, более элементарные аспекты, необходимо приложить дополнительную информацию (см. Lakoff & Turner 1989: 172 и сл., а еще короче и счетче в Turner 1991: 169). Так, самая активная зона метафорических контактов – диагональ на приведенной выше схеме (рис. 2).

Понятие же генерического и его соотношение со специфическим¹⁰ – не только в метафорах пословиц, но в метафорах вообще – включает в себе серьезные теоретические проблемы.

Генерическое появляется впервые на сцене когнитивной теории метафоры в “More than Cool Reason”, одним из мотивов его появления была, по-видимому, потребность в объяснении многозначности сентенциально-метафорических пословиц, а другим – особый лад персонификационной метафоры СОБЫТИЯ СУТЬ ДЕЙСТВИЯ (EVENTS ARE ACTIONS), в которой “the source domain of actions is a subcategory of the target category of events; that is, every action is an event, though the converse is not true” (Lakoff & Turner 1989: 75). До этого метафора рассматривалась просто как операция проекции между двумя схемами, происходящими из разных доменов. Так, с тех пор примерно до середины 1990-ых годов для описания метафоры в когнитивной лингвистике использовалась модель, состоящая из трех схем (см. рис. 3).

Лэйкофф и Тэрнер объясняют функционирование этого треугольника в пословицах на примере *Слепой обвиняет канаву* (*‘Blind blames the ditch’*):

1) специфическая схема, представляющая домен-источник: есть человек, который по причине своей слепоты не замечает канаву, пересекающую его путь; он падает в канаву и обвиняет в случившемся канаву, а не свою слепоту, как следовало бы;

2) специфическая схема целевого домена: Гэри Харт, кандидат в президенты США, проявляющий излишний интерес к женщинам, совершает во время избирательной кампании некий аморальный поступок; пресса предаст огласке этот факт; Харт проваливается и обвиняет в своем провале прессу, а не свои наклонности и поступки, как следовало бы;

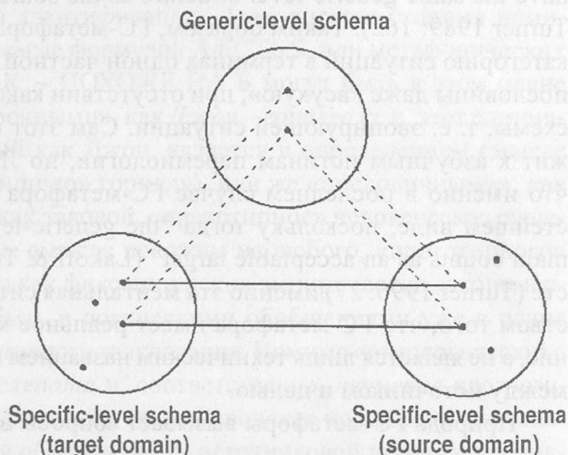

Рисунок 3. Трехсхемная модель метафоры (по Фоконье и Тэрнеру)

3) генерическая схема: есть человек с неким недостатком; он впадает в ситуацию, где этот недостаток приносит ему вред; он обвиняет ситуацию, а не свой недостаток, как следовало бы.

Как видим, генерическая схема представляет собой определенную репрезентацию семантической (или концептуальной) общей части двух специфических схем разных доменов – в данном случае физико-физиологического и социально-этического, – мыслимую и оформленную в достаточно общих и абстрактных категориях, с целью покрыть как саму схему источникового домена (т. е. содержание пословицы в его буквальном понимании), так и схемы всех возможных ситуаций, подходящих для применения данной пословицы или иной метафоры.

Соотношение генерического и специфического Лэйкофф и Тэрнер называют **метафорой ГЕНЕРИЧЕСКОЕ ЕСТЬ СПЕЦИФИЧЕСКОЕ** (GENERIC IS SPECIFIC; далее: ГС-метафора), подчеркивая, вместе с тем, что это – весьма особый вид метафоры: когда метафора обычно связывает две конкретные, специфические схемы, то ГС-метафора “maps a single specific-level schema onto an indefinitely large number of parallel specific-level schemas that all have the same generic-level structure as the source-domain schema” (Lakoff & Turner 1989: 162). Таким образом, ГС-метафора позволяет понимать целую категорию ситуаций в терминах одной частной ситуации, а также понимать пословицы даже «всухую», при отсутствии какой-либо конкретной целевой схемы, т. е. эвоцирующей ситуации. Сам этот факт, разумеется, принадлежит к азбучным истинам паремиологии, но Лэйкофф и Тэрнер полагают, что именно в последнем случае ГС-метафора проявляет себя в своем чистейшем виде, поскольку тогда “the generic-level schema of the source domain counts as an acceptable target” (Lakoff & Turner 1989: 165). В ином месте (Turner 1996: 27) именно эта ментальная ситуация считается доказательством того, что ГС-метафора имеет реальное концептуальное существование, а не является лишь техническим названием концептуальной общей части между источником и целью.

Природа ГС-метафоры вызывает вопросы во многих планах.

1. По-видимому, необходимо сразу же оговорить, чтобы ГС-метафора рассматривалась лишь как принципиальная возможность обобщенного толкования пословицы, а не как определенный уровень обобщенности. Во-первых, освобождение пословицы от ее образной оболочки или т. н. абстрагирование ее содержания может быть или легкой корректировкой некоторых ее «метонимических позиций», не выходя из пределов домена-источника, или чем-то промежуточным, например, ориентированным на формулировку общей части между источником и некой конкретной целевой схемой (или нескольких «основных значений»)¹¹, то ли быть крайне радикальным. Во-вторых, подобное абстрагирование может происходить в разных направлениях и быть в каждом из них в разной мере радикальным.

В одном из крайних случаев пословицы могут оказаться представленными логическими схемами подобно обобщающих импликаций Канье (Kanyó

1981: 109 и сл., ср. Krikmann 1984) или основных инвариантных типов соотношений между вещами и их свойствами у Пермякова (напр., Permiakov 1968: 28 и сл.; 1970: 20–21)¹². Такие выражения совершенно явно оформляют уже общие характеристики целого жанра, а не отдельных пословиц, и не способны отличать смысловой потенциал одной пословицы от потенциала другой.

2. Полисемия метафор не ограничивается пословицами, а наблюдается в принципе где угодно, и ГС-метафора также якобы должна выполнять свою роль медиатора между источником и целью метафоры где угодно. В примере *Слепой обвиняет канаву* репрезентации всех трех схем – и слепого, и президентского кандидата, и генерической – задавались в виде определенных **повествовательных** сценариев, цепочек событий. В “The Literary Mind” Тэрнер даже считает нарративную форму основной формой образного мышления вообще, также применительно к пословицам: “Proverbs frequently present a condensed, implicit story to be interpreted through projection” (Turner 1996: 5–6). Тем не менее, метафоры выступают, как правило, в **пропозициях** и неизбежные при их употреблении и понимании операции категоризации, оценки прототипности, «видности» (*salience*) признаков вещей и т. п. неизбежно приводят нас к проблемам логической квантификации. Даже внешне сходные номинальные метафоры, обозначаемые формулой А ЕСТЬ Б, или метафорических сравнений типа А ЕСТЬ КАК ~ ПОХОЖЕ НА Б могут быть в этом плане двоякими – скажем, «поговорочными», как *Джон – горилла* (т. е. этот единственный человек здесь, известный как Джон, является в определенном смысле похожим на любую, «прототипную» гориллу), или же «пословичными», как *Человек – волк* (т. е. человек как таковой, «прототипное» человеческое существо является в определенном смысле похожим на любого, «прототипного» волка). К тому же, пословицы как фиксации неких эмпирических закономерностей неизбежно должны быть и логическими обобщениями уже в плане своего буквального, нефигуративного толкования. Помимо «онтологических» обобщений, путем которых *слепота* и, соответственно, *неумение прогнозировать последствия* в специфических схемах сводятся под общий знаменатель *недостаток*, логическая обобщенность источниковой пропозиции также должна наследоваться от источника к пропозиции генерического уровня. Модель Лэйкоффа и Тэрнера обходит молчанием соотношения этих двух видов генерализации при разных кванторных конфигурациях в метафорическом выражении, а также их возможные воздействия на пресловутый принцип инвариантности (*Invariance Principle*). В ином контексте Лэйкофф лишь мимоходом отмечает: “A single metaphorical mapping ought to characterize both the linguistic and logical generalizations at once” (Lakoff 1993: 213).

Однако, Найджел Барли гораздо раньше четко различил эти два аспекта – онтологическую обобщаемость на разные ситуации и логически обобщенный характер – в смысловой структуре пословицы (см. Barley 1972: 738–739).

3. ГС-метафора, с одной стороны, некоторыми своими свойствами действительно напоминает метафору.

Здесь, как и в случае обычной, СС-метафоры наблюдаются отношения аналогий, «онтологических соответствий» (*ontological correspondences*) между компонентами источниковой и целевой С-схемы. Направление операции – более неопределенное и абстрактное моделируется через более ясное и конкретное – также согласуется с общим направлением Большого Потока.

С другой стороны, однако, отношение генерического и специфического никоим образом не соответствует обычному пониманию метафоры как отношения двух отдельных, «дистинктных» концептуальных доменов, а скорее квалифицируется как метонимия, точнее – синекдоха. Некоторые авторы, например, Кэвчес и Радден, и трактовали отношение между специфическим и генерическим в пословицах как метонимию: “we regard proverbs as being specific instances which metonymically, rather than metaphorically, stand for a generic-level meaning schema” (Kövecses & Radden 1998: 68; ср. такую же точку зрения в Rudzka-Ostyn 1995: 239–242). Panther & Thornburg 2000: 225 также отмечают “a metonymy that we name GENERIC FOR SPECIFIC”. В модели SAPPER Тони Вила т. н. *правило триангуляции* (*triangulation rule*) также отождествляет наличие определенной «синтагматической» ассоциативности с принадлежностью в определенную категорию и предусматривает установление связи “whenever two concept nodes share a common association or superclass” (напр., Veale 1995a: 20; ср. и здесь ниже, стр. 47–48).

Здесь мы наталкиваемся на любопытный «парадокс синекдохи». Это, по сути дела, одно из производных известного соотношения объема и содержания понятия, которое в его чисто логическом плане вряд ли вызывает какое-либо чувство парадоксальности. Но если трактовать содержание и объем как метафоры материального, физического происхождения, то родо-видовые отношения могут получить – уже и получили в имеющейся литературе – несколько разных интерпретаций, в том числе следующие, две первых из которых синекдохальные (типа “pars pro toto”), а две последних – метафоры вместилища (об отношениях понятий и категорий в более общем плане см. также Lakoff 1987: *passim*, в частности 286 и сл.).

(1) Интерпретация «категориальный признак является составной частью представителя категории» – в этом случае, например, такие виды млекопитающих, как собаки, мыши, киты и т. п., представляли бы на диаграмме Венна отдельные круги, а их абсолютное пересечение – категориальность в виде их категориального признака или комплекта признаков.

(2) Интерпретация «представитель категории является составной частью категории» – в этом случае некий Петров мог бы оказаться на диаграмме Венна абсолютным пересечением кругов, представляющих категории, например, мужчин, семьянинов, офицеров, пьяниц и т. п.

(3) Интерпретация «категория есть контейнер, а ее представители суть вещи в этом контейнере» – например, у нас имеется резервуар млекопитающих, в котором находятся собаки, мыши, киты и т. п.

(4) Интерпретация «субъект или вид есть контейнер, содержащий в себе признаки одной или нескольких категорий» – в этом случае знакомый нам Пет-

ров стал бы контейнером, содержащим в себе признаки, как 'человек', 'мужского рода', 'женат' и т. д.

В качестве примера интерпретации (2) можно привести весьма уникальную трактовку синекдохи в книге Нила Норрика "How Proverbs Mean" (Norrick 1985: 109–117). По Норрику, каждая пословица имеет свое традиционное значение, которое он называет *стандартной пословицей интерпретацией* (*standard proverbial interpretation*, или SPI). SPI нефигуративных пословиц совпадает с буквальным значением пословичного текста, а SPI фигуративных пословиц отличается от прямого значения текста. В случае пословиц, составляющих сентенциальную метафору, SPI превращается в нечто очень похожее на Г-схему Лэйкоффа и Тэрнера – например, стандартной интерпретацией пословицы *The early bird catches the worm* является выражение в терминах «глубинного синтаксиса» 'The early agent gets the needed object'. Но поскольку классификация Норрика исходит именно из разных типов соотношений между значением «сырого» пословичного текста и его SPI, то перед ним также встает задача интерпретации и терминирования своего ГС-отношения и, в отличие от Лэйкоффа и Тэрнера, он квалифицирует это отношение не как метафору, а как особый вид синекдохи – *species-genus synecdoche*, ссылаясь на сходное понимание проблемы у ряда знаменитых предшественников (см. Norrick 1985: 109–117). В итоге в классификации Норрика возникают два резко отличающихся друг от друга подвида синекдохи: а) *genus-species*-синекдохи и б) обычные «материальные» (или как он сам их называет, номинальные). Метафорическими же Норрик считает только пословицы с парциальной метафорой, т. е. пословицы нашего «четвертого правила» (см. Norrick 1985: 117–128).

Интересно добавить, что еще более необычный способ расчленения и терминирования замен в области «части и целого» применяет Кен-ичи Сето (Seto 1999). Сето разделяет данный регион по характеру самих компонентов переноса (замены) и по типу соотношения между ними на две части:

1) замены категориальных компонентов (т. е. над- и подклассов понятий) с таксономическими ("kind-of") соотношениями между ними, другими словами – отношения генерического и специфического; эту (и только эту) разновидность «части и целого» Сето квалифицирует как синекдоху;

2) замены компонентов-объектов (*entities*) реального мира с партонимическими ("part-of") соотношениями между ними, другими словами – случаи, которые обычно считаются прототипными «материальными» синекдохами, но которые Сето полностью сводит к метонимиям, т. е. к определенным подвидам материально-пространственной или темпоральной смежности.

Судя по другой (неопубликованной?) работе о т. н. когнитивном треугольнике (*cognitive triangle*), Сето рассматривает свою синекдоху как совершенно отдельный от метонимии и метафоры вид переноса: когда метафора основывается на сходстве (*similarity*) и метонимия на смежности (*contiguity*), синекдоха в понимании Сето основывается на операции включения (*inclusion*).

Следующий отрывок у Лэйкоффа напоминает нашу интерпретацию (3): "A feature bundle is a collection of properties. The elements in the ontology are

properties. Structurally, the bundle is characterized by a CONTAINER-schema, where the properties are inside the container" (Lakoff 1987: 286).

Трактовка же т. н. классических категорий у Лэйкоффа напоминает нашу интерпретацию (4): "Classical categories are understood metaphorically in terms of bounded regions, or "containers." Thus, something can be *in* or *out* of a category, it can be *put into* a category or *removed from* a category. The logic of classical categories is the logic of containers <...>. If X is in container A and container A is in container B, then X is in container B. This is true not by virtue of any logical deduction, but by virtue of the topological properties of containers. Under the CLASSICAL CATEGORIES ARE CONTAINERS metaphor, the logical properties of categories are inherited from the logical properties of containers" (Lakoff 1993: 212–213). Это, пожалуй, единственный тип метафоры, способный объединять целевой домен общего или родового с доменом-источником частного или видового порядка.

4. Проблема бленда

Трехсхемная модель (см. рис. 3) работает хорошо на сентенциальных метафорах, где на стороне источника задано столько семантической информации, сколько может содержать образное, синтаксически полное предложение (в случае пословицы, к тому же, обобщающее предложение, заключающее в себе каузальную «импликацию»), а на стороне цели задан в лучшем случае только контекстно-тематический ирритант, в худшем случае – абсолютно ничего. Но трехсхемная модель дает осечку в случае пословиц «четвертого правила» или в случае любой другой номинальной, предикативной или иной парциальной метафоры. Такие тексты состоят в принципе из «отрывков» обоих С-доменов: предикативная часть относится, как правило, к фигуративному миру-источнику, а субъектная, топиальная часть – к целевому. В силу этого на стороне источника исчезает целостная пропозициональная, каузальная, событийная структура, а генерическую общую часть следовало бы конструировать по смеси, которая на стороне обоих С-доменов состоит отчасти из чисто воображаемой информации, а отчасти сформулирована словесно. Например, в случае т. н. XYZ-структур (как *Смерть* — *мать красоты* или *Тицеславие* — *пльвун (для) разума*) следует вычислить «отсутствующее четвертое» и т. п. По мере ладу и пропорциях информации, заданной об источнике и цели показательна хотя бы серия примеров Тэрнера: *Дэниел Уэбстер* – *паровик* → *Дэниел Уэбстер* – *человек-паровик* → *Дэниел Уэбстер* – *ходячий паровик* → *Дэниел Уэбстер* – *паровик в штанах* (ср. Turner 1991: 210).

Как известно, примерно со середины 1990-ых годов Фоконье и Тэрнер пишат в основном в месте, разрабатывая т. н. теорию *концептуальной интеграции* (*conceptual integration*), ключевыми составляющими которой являются:

а) понятие *ментальных пространств* (*mental spaces*), изначально принадлежащее Фоконье (см. Fauconnier 1994[1985]);

б) понятие *концептуальной стыковки ~ смеси (conceptual blending ~ blend)*.

По утверждению авторов, концептуальная интеграция оказывается практически универсальной когнитивной операцией, сфера деятельности которой не ограничивается метафорами (тем более в пословицах). Тем не менее, ее генетическая связь с конструктами Большой Цепи вполне ощутима, так как развитие модели началось с появления генерического компонента в "More than Cool Reason".

В Fauconnier 1994[1985]: XXXV и сл. мы находим лишь определение того, чем ментальные пространства **не являются**, хотя имеют много общего: это – разделения (миры, домены, пространства); т. н. междоменные функции, такие как референция, заключение (*inference*) и др.; репрезентации дискурса; ментальные модели. А в Turner & Fauconnier 1995: 184 говорится уже кратко и конкретно: "We use the term *mental space* in contrast to the term *conceptual domain*. A *mental space* is a (relatively small) conceptual packet built up for purposes of local understanding and action. Mental spaces are constructed whenever we think and talk". В дальнейшем мысль о небольших концептуальных пакетах повторяется, но подчеркиваются некоторые признаки в их натуре, например, такие как частичность, связанность между собой и с конкретным дискурсом, и мобильность¹³. В "Mappings in Thought and Language" Фоконье уточняет природу и функционирование ментальных пространств примерно следующим образом. Как в мышлении, так и языке имеют место операции отображения (*mapping*), такие как

1) *проективные отображения (projection mappings)*, основную часть которых составляют как раз метафорические проекции;

2) *отображения прагматических функций (pragmatic function mappings)*, к которым сводятся метонимия и синекдоха;

3) *отображения схем (schema mappings)*, которые опосредствуют применение общих схем, фреймов и моделей в конкретных контекстах и используются для структурирования ситуаций, встречаемых в этих контекстах.

Эти отображения действуют при построении и стыковке ментальных пространств (Fauconnier 1997: 8–11). Сами ментальные пространства суть, на сей раз, "partial structures that proliferate when we think and talk, allowing a fine-grained partitioning of our discourse and knowledge structures" (ibid.: 11).

Когда речь идет о членении и описании того, что происходит в человеческом сознании, о выделении ментальных "*qualia*", то практикуемый в когнитивистике откровенно метафорический способ терминологизации понятий, вместе с обширным приведением и анализом разнородных примеров, представляется самым адекватным способом говорить о них вообще. Поэтому трудно судить, насколько разумными и оправданными могли бы быть жалобы над тем, что, например, сказать «структура» почти то же самое, что сказать «нечто каким-то образом упорядоченное», или что семантические отношения понятия *ментального пространства* с соседними понятиями *схемы* и *концептуального домена*, а также глубинные мотивы перехода от схем к ментальным пространствам не очень ясны. Некоторые интерпретации теории Фоконье и Тэрнера

видят главное различие между ментальными пространствами и концептуальными доменами в том, что домены (и проекции, создающие междоменные концептуальные метафоры) предположительно запечатлены как структуры знания в постоянной ~ долгосрочной памяти, ментальные пространства же конструируются в оперативной ~ краткосрочной памяти¹⁴.

Что касается соотношения ментального пространства со схемой, то сам факт возможности их замены свидетельствует, видимо, об их достаточной синонимичности.

В Fauconnier & Turner 1994: 4 появляется первая версия новой, четырех-пространственной, ромбовидной модели концептуальной интеграции, классический вид которой показан на рис. 4. Здесь пространства (прежние схемы) основного уровня не разделяются заранее на источники и целевые, а называются просто *вводными пространствами* (*input spaces*), хотя при необходимости употребляются и уточнения *source input*, *target input* и т. п. Остальные позиции вершин ромба занимают т. н. *средние пространства* (*middle spaces*): верхнюю – нам уже знакомое генерическое, а нижнюю – смесь или *blend*.

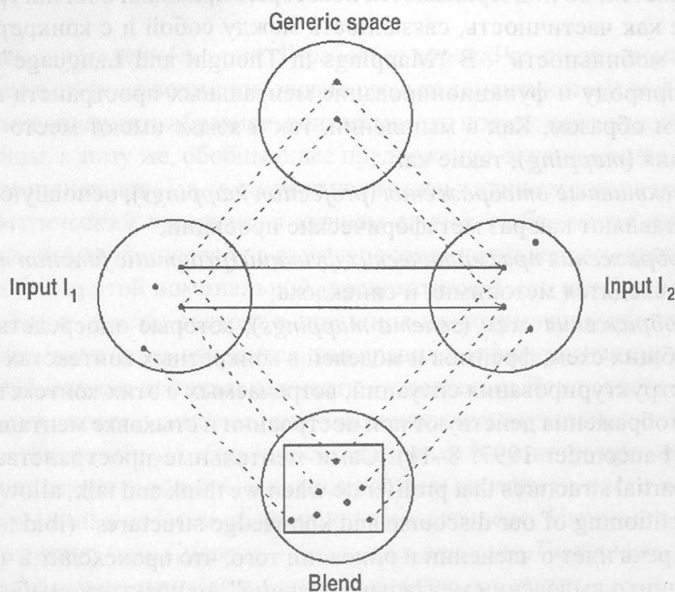

Рисунок 4. Ромбическая модель метафоры, включающая блендовое пространство (по Фоконье и Тэрнеру)

Общий вид ромбической модели сильно внушает простую, «множественно-теоретическую» интерпретацию. О генерическом пространстве уже известно, что оно представляет собой абстрагированную «общую часть», т. е. пересечение источника и цели ~ входных пространств ($A \cap B$). Бленд смог бы тогда претендовать на роль их множественно-теоретической суммы ($A \cup B$), подмножеством которой было бы и генерическое множество, либо на роль

разницы (черты Шеффера) исходных множеств ($A \setminus B$). Относительно генерического пространства эта трактовка хорошо сходится с когнитивистической (по меньшей мере для треугольной модели), относительно бленда – судя по объяснениям этого понятия Фоконье и Тэрнером – отнюдь нет.

Правда, генерическое пространство характеризуется как абстрактное и скелетное, а блендовое – как богатое, но подчеркивается, что бленд “is neither a union nor a blur” (Fauconnier & Turner 1994: 12). Часть своей концептуальной структуры бленд заимствует от обоих (всех) входных пространств, но вырабатывает из них свою собственную структуру, которой нет ни в одном из входных пространств и которая часто бывает «противодействительной» (*counterfactual*) или «невозможной». Эта т. н. выросшая или непредвиденная (*emergent*) структура вырабатывается тремя связанными между собой операциями, зачатки которых наброшены уже в Turner & Fauconnier 1995 и Fauconnier & Turner 1996, но которые организованы в стройный перечень впервые в Turner 1996: 83–84 и Fauconnier 1997: 150–151, а затем и Fauconnier & Turner 1998a: 271 и 1998b: 144 и мн. др. Это –

1) *композиция (composition)*: бленд делает доступными новые отношения, которые не существовали в отдельно взятых входных пространствах;

2) *завершение (completion)*: знания о фоновых фреймах, когнитивных и культурных моделях позволяют рассматривать составную или смешанную (*composite*) структуру, проецированную в бленд из входов, как часть большей самостоятельной структуры;

3) *разработка ~ развитие ~ отделка (elaboration)*: это «запускание» и «прогонка» бленда, т. е. когнитивная работа внутри и по собственной логике самого бленда, воображительная симуляция, которая может продолжаться сколь угодно долго.

Бленд не является чем-то экзотическим, маргинальным, секундарным или выборочным. Наоборот, бленд как составная часть концептуальной интеграции – предпосылка и универсальное средство познания, пронизывающее все когнитивные явления, включая категоризацию, выдвижение гипотез, процессы заключения, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив, и сфера его проявлений не ограничивается языком (Fauconnier & Turner 1994: 3–4).

Бленды могут возникать спонтанно или в результате чьих-нибудь художественных или иных намерений и манипуляций. Следовательно, бленды могут быть удачными и неудачными. Существуют особые «бленды рассеянности»: мы плохо слышим разговор собеседника и надеваем очки, чтобы слышать лучше, или обливаем, нечаянно, клавиатуру своего компьютера чаем, и нажимаем Ctrl+Z, чтобы исправить последствия этого несчастья, и т. п.

В Fauconnier & Turner 1998: 162–163 (ср. также Grady, Oakley & Coulson 1999: 107–108) для блендов разработан специальный кодекс принципов интеграции или оптимальности:

1) *интеграция (integration)*: бленд должен образовать тесно интегрированную структуру, которой можно манипулировать как целым;

2) *топология (topology)* (в формулировке Coulson & Oakley 2000: 186): отношения в бленде должны соответствовать отношениям их эквивалентов в других пространствах;

3) *сеть (web)*: манипуляция бленда как единицы должна поддерживать сеть соответствующих связей с входными пространствами легко и без дополнительного надзора и вычисления;

4) *распаковка (unpacking)*: бленд должен позволять распаковку, чтобы реконструировать входные пространства, межпространственные проекции, генерическое пространство и сеть связей между всеми пространствами;

5) *достаточное основание (good reason)*: при всех равных условиях касательно всего остального, возникает надобность находить значимость элементу, появляющемуся в бленде, т. е. релевантные связи с другими пространствами и релевантные функции в работе бленда.

В первоначальной версии (Fauconnier 1997: 186) фигурируют еще следующие два требования:

6) *обратная проекция (backward projection)*: когда бленд запущен и развивает новую структуру, надо избежать обратной проекции, которая разрушила или подрывала бы целостность (*integration*) самого входного пространства;

7) *проекция метонимии (metonymy projection)*: когда элемент проецирован из входа в бленд и другой элемент из данного входа проецирован благодаря его метонимической связи с первым, надо сократить метонимическую дистанцию между ними в бленде.

Эти условия взаимосвязаны и работают отчасти в одном и том же направлении, отчасти же противодействуют друг другу.

Вдобавок всему тому, что написано до сих пор о бленде, мне хотелось бы обратить внимание на два аспекта в природе бленда, которые, может быть, содействовали его рождению.

Аспект «реального времени». Слияние идей ментальных пространств и бленда в единую теорию не объясняется, очевидно, только хорошими личными отношениями и тесным сотрудничеством авторов, но имеет более глубокие причины. До сих пор, особенно в работах психологического порядка, продолжается бойкая дискуссия именно над тем, каким образом в функционировании (творении, понимании) фигуративных единиц – метафор, фразеологизмов, пословиц и т. п. – сочетаются операции на уровне постоянной (семантической) и оперативной (эпизодической) памяти. Частными аспектами данного спора являются, например, постановки взаимосвязанных вопросов о том,

- хранятся ли значения риторических единиц (в том числе фразеологизмов и пословиц) в памяти и достаются оттуда автоматически как неделимые, «расфасованные» целые, т. н. «длинные слова», или они разлагаются на лексико-семантические компоненты и при восприятии создаются заново из них, причем требуется живая, молниеносная, хотя порой весьма трудоемкая и напряженная «вычислительная работа» над конкретной информацией, поступающей в реальном времени?¹⁵

- определяется ли понимание и употребление риторических единиц прежде всего знанием общей «риторической грамматики», запечатленной в долгосрочной памяти человека, или же, зависимо от разных комбинаций фигуративных выражений и их конкретных (речевых и / или ситуативных) контекстов, любое выражение может приобрести практически любое значение?¹⁶
- может ли образное значение выражения, в особенности идиоматической фразы или пословицы, восприниматься «непосредственно», или же это может произойти только через предварительную ступень выработки его буквальной интерпретации, отклонения этой интерпретации и последующих семантических преобразований (переносов, проекций)?¹⁷
- какие, наконец, метафоры следует считать более «действительно» функционирующими в языке и познании – те, которые традиция привыкла восхвалять как «свежие», или те, которые она привыкла порицать как «стертые» или «мертвые»?¹⁸

На фоне этих постановок конгениальный характер концептов ментальных пространств и бленда, а также смысл их ввода в модель концептуальных проекций становится значительно яснее. Как ментальные пространства, так и бленды являются представителями (и, видимо, призваны быть поддержкой) «онлайн»-крыла модели, своего рода средствами «быстрого реагирования». Бленд способен производить яркие ассоциации и выработать новую информацию. В Turner 1996: 88–91 говорится, что генерическое пространство и бленд ведут себя в определенном смысле одинаково: они становятся заметными и выделенными в свежих, инновативных метафорах и исчезают в конвенциональных, стертых метафорах. Несмотря на «онлайн»-направленность теории концептуальной интеграции и бленда, Рэймонд Гиббс критикует ее именно за недостаточный учет процессов «реального времени», где всё происходит молниеносно и невозможно углубляться в нюансы художественного анализа, так и за то, что теория в целом слишком мощна, область ее применения исключительно широка и поэтому она трудно поддается фальсификации, т. е. проверке, она скорее объясняет, чем предсказывает и т. п. (см. Gibbs 2000).

Как создание временных ментальных пространств, так и концептуальное слияние имеют место не только в случае фигуративных единиц речи, но и на многих уровнях любой языковой или познавательной деятельности. Человек полностью живет в блендах (Fauconnier & Turner 2000: 293–294). Значения выражений, к примеру, *коричневая корова*, *коричневая чума* и *коричневая песня* являются результатом концептуальной интеграции, только в первом случае эта операция остается вполне незаметной, во втором случае она предположительно заметна, а в третьем случае... бленду, наверно, придется трудиться до кровавого пота – хотя я не нашел в имеющейся литературе эксплицитного ответа на вопрос, что происходит с блендом в случае откровенных абсурдов и что собственно отличает эту градацию степеней блендирования от давнего градационного ряда Дерекса Бикептона ‘literal’ expressions → ‘permanent’ assignments → ‘temporary’ assignments → ‘meaningless’ expres-

sions (Bickerton 1969: 48) и чем шкала степеней заметности бленда отличается от степеней семантической несовместимости / совместимости, о которых говорилось в докогнитивистической теории метафоры.

Аспект «мировой конфигурации» текста. Итак, пословицы были одним из основных стимулов для приобщения к когнитивистической модели метафоры компонента генерической схемы и все примеры пословиц, рассмотренные в главе Большой Цепи Бытия, были случайно сентенциальными метафорами. В то же время, общая форма репрезентации метафоры A IS B, как и формулировки конкретных концептуальных и других метафор (LOVE IS A JOURNEY, EVENTS ARE ACTIONS, TIME IS MONEY и др.) могут создать впечатление о том, что именно номинальная форма рассматривается как основная форма метафоры вообще. Да и львиная доля приведенных в литературе примеров метафорических выражений – в основном непословичных, но и пословичных – была действительно номинального или предикативного типа.

Далее, формулы, обозначающие концептуальные метафоры, фактически метавыражения. Концептуальная метафора, выраженная формулой TIME IS MONEY, не идентична с пословицей *Time is money*, а означает неопределенную демаркацию проективной рутины между доменами времени и денег. Точность языковой реализации составляющих A и B не представляет в данном приближении особого интереса. Однако A IS B -формулы являются единственными ориентирами о содержании реферируемых ими метафор. Постоянное приведение примеров и свобода в их формализации со временем привели к тому, что сложившийся запас A IS B -соединений напоминает огромную кучу гантелей с вариацией веса от полукилограмма до полтонны не только одной гантели как единицы, но и разных голов одной и той же гантели. Это уже привлекло внимание исследователей и инициировало попытки к упорядочению системы метафор, поиску метафорических примитивов и т. п. Особым раздражителем почему-то стала метафора ТЕОРИИ СУТЬ СТРОЕНИЯ (THEORIES ARE BUILDINGS) – см., напр., Grady, Taub & Morgan 1996; Grady 1997; Kövecses 2000.

Да и само фигуративное выражение как «текстовая данность», как «утверждение», как «синтаксически замкнутая единица» не имела пока в когнитивистической теории почти никакой идентичности. Различались лишь понятийные домены и схемы, участвующие в метафорической операции, а мера и форма их манифестации в самом метафорическом выражении считалась лишь внешней языковой оболочкой, не заслуживающей внимания.

Появление генерической схемы, а заодно и генерического уровня анализа вывело прежнюю двухсхемную модель из равновесия, значительно изменило понимание самой операции проекции и заставляло глубже вдумываться в состав, структуру и роль новорожденной общей части.

Меня не покидает мысль о том, что одним из мотивов дополнения трехсхемной модели ячейкой бленда могло быть и интуитивное стремление к более четкой дифференциации «доменного» и «пропозиционального» аспектов в метафоре, вместе с тем и надобность запастись средствами для более адекватного описания именно выражений с частичной (сломанной, смешанной)

метафорой, содержащих в себе, грубо говоря, «лексические представители» как источникового, так и целевого мира.

Вот уже седьмой год концептуальная интеграция продолжает быть одним из самых горячих предметов исследования когнитивной лингвистики. Как в случае концептуальных метафор (см. выше, стр. 21), так и здесь сложились классические, странствующие из одной публикации в другую примеры, видимо, особенно наглядные для демонстрации и анализа разных сторон бленда. Общий диапазон этих примеров очень широкий.

Среди них есть, во-первых, примеры переплетений разных временных, кондициональных и логических планов:

- мнимое соревнование между яхтами “Northern Light” в 1853 г. и “Great America II” в 1993 г. (Fauconnier & Turner 1994: 7–8; Turner & Fauconnier 1995: 185–186; Turner 1996: 67–71; Fauconnier 1997: 155–157; Turner 1998: 66; Fauconnier & Turner 1998a: 272–273, 276; Fauconnier & Turner 1998b: 154–156);
- т. н. противоречащие действительности (*counterfactual*) выражения типа *Если бы Уотергейт случился во Франции, то это не повредило бы Никсону* или *Если бы Билл Клинтон был «Титаником», то ледяная гора утонула бы* (Fauconnier & Turner 1994: 19–20; Fauconnier 1996: 63–67; Fauconnier 1997: 17–18, 158–160; Coulson 1997: 278–280; Fauconnier & Turner 1998b: 151–153; Turner & Fauconnier 1998: 293; Turner & Fauconnier 2000: 132–135);
- парадокс А. Кэслера о буддистском монахе, который в один день взбирается на гору и в следующий день опускается опять в долину; по заданным условиям имеется место, где он находится в один и тот же час (хотя, допустительно, двух разных дней), т. е. в данной блендовой проекции он может встретиться с самим собой (Fauconnier & Turner 1994: 8–11; Fauconnier 1997: 151–155; Turner 1996: 72–73; Fauconnier & Turner 1998b: 136–142).

Во-вторых, среди примеров бленда встречаются фантастические конструкции, понимаемые как визуально или материально реальные в некоем возможном мире:

- образ Бертрана де Борна в «Аду» Данте, где он держит в руках свою отделенную от тела голову и поднимает ее руками, когда надо говорить (Fauconnier & Turner 1994: 5–7; Turner 1996: 61–63; Turner & Fauconnier 1998a: 142–144; Fauconnier & Turner 2000: 292–293; Turner & Fauconnier 2000: 142–144);
- традиционный образ смерти как Угрюмого Жнеца (*Grim Reaper*), т. е. скелета, окутанного в черную мантию с капюшоном и держащего в руке косу. Анализы образа Угрюмого Жнеца интересны и как попытка встраивания в модель концептуальной интеграции дополнительного метонимического измерения и, соответственно, дополнительных пространств, в которых происходит обработка т. н. каузальной тавтологии — см. рис. 5; ср. о каузальной тавтологии и ниже, стр. 69 (Turner 1991: 220 и

сл.; Fauconnier & Turner 1994: 21; Turner 1996: 76–82; Fauconnier & Turner 1998b: 170–171; Grady, Oakley & Coulson 1999: 104; Turner & Fauconnier 2000: 138–141; Grady 2000: 340).

(В принципе число пространств, эвоцируемых в некоем конкретном ментально-языковом акте считается открытым; ромбовидная общая модель является лишь идеализацией или приближением всевозможной конкретики.)

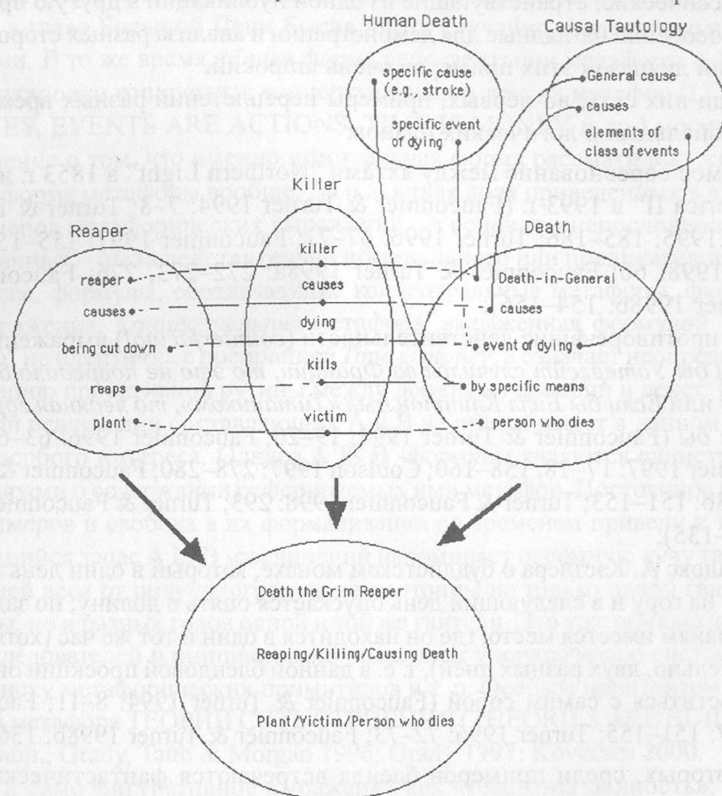

Рисунок 5. Модель Угрюмого Жнеца, состоящая из шести ментальных пространств, включая «пространства метонимии» и бленд (по Марку Тэрнеру)

В-третьих, среди примеров бленда имеются такие, которые человек с картиной мира, похожей на мою, мгновенно квалифицировал бы как парциальные метафоры:

- выражения *Этот хирург – мясник* и *Все хирурги – мясники* (Veale 1995a и мн. др.; Oakley 1998: 326–327; Oakley s.d.; Fauconnier & Turner 1998a: 279; Grady, Oakley & Coulson 1999: 103–106; Coulson & Matlock s.d.; Marick 2000);
- выражение *Поэт сам себе могилу* (Fauconnier 1997: 168–171; Coulson 1997: 238–241; Fauconnier & Turner 1998a: 277, 278, 280; Fauconnier & Turner 1998b: 149–151; Ruiz de Mendoza 1998: 269–273; Gibbs 2000: 350–351; Oakley s.d.; Coulson & Matlock s.d.).

5. Хирург, действующий как мясник, роет сам себе могилу

Нет, я не берусь дать анализ концептуальной структуры сочетания этих двух образцов бленда, это лишь заголовок, под которым я просто прореферирую и вкратце прокомментирую их когнитивистический анализ каждого в отдельности.

Схема Тони Вила – самая ранняя из трех приведенных, однако самая сложная по своей структуре. Вил, собственно, и не демонстрирует примером хирурга-мясника возникновение и состав бленда, а принцип работы своей модели SAPPER. SAPPER претендует быть моделью работы семантической памяти при восприятии новых метафор. Метафора понимается как коактивация двух разных схем в памяти. Совокупность схем целиком образует огромную сеть понятий и коннекций между ними. Часть этих связей уже установлены или «включены», другие пока «спят». Каждая связь между понятиями характеризуется неким цифровым параметром, который выражает ее прочность, тесноту или «видность» (*salience*). То есть, напряжение в разных частях сети варьируется.

Создание новой метафоры «будит» связь между двумя концептами, развязывает процесс активизации всех связей обоих компонентов и, кроме того, будит множество новых, до того «спавших» связей. Например, для хирурга заданы связи с оперированием, операционной, скальпелем, для мясника – с убоем, скотобойней, мясничьим топором. Установление новой, метафорической коннекции приводит в действие правила двух типов. Триангуляционные правила «завершают» треугольники во всех местах, где уже имеются две

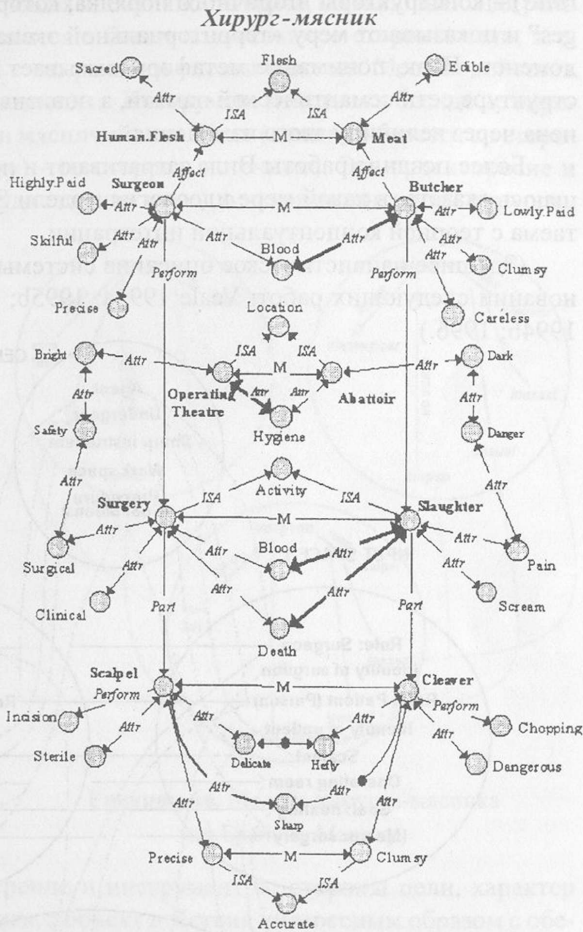

Рисунок 6а. Модель хирурга-мясника
(по Тони Вилу)

стороны треугольника, т. е. устанавливают в активизированной части сети новые связи между всеми понятиями, у которых есть общая ассоциативная связь с неким третьим понятием или которые входят в один и тот же надкласс. Например, оперирование и убой оба ассоциируются с кровью и смертью, скальпель и мясничий нож являются острыми, операционная и скотобойня являются местами (действия) и т. д. Правила квадратизации (*squaring rules*) – конструкторы вторичного порядка, которые “build bridges upon bridges” и показывают меру «территориальной экспансии», т. е. конгруэнтности доменов. Итак, понимание метафоры вызывает существенные изменения в структуре сети семантической памяти, а новизна метафоры может быть оценена через величину этого изменения.

Более поздние работы Вила затрагивают и проблемы бленда, но я не решаюсь сказать, в какой мере идеология модели SAPPER совместима и сочетается с теорией концептуальной интеграции.

(Здесьнее наивистическое описание системы SAPPER составлено на основании следующих работ: Veale 1995a; 1995b; 1998; Veale & Keane 1994a; 1994b; 1996.)

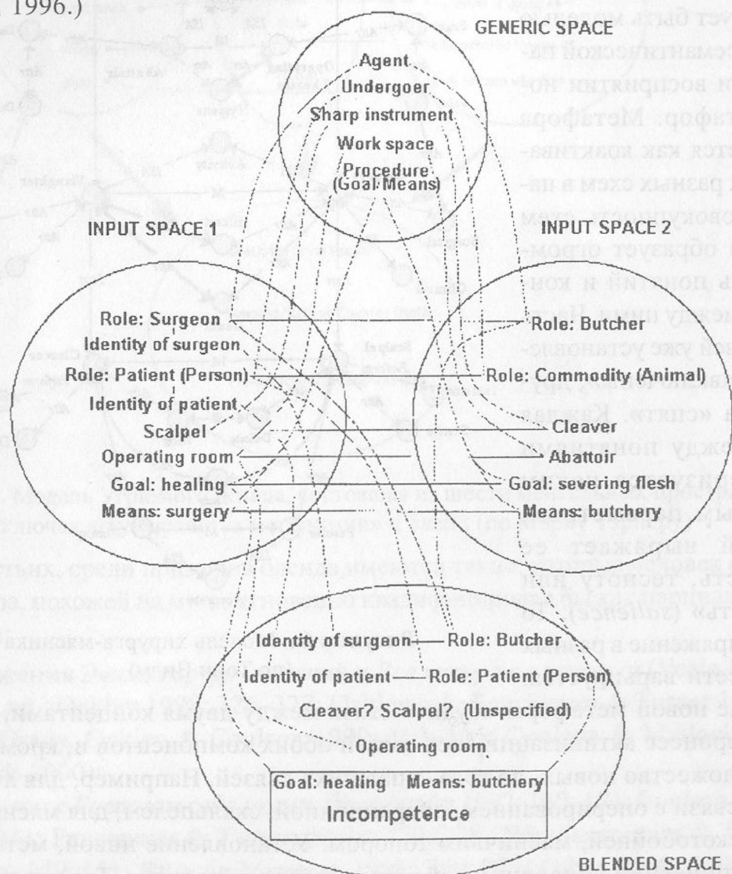

Рисунок 66. Модель хирурга-мясника (по Грейди, Оукли и Коульсон)

Схема Грейди, Оукли и Коульсон (Grady, Oakley & Coulson 1999: 105) выделяет в структуре метафоры пять компонентов, которые на генерическом уровне терминируются как *Агент*, *Подверженный* (*Undergoer*), *Острый инструмент*, *Пространство действия* и *Процедура* (*Цель / Средство*). Агенты и Подверженные в обоих пространствах наделены признаком роли, а в целевом «хирургическом» пространстве и признаком идентичности. Из агентивной части в бленд наследуется смесь, имеющая идентичность врача, но выполняющая роль мясника. Подверженный вносится в бленд полностью со стороны цели, т. е. продолжает быть пациентом с его ролью и идентичностью. Местом действия также продолжает быть операционная. Инструмент действия в бленде не определен: это или скальпель, или мясничный нож. Цель (лечение) берется со стороны цели, а средство (*butchery*) – со стороны источника. Это противоречие и составляет ядро бленда, откуда исходит вывод о некомпетентности хирурга.

Схема Марики (Marick 2000) – самая лапидарная из трех. Репрезентации генерического уровня нет, а самих концептуальных составных четыре:

намерение (спасти жизнь / дробить мясо);

объект действия (пациент / труп (животного));

орудие (скальпель / мясничный нож);

характер действия (тщательный и точный / небрежный и неточный);

в пространстве хирурга выделена еще лицезащитная маска, но она не используется в бленде.

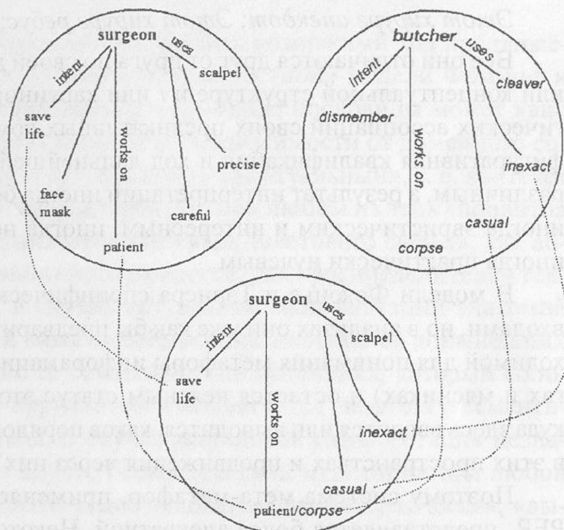

Рисунок 6в. Модель хирурга-мясника
(по Брайэну Марику)

Бленд ангажирует намерение и инструмент со стороны цели, характер действия со стороны источника, а объект действия интересным образом с обеих сторон одновременно, что и составляет в бленде довольно внушительную концовку: “a patient who is a corpse” и содержит основную информацию о способностях хирурга.

Выражение о хирурге-мяснике, а также другие примеры вербальных блендов (Макс – паук; Она – настоящая рыба; Моя работа – тюрьма; ходячий паровик; политический климат и мн. др.) создают впечатление, что любая номинальная или предикативная метафора как таковая может в принципе трактоваться как бленд. Если это так, то «позиция четвертого», занимаемая в модели Фоконье и Тэрнера блендом, начинает казаться не конечным результатом

интерпретации (или даже «вообразительной симуляцией, которая может продолжаться сколь угодно долго»), а абсолютным «исходным пунктом» интерпретации. В противном случае в модели не оказалось бы пространства, в котором могло происходить предварительный «мировой» анализ текстового импульса и приниматься решение о его «доменном составе», концептуальной структуре и дальнейшей интерпретационной судьбе.

Возьмем хотя бы следующие утверждения:

- *Этот хирург мясник; Этот хирург растяпа; Этот хирург новичок; Этот хирург колдун; Этот хирург чудо; Этот хирург виртуоз; Этот хирург великан; Этот хирург старик; Этот хирург пациент; Этот хирург американец; Этот хирург звезда; Этот хирург луна; Этот хирург тигр; Этот хирург кот; Этот хирург кенгуру; Этот хирург сурикат; Этот хирург скальпель; Этот хирург кувалда; Этот хирург наковальня; Этот хирург анекдот; Этот хирург ребус; Этот хирург многоточие...*

Все они отличаются друг от друга по своей доменной принадлежности и/или концептуальной структуре и / или картиной онтологических и аксиологических ассоциаций своих предикативных компонентов и т. д. Поэтому их фигуративная квалификация и ход дальнейшей интерпретации оказывается различным, а результат интерпретации иногда безупречным, но избыточным, иногда эвристическим и интересным, иногда нескладным и сомнительным, иногда практически нулевым.

В модели Фоконье и Тэрнера специфические пространства именуются входами, но в анализах они уже как бы предварительно наполнены всей необходимой для понимания метафоры информацией (в данном случае о хирургах и мясниках) и остается неясным статус этой информации: что откуда и куда здесь вводится или выводится, каков порядок возникновения информации в этих пространствах и продвижения через них?

Поэтому система мета-метафор, применяемая Тони Вилом в его SAP-PER, представляется более адекватной. Некоторые из потенциальных предикатов уже имеют за собой «метафорическое прошлое» (или индивидуально, или находятся на трассах конвенциональных метафор), другие нет. Но вся сеть коннекций фигурирует лишь как потенциал и «спит», пока не поступит вербальный импульс, требующий попытки понимания предложенной предикации между двумя словесными раздражителями. После включения «тока» и активизации всей совокупности затронутых связей выходы могут быть разными, например:

- субъект и предикат оказываются в одном и том же домене и выражение понимается как буквальное;
- объем предварительных знаний о субъекте (а тем самым и потенциал помощи или противодействия со стороны субъекта) оказывается ничтожным – например, если вместо категориального *хирурга* у нас стоял бы некий индивидуальный *Джон* или *он*, о ком нам пока мало что известно;

- объем предварительной информации о предикате оказывается ничтожным – например, объем чисто зоологических знаний среднего европейца о сурикатах, не говоря уже о знаниях, касающихся их метафорических способностей;
- у предиката (например, *тигра*) может быть ясно сложенный потенциал метафоризации, который, однако, плохо сочетается с нашими знаниями о хирургах;
- попытка соединения (например, *хирурга с многоточием*) может оказаться практически неудачной;
- сводная структура ассоциаций того или иного понятия может быть различным в разных культурах – например, мои эстонские коллеги единодушно утверждают, что *хирург-мясник* означает для них скорее всего грубого, нечуткого, бессердечного хирурга, а не неумелого, некомпетентного хирурга.

Если исходя из этих наблюдений вообразить возможный ход продвижения информации через пространства «четырехместной» модели Фоконы и Тэрнера при восприятии **пословицы**, то понимание пословицы может явно реализоваться во многих разных вариантах, в зависимости от доменного состава текста, типа восприятия («актуальный» / «виртуальный», т. е. контекст задан или отсутствует) и других факторов. Но при любом из этих вариантов «нижняя позиция» модели трактуется как «ввод текстового сырья», как абсолютное начало интерпретационного процесса, как «распределитель» текстовой информации. Далее, в случае актуальной манифестации знакомой пословицы из семантической памяти добываются знания о ее донынешних употреблениях, составляющие ее семантический потенциал, который сопоставляется затем с событием-ирритантом и выдвигается гипотеза о семантических намерениях отправителя. В случае актуальной манифестации незнакомой пословицы нужна (а в случае бесконтекстной медитации над любой пословицей, очевидно, возможна) более основательная аналитическая, «вычислительная» деятельность с мобилизацией всей риторической компетенции воспринимающего. В ходе этого процесса вырабатываются гипотезы относительно доменного распределения текста, в результате чего его концептуальный состав может быть либо полностью отнесен к источнику, либо частично к источнику и частично к цели, либо целиком к генерическому пространству. Далее, необходимо должна произойти попытка соединения источника и цели через генерическое (метафора «завершения треугольников» Вила очень образно передает суть этого процесса). Вернется ли процесс понимания (иногда или безусловно) затем обратно в «нижнее пространство», теперь уже в новом качестве «настоящего бленда», это я не посмею сказать, так как мне, несмотря на все мои усилия, пока не очень ясна когнитивная природа самого бленда – то, в какой мере он является инструментом «онтологического понимания» метафоры, произведения выводов и т. п., а в какой мере показателем чисто воображенной яркости и ассоциативности метафоры (т. е. примерно того качества, на котором симптоматично зиждится юмор).

Прореферируем сперва «классический» вариант анализа этого выражения по Fauconnier 1997: 168–171 и Fauconnier & Turner 1998b: 149–151, который лишь легко опирается на анализ Сеаны Коульсон в ее диссертации (Coulson 1997: 238–240).

На первый взгляд может показаться, что здесь происходит прямая проекция с домена конкретного (могилы, мертвецы, похороны и т. п.) на домен абстрактного (агент делает неправильные вещи, не отдавая себе отчет о фатальных последствиях своих действий). Неудача соответствует смерти и похоронению, неразумные действия, предшествующие краху, соответствуют рытью могилы. Способствовать своей собственной неудаче – глупо, не предвидеть последствия своих действий – также глупо. Однако, при более тщательном разборе обнаруживаются многие несоответствия между источником и целью.

Каузальная структура неправильная. Глупые действия причиняют провал, но копанье могилы само по себе не причиняет смерти. Обычно, наоборот, чья-то смерть причиняет рытье могилы.

Интенциональная структура происходящего также неправильная: могилы роются намеренно, а не во сне или нечаянно, как здесь.

Фреймовая структура – распределение ролей на «агента» и «пациента», временной порядок событий – также отклоняется от нормальной: обычно сперва умирает пациент, затем агент копает ему могилу и хоронит его, здесь же эти роли совпадают, порядок событий также необычный.

Не совпадает и внутренняя структура событий: в цели риск перед окончательным крахом действительно может накапливаться, но глубина могилы в источнике не увеличивает вероятности смерти.

Парадоксы решаются при рассмотрении конструкции в возникающем бленде. Бленд этот наследует от источника конкретную структуру могил, копания и похорон, но каузальная и интенциональная структура, а также внутренняя структура события берутся из целевого входа. Они не просто сопоставляются, а создается специфическая для блендов «эмергентная», всплывающая структура. В этом зазеркальном мире все указанные выше курьезные законы природы и условия действуют, все невозможные события происходят. Существование удовлетворительной могилы причиняет смерть и создает необходимое предусловие смерти. Глубина могилы коррелирует прямым образом с вероятностью, близостью момента смерти. То есть, только в бленде становится совершенно явным, что копанье могилы – серьезная ошибка, поскольку это увеличивает вероятность смерти. В бленде становится возможным не осознавать последствия своих поступков, поскольку данный элемент внесен сюда из целевого входа, где это на самом деле имеет место регулярно. Но тем не менее, и в бленде эта неосознанность продолжает быть чрезвычайно глупой, так как этот элемент бленда происходит из источника и проецируется через бленд обратно на цель, чтобы вызвать там нужные выводы.

По существу, достаточно поворота одной каузальной структуры (существование могилы причиняет смерть), чтобы завести всю эмергентную структуру в бленде – часто фантастическую, но совершенно действенную, чтобы транспортировать нужные выводы в целевое пространство.

Ruiz de Mendoza (1998: 269–273) предлагает для объяснения этой метафоры иной комплекс средств, состоящий из трех компонентов.

1. Схема самоуничтожения, где задаются условия, что это физически возможно, может произойти намеренно или ненамеренно, но по здравому смыслу это во всяком случае глупо, а намеренное самоубийство – неправильно, и не может быть оправдано.

2. Схема копания могилы (наперед): некто копает могилу для кого-нибудь, чья смерть ожидается (он уже в агонии, присужден к смертной казни и т. п.); копание понимается как подготовка к событию смерти и похоронению трупа; когда смертный приговор будет отменен или умирающий по чуду поправится, копание может быть приостановлено.

3. Метафора РАЗДЕЛЕННОЙ ЛИЧНОСТИ (DIVIDED PERSON) Лэйкоффа (см. об этом более подробно в примечании 28), разработанная первоначально для объяснения прежде всего т. н. возвратных (*reflexive*) действий и конструкций, внутренних ментальных противоречий и т. п. Когда в источнике копающий и умирающий понимаются как одно и то же лицо, то на стороне цели эта личность разделяется по схеме Лэйкоффа на два аспекта – на «Субъекта» и «Селфа» (*The Self*). Роющий в источнике проецируется на Субъект-компонент этой раздвоенной личности (т. е. на ее рациональную часть, которая здесь, увы, действует очень неразумно), а умирающий – на аспект Селфа. Умирание – это последствие ошибок, сделанных Селфом, а копание соответствует глупости Субъекта, поскольку Селф копает могилу по поручению Субъекта, который и отвечает за происходящее.

В данном случае копание еще идет и если Субъект опомнился и приостановил бы это безумие, дело можно было бы еще поправить, но, например, в ситуации, которую передает предложение *John has finally dug his own political grave* все уже сделано и корректировка невозможна, хотя самого краха еще и не произошло.

Таким образом, смерть здесь не понимается как непосредственное последствие копания, а как весьма вероятное косвенное последствие. Копаящий умирает (если умирает) по другим причинам, не из-за копания. Он как бы не понимает, что копаемая могила могла бы стать его собственной (чьей именно, это, видимо, не должно нас здесь интересовать). Так, глупость ситуации происходит со схемы Самоуничтожения, поскольку происходящее создает впечатление сознательной и намеренной акции, т. е. впечатление глупости усиливается еще и тем, что сам копающий понимает свое действие как разумное и целенаправленное.

Итак, каузальная структура фактически не нарушена, связь между копанием и смертью “is simply established by implication” (ibid.: 272). Интенциональная структура также не нарушена: копающий сознает свое копание, человек в цели также понимает, что делает что-то (хотя и не осознает последствия этого). Агент и пациент в фреймовой структуре тоже не смешаны, так как персона в целевом пространстве разделена концептуально на Субъекта и Селфа. В плане темпоральных связей также завершение копания могилы связано не с действительным наступлением смерти, а лишь с ее приближением.

Тем не менее, Руиз де Мендоза не отрицает возникновение бленда в процессе понимания данного выражения, а лишь реструктурирует его по своему собственному видению.

Однако наблюдения Руиза де Мендозы, некоторые акценты в первоначальном анализе Коульсон и учет более обширного метафорического, фразеологического и паремического фона могут легко внушить интерпретацию, где бленд действительно будет лишен любых функций (кроме, может быть, «эффектов интеракций» в смысле Макса Блэка).

В следующем наброшено несколько тезисов в поддержку такого «безблендового» толкования.

1. Аспект неосознания последствий своих поступков. Я не решаюсь судить о том, который из приведенных моделей самым лучшим образом передает концептуальную суть ситуации «не знает, что делает» — является ли этим модель раздвоенной личности Лэйкоффа, или использование бленда и проекции в него интенциональной структуры целевого пространства, или что-то третье или четвертое. Но я твердо знаю, что для пословиц с их известными дидактическими наклонностями предположение о том, что некий агент целевой ситуации (обычно заодно и адресат пословицы) не дает себе отчет о последствиях своих поступков и поэтому его поведение нуждается в корректировке — это составляет один из главнейших стимулов их актуализаций вообще. Например:

Острый топор наткнется на камень. Кому-то кажется, что кто-то (вообще или в какой-то конкретной ситуации) ведет себя слишком «остро», и он реагирует на это пословицей о остром топоре. Допустим, что адресатом является тот же самый «острый топор». Он понимает, что ему как «топору» прогнозируется прикосновение с чем-то, именуемым как «камень», т. е. «твердым» в смысле данного целевого домена. Онтологические последствия подобного столкновения очевидны — следовательно, с точки зрения «топора» это событие должно оцениваться как безусловно нежелательное, т. е. плохое. Нам, видимо, не стоит слишком углубляться в размышления над тем, что собственно должно случиться в здешнем черном ящике каузальностей — то ли по воле неких мистических сил острым топорам суждено наткаться на твердые камни чаще статистического ожидания, то ли каузальность заключается просто в том, что камни способны вызывать изменение в состоянии скорее острых топоров, чем тех, которые уже до столкновения были тупыми. Но так или иначе, причинная связь между остротой и попаданием в камень постулируется, а тем самым аксиологический «минус» переносится также на остроту как причину плохого последствия, а последующий деонтический (прескриптивный) вывод также применяется именно к причине. По общей логике пословиц именно эта часть, причина, каузальный антецедент, «тематический компонент» должен заключать возможность выбора. Здесь, опять, разумно воздержаться от слишком углубленных размышлений над тем, что именно пословица советует «топору», поскольку по «логике источника» топорам не дано самим выбирать, быть им острыми или тупыми, рубить им небрежно или осторожно, избегая камни, или притупить себя наперед, чтобы потом не было «больно». Отсюда может возникнуть множество других нелепых вопросов, например, вопрос о степени персонификации топора в источнике. В данном случае топор представляется довольно пассивным, но он заметно оживился бы, если бы стал убивать кого-нибудь или любить что-нибудь (хотя бы

частое точение) или кого-нибудь (хотя бы хорошего мастера), *танцевать* в руке хорошего мастера и *плакать* в руке плохого, или что угодно. Но от квалификации оживленности топора явно должно зависеть интерпретация его онтологического соответствия в целевом пространстве: если он повлияет как агент, то соответствием могло быть скорее всего подразумеваемый человек как таковой, если он повлияет как инструмент, то, может быть, скорее Селф, т. е. иррациональная «темная сторона» человека, постоянно нуждающаяся в контроле и корректировке. Но общая цепь трактовки, на наш взгляд, именно такова, и в последнем звене цепи «топору», по меньшей мере принципиально, что-то непременно советуется. В других случаях содержание совета или предупреждения может показаться более естественным: например, альтернативы, стоящие перед птичкой – быть ли ранней и наполнить зоб или наоборот, или перед человеком – плюнуть или не плюнуть в старый колодец, или что угодно.

2. Инверсия каузальности и темпорального порядка событий. Когда Руиз де Мендоза говорит, что связь между копанием и смертью просто установлена “by implication”, он не упоминает метонимию. Зато Коульсон указывает на нее прямо: “a grave is metonymically associated with death” (Coulson 1997: 239). С допущением дополнительного метонимического хода в источнике, конкретный порядок событий и каузальность явно потеряли бы значение (если, конечно, не предполагалось бы, что метонимия всегда автоматически вызывает процесс блендации). Важно лишь, чтобы концептуальная реализация образа в источнике принадлежала к утрюмому, аксиологически негативному домену смерти и похорон. Самой смерти, собственно, и нет пока в источнике, как и нет краха, неудачи в целевом пространстве. Идут только приготовления к похоронам, создаются послышки, а на целевой стороне накапливаются риски. Какая часть из сценария похорон реализуется в метонимическом образе – предсмертная или посмертная – это, вероятно, не вызывает помех или разниц в понимании образа, так как процесс толкования просто не доходит до степеней точности, до глубин медитаций, необходимых для их возникновения.

В качестве метонимии, симулирующей целенаправленное действие, в качестве «пункта вхождения» в источниковую схему, может быть выбран практически любой элемент со сценария смерти и похорон в описывающей или повелительно-иронической форме:

- *ты медленно убиваешь себя; как нарочно ищешь себе конца; ну, закажи себе молебен ~ гроб ~ венок; ты себе гроб строишь; ты же сам лезешь в гроб; ты сам лезешь в могилу ~ полезешь в землю; ну, всё, ступай на кладбище ~ зарой себя в землю; ты сам хоронишь себя; ты сам себе крест ставишь; ты что, подбираешь цветы для своей могилы?*

Во всех этих репликах есть намек на смерть и похороны, все они осмысляются легко и четко и не вызывают в действительности раздумий над тем, кто, собственно, лезет в гроб – живой человек, относящийся к пространству-источнику, или мертвец, зомби, разбужденный в бленде, будет ли он в итоге похоронен или ему удастся выбраться из гроба, будет ли он похоронен живым или умрет ли он в гробу сам или будет, может быть, убит.

Вне этих рядов метонимий мы находим еще и *гвоздь в гроб* (*coffin nail*), который также является соединением метафоры с метонимией и, будучи наиболее идиоматичным, чем прежние примеры, может оказать еще большее сопротивление попыткам его глубинного концептуального анализа. Но внешнего сходства гвоздя и сигареты и метонимической связи их обоих со смертью было, видимо, достаточно для установления этого образа в его первоначальном узком, жаргонном значении и последующего нашествия оттуда на новые семантические территории¹⁹.

3. Расширение домена-источника. У Фоконье и Тэрнера в роль источника метафоры избран сценарий естественной смерти и цивилизованных современных похорон. Но значительная часть дошедших до нас басен, пословиц и фраз – исторический материал, родившийся, выросший и живший в намного более суровые и дикие времена. Мир, природа в целом, вся сфера обитания человека рисуется в баснях и пословицах как сцена беспощадной борьбы за существование, в лучшем случае равнодушная и холодная, но чаще активно недружелюбная и опасная среда, полна скрещающихся интересов, враждебно настроенных существ и сил, где круг любви и сопереживания ограничен близкими родовыми отношениями. Из большого количества частных факторов образуется огромный сводный Пейзаж Рисков, в котором надо постоянно быть начеку. Твои дети ждут от тебя наследство и готовы бросить тебя за дверь, когда ты стар и болен. Твой муж бьет тебя. Твоя жена готова изменить тебе. Твои друзья бросают тебя, когда ты оказываешься в беде. Над твоей головой несколько слоев злых и мстительных господ. Твой скот может быть уничтожен эпидемиями или волками, твоё поле – дождями, засухой или саранчей, твой дом – пожаром или бурей. Многие из опасностей смертельны: чума и войны, разбойники на дороге, хищники в лесу, змеи в дуплах, пучины и крокодилы в реках, окна в болоте. Чтобы выжить, и ты сам должен быть суровым, ты должен убивать животных на пропитание, а иногда и людей.

Попробуем теперь расширить наш домен смерти и включить в него также некоторые виды насильственных смертей. В схеме насильственной смерти необходимо участвует агент, убивающий. Серию наших фраз о подвержении самого себя опасности можно было бы продлить прежде всего за счет двух конкретных сценариев.

Первый из них – сценарий казни:

- *ты строишь сам себе виселицу; ты вьешь сам себе веревку; ты сам лезешь на виселицу; ты сам лезешь в петлю; ты сам лезешь на костер; ты сам кладешь свою голову на плаху.*

Другой, и в нашем контексте самый важный – сценарий ловли и ловушек.

Коульсон отмечает очень важную вещь, которую Фоконье и Тэрнер обходят молчанием: могилы – один вид ям, а ямы опасны сами по себе, чем глубже, тем опаснее (Coulson 1997: 239). Копаящий себе могилу уже до смерти подвергнут опасности просто тем, что находится физически в могиле, в яме. Могила начинает казаться ловушкой. Не исключено, что вся серия имеющихся предупреждений от копания могилы самому себе сводится в

этимологическом плане к библейской пословице *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* (Ps. 7,16; Prov. 26,27; Eccl. 10,8; Sir. 27,27). Эта пословица известна практически глобально (группа H5d22 в системе Кууси и Лаухакангас – см. Lauhakangas 2001: 144; Kuusi & Lauhakangas 2001), она находится на девятом месте в ряду популярности европейских пословиц (см. Raszolay 1997: 77–82) и на первом месте в ряду популярности прибалтийско-финских пословиц (см. Kuusi et al. 83). В конкретных записях ямы пестро чередуются с могилами, но мне неизвестно, доминируют ли ямы в более ранних, а могилы в более поздних записях. Во многих языках и диалектах одна и та же основа (хотя бы южно-эстонский *haud*) означает как могилу, так и яму. Этот рой синонимов рассеивается, в свою очередь, еще во многих направлениях: вместо ям-ловушек появляются другие ловушки, западни, силки, сети, удочки (ср. также Taylor 1931: 60–61); появляются другие виды злоумышлений (отравление, изгаживание пищи или напитка, заклинание, ябедничество) и т. д.

В случае сценария ловушки, конечно, нет никаких помех в каузальной или темпоральной структуре. А в библейском прототипе *in spe* не нарушена и интенциональная структура: яма предназначена для другого, а выкопавший ее попадет в нее просто по случаю. Фокус опасности — сама яма как ловушка. Злоумышленнику, как и лгуну понадобится хорошая память, к тому же, общий для всех Пейзаж Риска и без его ямы полон самопроизвольных и умышленных ловушек.

6. Где верх и где низ? Проблема метонимии

Найджел Барли (Barley 1972: 738) разъясняет семантику пословицы с помощью схемы (см. рис. 7), прилагая к ней следующий комментарий: “...we could usefully distinguish two forms of the manipulation of the tree-diagram <...>, a) sideways transposition (metaphor), b) upward motion (generalisation). <...> We are now in a position to see the relationship between the maxim (e. g. ‘Everything comes to him who waits’) and the proverb proper such as, ‘The leopard cannot change his spots’. The maxim is already expressed in general terms that are to interpreted quite literally. The proverb, on the other hand, is metaphorical and is expressed low on the axis of particularisation”.

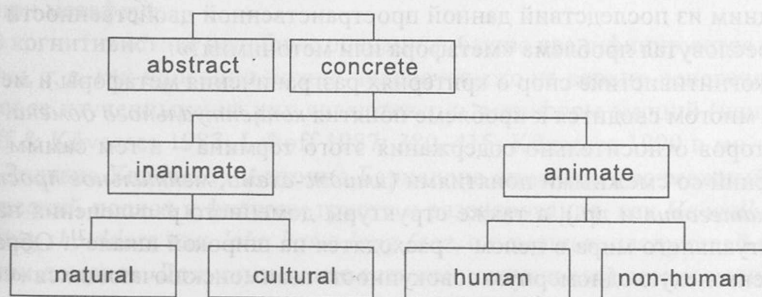

Рисунок 7. Модель метафорических переносов в пословицах (по Найджелу Барли)

Пространственная расстановка осей на схеме Барли – разумеется, тоже метафорическая – кажется совершенно естественной и приемлемой. Это, по существу, та же расстановка, которую мы видели у когнитивистов в их «до-блендовской» стадии развития: специфические схемы (источник и цель) расположены относительно друг друга горизонтально, генерический конструкт находится выше их, путь от специфического к генерическому или обратно – вертикальный.

Но Большой Однонаправленный Поток и Большая Цепь Бытия внушают совершенно другой пространственный рисунок, где горизонтальность и вертикальность сливаются в один «диагональный равнодействующий», генерическое представляется более конгениальным с целью, а специфическое с источником, материально-специфическое кажется более специфическим, чем ментально-специфическое и т. д.

Мы находим у пословиц множество удивительных способностей. Без-метафорные пословицы начинают претендовать на статус генерических репрезентаций чего-то (*У всего в мире есть начало и конец*), другие, метафорические, начинают казаться их спецификациями, источниками (*У палки два конца*). За многими пословицами с номинальной или предикативной метафорой, с XYZ- или другой более осложненной «мировой структурой» начинают мерещиться, скорее всего, прямо «материализованные» бленды: младенцы-мудрости, сидящие на коленях матерей-осторожностей, авоськи, вьющие веревки, и небоськи, закидывающие петли. Если допустить, что *Каков посев, такова и жатва* может быть пословицей прямо о посеве и жатве, то какое место реализация подобного значения заняла бы на «когнитивистическом ромбе»? Мы находим себя лишенными средств для интерпретации в обычной «источник-цель-генерическое-бленд»-манере пословиц с различными параллелистическими структурами, одни звенья которых представляются более «источниковыми», другие же более «целевыми» (*Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос*), а над всеми ними надстраивается генерический призрак высшего порядка (примерно: «каждое существо любит то, что ему приятно или полезно») и возникает вопрос, к какому из причастных миров принадлежит их общий знаменатель (в нашем примере, глагол *любит*)²⁰.

Одним из последствий данной пространственной двойственности является пресловутая проблема «метафора или метонимия?».

В когнитивистике спор о критериях разграничения метафоры и метонимии во многом сводится к проблеме понятия *концептуального домена*. Мнения авторов относительно содержания этого термина – а тем самым и его отношений со смежными понятиями (*имидж-схема, ментальное пространство, категория* и др.), а также структуры доменного расчленения нашего концептуального мира в целом – расходятся на широкой шкале²¹. Образуют ли домены некую одномерную совокупность взаимоисключающихся «семантических полей», или же одни домены могут быть составными частями других, или же домены являются некими универсальными аспектами (разреза-

ми, измерениями) чего угодно – от ответа на эти (разумеется, очень грубо поставленные здесь) вопросы прямым образом зависит трактовка взаимоотношений метафоры и метонимии.

Как было отмечено, метафора в когнитивистике понимается в принципе как операция проекции между двумя «чем-то» (схемами, ментальными пространствами), относящимися к разным доменам, метонимия же – как операция в пределах одного и того же домена. Несмотря на это, наблюдается сильное стремление сохранить и при анализе метонимии понятие проекции, а поскольку проекция может, как принято, иметь место только между доменами, то возникают вспомогательные понятия для денотации взаимоотношений «доменов в доменах», как *субдомен*, *супердомен* или *доменная матрица* и др.²² В когнитивистике почти не упоминается имя Романа Якобсона как теоретика метафоры, даже в контексте критики объективистов и других традиционалистов (хотя, см., напр., Gibbs 1994: 321)²³. Но с учетом специфики метонимии в плане парадигматики / синтагматики стало бы явным, что говорить об онтологических соответствиях между ее составляющими (будь они словами, понятиями, компонентами имидж-схем или чем угодно) весьма проблематично, как и говорить о метонимии как проекции вообще.

На один, пожалуй, самый фундаментальный критический аспект между метафорой и метонимией – соотношение общего с особым и частным – было указано выше, в связи с метафорой ГЕНЕРИЧЕСКОЕ ЕСТЬ СПЕЦИФИЧЕСКОЕ как компонента модели Большой Цепи у Лэйкоффа и Тэрнера. В определенном ракурсе все проявления данной пограничной проблемы могут рассматриваться как конкретизации соотношения общего и частного, в том числе названные здесь ниже, а также обобщенная форма для персонификации СОБЫТИЯ СУТЬ ДЕЙСТВИЯ (EVENTS ARE ACTIONS) и др.

Особо критическую точку составляют отношения «элементарного» (т. е. общего с другими рангами Большой Цепи) и «ментального» (т. е. отличного от этих низших рангов) в человеке. В паремике, например, данной конфигурации соответствуют наши пословицы «третьего правила»²⁴. Здесь отсутствует «концептуальная дистанция» между участниками фигуративной операции, которая по умолчанию предполагается, а иногда и отмечается (напр., Gibbs 1994: 322) при метафоре.

В когнитивистике подобные операции обычно квалифицируются как метафоры, т. е. как проекции ниже-человеческого на выше-человеческое²⁵. Наиболее изученными из них являются т. н. метафоры эмоций (например, Lakoff & Kövecses 1987; Lakoff 1987: 380–415; Kövecses 1990 и мн. др. работы Золтана Кэвечеса). Антонио Барцелона описывает возможный метонимический подход к фигурам грусти и разочарования, как *He walked with drooping shoulders* или *John has a long face*, с помощью следующей конфигурации доменов. Допустим, у нас есть концептуальный домен эмоций; телесные последствия или выражения эмоций были бы при такой перспективе субдоменом домена эмоций; далее, пониклая позиция плеч или подбородка

внесла бы в последний субдомен суб-субдомен вертикальности. Барселона заключает: "This process of inclusion in the domain of sadness of presupposed domains might continue *ad infinitum*, and, if applied to other known metaphors, would result in most of them having to be regarded as metonymies, and not as metaphors" (Barcelona 2000a: 9; примеры *ibid.*: 4–5).

Разумеется, возможны и другие трактовки конфигурации доменных единиц, например:

- всё человеческое образует домен и все фигуративные операции внутри его результируются как метонимии;
- есть домен физического и домен ментального; эмоции принадлежат к ментальному домену, и когда о них говорится в терминах их внешних проявлений, то это считается междоменной проекцией, т. е. метафорой.

Сам Барселона склонен голосовать за метафорическую трактовку подобных выражений, ссылаясь на предполагаемую психологическую валидность этого: для людей, говорящих на английском языке, данная часть концептуального мира, мол, просто подразделена на два отдельных домена. Но есть другой возможный, также сугубо когнитивистический взгляд на метонимии, исходящий из идеи т. н. прототипных эффектов – т. е. как на средства ментального доступа (*mental access*), фокусирования на важное, как наиболее заметные и тем самым лучшие «места вхождения» в предмет разговора (напр., Lakoff 1987: 78–79; Langacker 1993: 30; Gibbs 1994: 327 и сл.; Kövecses & Radden 1998: 38–39; Radden & Kövecses 1999: 18–21; Barcelona 2000b: 32). Такой подход свободно позволил бы видеть в здешних выражениях о грусти метонимии, но при его последовательном применении, видимо, к метонимиям можно было бы свести в принципе все случаи, когда о ментальных процессах говорится в терминах их телесных показателей, и множество других «нынешних» метафор, поскольку функции метафоры и метонимии в этом плане совпадают.

Весьма продуктивны проявления этой раздвоенности и в пословицах: например, те же ментально-теловые отношения, затрагивающие эмоции; представление социальных и этических сторон труда его физическими аспектами (движение, тяжесть, пот, устание и т. д.), а добычи и вознаграждения – пищей и кушанием и мн. др. В обзоре тропов прибалтийско-финских пословиц я попытался разделить случаи таких «внутричеловеческих» фигур на более метафорические «материализации» и «биологизации», и более метонимические «визуализации» и «сценаризации» (см. Krikmann 1998a: 108–113; ср. также Kuusi et al. 1985: 40–41 и 42–77 (столбец 13)).

Существует также проблема «абсолютных границ» метонимии вне ее пересечений с метафорой. Исходя из импровизаторной якобы метонимической конструкции WORDS STAND FOR THE CONCEPTS THEY EXPRESS в Lakoff & Turner 1989: 108, проиллюстрированной примерами, как *That is a self-contradictory utterance* и *Those are foolish words*, Кэвечес и Радден выделяют, наряду с ординарными «понятийными» метонимиями (*concept me-*

tonymies), особый класс т. н. онтологических метонимий (*ontological metonymies*), аллокационными категориями которых являются разные т. н. онтологические области (*ontological realms*): форма вместо содержания (например, упомянутая «слова вместо понятий»), референциальное выражение вместо вещи или события (например, когда говорят *ладья*, подразумевая резинку, которой заменена исчезнувшая шахматная ладья), форма вместо вещи или события (например, в магии, где имя вещи воспринимается как часть самой вещи), понятие вместо вещи или события (когда, например, “our concept of the word *table* is assumed to stand for a real table”) – Kövecses & Radden 1998: 43, см. и шире *ibid.*: 41–43; ср. также Radden & Kövecses 1999: 24–26).

К метонимиям часто относят также очень продуктивные в английском языке существительные-глаголы, как *ski, shampoo, blanket, bite, cut, summer* и мн. др. (напр., Gibbs 1994: 334–335 и 1999: 65; Kövecses & Radden 1998: 54–55; Radden & Kövecses 1999: 37–38; Dirven 1999: 279–280). Такой подход, правда, определенно игнорирует предъявленное Якобсоном требование позиционного тождества компонентов метонимии (см. примечание 23 ниже).

Пантер и Торнбург очень свободно толкуют метонимию EFFECT FOR CAUSE, подводя под нее широкий круг проявлений «речевой экономии» и эллиптации, например, если говорят *Что за птица?* вместо *К какой категории птиц относится птица, которая там поет?*, или если на вопрос *Что за шум?* отвечают: *Дождь*, а не *Шум, которым ты интересовался в своем вопросе, причинен дождем*, или что-то в этом роде. Но их наблюдения приводят к исключительно интересному выводу: язык как бы ориентирован своим «сбереженческим поведением» на предпосылку, что визуальные и тактильные ощущения поступают постоянным потоком и образуют некий «гарантированный фон» для слуховых ощущений, обоняния и вкуса, которые рассматриваются как «знаки» на этом фоне (см. Panther & Thornburg 2000).

Хорошо известны т. н. метонимии вежливости, которые широко рассматривались в прагматике в ряду косвенных речевых актов, как замена прямых императивов, угроз и других волеизъявлений вопросами типа *Не смогли бы вы...?*, «привлечением внимания на возможные последствия» и т. п. (см. Gibbs 1994: 352–358 и ссылки там же; Panther & Thornburg 1999: 345–347).

Путем «вопросов вежливости» и косвенных речевых актов, а также риторических вопросов, которые также очень частые и в пословицах, мы подходим к более общей проблеме риторической квалификации разных модальных замен как в пословицах, так и вне них. Нас в этом плане интересуют прежде всего соотношения ассерторического «наклонения» с аксиологическим (оценочным) и деонтическим (императивным, прескриптивным) — например, ирония легко осмысливается как «аксиологическое отрицание» (ср. также Krikmann 1994: 121). Но это уже предмет следующей части нашего разговора.

7. Проблема движущей силы

Когнитивистический анализ метафор, и языка в целом, происходит в основном на онтологическом уровне. Категория **цели** не играет в нем особой роли. Из имеющейся литературы трудно найти попытки ответить на вопросы о том, каким образом все-таки человеческое «я» как волевой, интенциональный фактор, как активное целенаправленное начало участвует (и участвует ли вообще) во всех этих бесчисленных проекциях через бесчисленные ментальные пространства, в выведении из поступающей семантической информации разных «инференций» и «эвокаций», откуда берется пресловутая «иллокутивная сила» речи и т. д. Таким образом, «герменевтический круг» в когнитивной трактовке метафоры остается незамкнутым, человек выступает здесь в основном только как познающий, но не как действующий субъект. Основная функция человеческой деятельности (в данном случае, коммуникации) – изменять мир, контролировать ход событий, толкать его в желаемом направлении – выскальзывает из фокуса исследования. Это тем более удивительно, что к моменту рождения когнитивной теории метафоры из лона прагматики и теории текста успели вырасти уже весьма обнадеживающие отпрыски теории дискурса, теории действия, теории планирования и т. п. (например, в трудах Ван Дейка, Шанка и Абельсона и др.). На более техническом, операциональном уровне проблема сосредотачивается на соучастии оценочного аспекта, аксиологической модальности не только в функционировании риторических единиц, но в речевой коммуникации в целом²⁶.

Но этим, собственно, наше удивление и ограничивается: круг между восприятием и действием не замкнут; из списка отдельных (или концептуальных, или частных) метафор, из выделенных доньше осколков и модулей когнитивных структур не образовывается пока интегративной теории действия; нет сводной интерпретации целей и мотивов человеческого действия; нет трактовки аксиологической метафоры (или дистинктного аксиологического, т. е. отличающегося от онтологического, измерения в метафоре). Но в общем и целом теоретическая дань когнитивистики в изучение глубинных движущих стимулов паремии представляется намного более впечатлительным, чем та, которая выросла из самой паремиологии «в собственном смысле».

Соучастие «измерения добра и зла», значимость его как медиатора между ментальным «изъявительным наклонением» и ментальным «повелительным наклонением», станет особенно явной в случае пословиц как поучительного жанра, действующего посредством каузальной импликации и логического обобщения. Так, большинство индикативных пословиц с естественной легкостью и четкостью разделяется на предлагающие «премии» и предугадающие «наказания» (см. примеры эстонских текстов со структурой *Kто..., тот...* в Krikmann 1998b: 81–93).

Анализы отдельных метафор и метонимий с четкой аксиологической и / или эмоциональной отмеченностью то и дело мелькают во всей литературе последних 20 и более лет.

Рассматривались, например, некоторые метафоры ориентации (HAPPY IS UP; HEALTH AND LIFE ARE UP; GOOD IS UP; VIRTUE IS UP и др. – см., напр., Lakoff & Johnson 1980: 15–16), метафоры, касающиеся ценности времени (TIME IS MONEY, TIME IS A RESOURCE, TIME IS A VALUABLE COMMODITY и т. п. – см., напр., Lakoff & Johnson 1980: 7–9; Lakoff 1987: 209–210; Lakoff & Johnson 1999: 161–166), разные метафоры гнева и злости (напр., Lakoff 1987: 380–415).

В Lakoff & Johnson 1980: 142 имеется беглое замечание: “...metaphors can thus be appropriate because they sanction actions, justify inferences, and help us set goals”.

Среди т. н. метонимических моделей Лэйкоффа имеются такие виды, как идеалы и (положительные) образцы (*paragons*) (Lakoff 1987: 87–88).

Сделано несколько кратких замечаний по поводу персонификаций, например, “they allow us to make sense of phenomena in the world in human terms – terms that we can understand on the basis of our own motivations, goals, actions, and characteristics” (Lakoff & Johnson 1980: 34). Категории цели, добра и зла неизбежно (но в невыделенной форме) участвуют и в анализах метафоры EVENTS ARE ACTIONS как базисной, концептуальной формы персонификации (напр., Lakoff & Turner 1989: 72–85; Turner 1996: 26–56).

У Золтана Кэвечеса в комплексе разных видов метафор, составляющих сводный арсенал выразительных средств для понятия ‘дружба’ в американской культуре, фигурирует тип, именуемый “positive / negative evaluation metaphors” (Kövecses 1995: 344).

Сара Тауб, пересматривая внутреннюю структуру семьи метафор СОСТОЯНИЯ СУТЬ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ (STATES ARE LOCATIONS), предлагает внести в него ряд дополнительных компонентов, в том числе “the willfulness of the thing that is moving – its resistance to or compliance with the force acting on it” (Taub 1996: 451), оформляет на основе этого новую субметафору ENTITY’S ATTITUDE TOWARDS CHANGE IS ENTITY’S ATTITUDE TOWARDS MOTION и намекает на возможную аксиологическую окраску понятия «обычного» (примерно: «ОБЫЧНОЕ ЕСТЬ НОРМАЛЬНОЕ ЕСТЬ ХОРОШЕЕ»).

В работе Фридриха Унгерера о риторике рекламы выдвигается и рассматривается особая т. н. метафора ценности — THE DESIRED OBJECT IS A VALUABLE OBJECT (Ungerer 2000).

В «теории Селфа» Лэйкоффа, в особенности концепции «социального Селфа» и «кратных Селфов» (*Multiple Selves*) эвальвативный аспект метафорных проекций неминуемо и сильно акцентирован (см. об этом более подробно в примечании 28).

Любопытно, однако, что первый локус, где «подводные» модальности риторического выражения специально попадают в поле зрения когнитивистов – это опять четвертая глава книги “More than Cool Reason”. Для Лэйкоффа и Тэрнера пословицы суть прежде всего метафорические описания (*descriptions*) неких ситуаций, метафоричность как раз и составляет их ос-

новную когнитивную ценность. Авторы не относят пословиц к обобщающим предложениям и, соответственно, не видят внутри них каузального сцепа. Но они замечают, что, одновременно, пословицы таят в себе и **назидание** (*exhortation*), и опираясь на примеры, такие как *Burned lips on broth now blows on cold water; Cows run with the wind, horses against it; Cow parched by sun pants at the moon; Frog forgets he had a tail; Charcoal writes everybody's name black* и т. п., приходят к выводу, что соединяющим звеном между описанием и назиданием следует считать проекцию автоматической, нерассудочной реакции животного или вещи на человеческое (предположительно контролируемое разумом и волей) поведение: "An exhortation is, by nature, a directive to exercise voluntary control" (Lakoff & Turner 1989: 182; см. также *ibid.*: 181–185). Нет ни малейшего намека на то, что человек воспринимает сохранение волевого контроля как добро, его потерю же – как зло, ни разбора возможных онтологических мотивов этого. Правда, по неудачному стечению обстоятельств, большинство примеров, избранных из «Азиатских фигур» У. С. Мэруина (W. S. Merwin), на самом деле позволяют трактовать их и как «поговорки», т. е. описания. Они также не являются откровенными «премиями» или «санкциями», а принадлежат к числу т. н. сигнализирующих, с неопределенным прескриптивным выводом вроде «Учти, что...» или «Знай, что...» вместо обычного «Делай... / Не делай...»²⁷.

Но в своей полной красоте вклад когнитивистики в исследование мировоззренческой специфики пословиц открывается в разборе «натуральной» морали и морального сознания Джонсоном и Лэйкоффом (напр., Johnson 1993; Lakoff 1996a; Lakoff & Johnson 1999: 290–334). В этих работах есть восхитительные страницы, когда почти забывается, что речь идет о морали вообще, а не этической картине мира пословиц – настолько знакомым и домашним оказывается весь здешний ландшафт. Метафоры морали базируются, с одной стороны, на ряду универсальных онтологических метафор, таких как метафоры, связанные с пространством (включая ориентационные, метафоры пути и др.), метафоры силы (например, принуждения и сопротивления, крепости духа, воли и силы воли, равновесия), а также т. н. метафора событийной структуры (*event structure*), моделирующая любые каузальные отношения и допускающая представлять моральные поступки как акты давания и получения. К тому же, существуют отдельные разряды метафор с ясной аксиологической направленностью. Это, во-первых, метафоры физического благополучия и дееспособности с их отрицательными антиподами: здоровье и болезнь, боль и наслаждение; во-вторых, наслоенные на них (и особо продуктивные в современном обществе денег и выгоды) метафоры материальных благ, хозяйственного благосостояния. Мораль структурируется большей частью как сложная и развернутая система морального учета или моральной бухгалтерии (*moral accounting*) вместе с относящимися сюда концептами взаимности, одолжения и долга, заема, цены, баланса, мести как расплаты или ретрибуции, чести как социального капитала и т. д., и т. п., и постоянно сопутствующими сложными дилеммами между эгоизмом и альтруизмом, принципами

распределения по заслугам или поровну. Моральное сознание содержит также верование «универсального равновесия» или «универсальной справедливости» (*fatum, karma*): долгое продолжение неудачи начинает казаться обнадеживающим, а продолжение удачи – зловещим. «Инфраструктурная» сторона общества также играет роль источника структурирования морали. Проявляются (обсужденные и в социальной психологии) представления о мире как государстве, об обществе как семье. Взаимоотношения агентов морали, соответственно, упорядочиваются в иерархическую систему, на нижнем этаже которой находятся родители (прежде всего, отец), на промежуточных разные земные властители и на высшем – Бог. По общему правилу однонаправленности, звенья иерархии могут быть метафорами друг друга: например, Бог может быть представлен как король или отец, король как отец и т. д. Все метафорические роли воплощают в себе определенную комбинацию двояких функций – с одной стороны, заботы, воспитания, гаранта безопасности, источника мудрости, носителя ответственности; с другой стороны, власти, контроля, принуждения, наказания, эксплуатации. Все эти отношения могут рассматриваться, по-видимому, и на общем фоне Большой Цепи Бытия и имеют за собой как натурально-онтологическую, силовую мотивацию (Бог предположительно сильнее людей, люди мощнее животных и растений, взрослые сильнее детей, мужчины сильнее женщин и т. д.), так и социально-онтологическую (социальное целиком понимается как натуральное, устройство общества как естественный, природный порядок). Все эти отношения используются для структурирования морального сознания и поведения человека. Таким образом, моральный авторитет мотивируется в конечном счете имением и количеством физической силы, а в противном направлении образуется иерархия степеней ответственности: люди в ответе за природу, родители за детей и т. д. Лэйкофф и Джонсон пишут: “The consequences of the metaphor of Moral Order are sweeping, momentous, and, we believe, morally repugnant. The metaphor legitimizes a certain class of existing power relations as being natural and therefore moral. In this way it makes certain social movements, such as feminism, appear to be unnatural and therefore counter to the moral order. It legitimizes the view that nature is a resource for humans and that humans should be good stewards of that resource. Accordingly, it undermines alternative views of nature, for example, the view that nature has inherent value and ought not to be subject to human will” (Lakoff & Johnson 1999: 304).

Отсюда, кажется, рукой подать до полного раскрепощения добра и зла, распространения сферы их действия далеко за пределы морали, признания их как универсальных моторов человеческих действий. Но этого, увы, пока не произошло. Ведь метафора PURPOSES ARE DESTINATIONS, ориентационная метафора или любая другая работает не только всилу онтологических, но и (может быть, в первую очередь) оценочных соответствий между составляющими источника и цели. Правда, в одной из версий Принципа Инвариантности Лэйкоффа (Lakoff 1993: 234) – и опять-таки применительно к пословицам – в числе аспектов, в которых метафора должна сохранить

концептуальную структуру целевой схемы, наряду с другими (как каузальная, временная, модальная и т. п.), намечается и целевая структура (*purpose structure*). Но означает ли это тождественность конфигурации оценочных «знаков» в источниковой и целевой схеме или нечто иное, мне неизвестно. Может быть, от выпуска джинна добра и зла воздерживает интуитивная боязнь попасть уж слишком близко к истокам человеческой природы, страх перед картиной, которая может нам здесь открыться?

Со стороны авторов фольклористического, семиотического, психологического или иного склада, писавших о пословицах специально, проблема «глубинных» модальностей в смысловой структуре пословиц также не заслужила особого внимания, хотя сам Арчэр Тейлор (Taylor 1965: 7), размышляя над тем, почему, в каких целях люди прибегают к пословицам, гениально простым и точнейшим образом уже ответил на вопрос о главных коммуникативных функциях пословицы: “And now the question, “To what end?” Why do men use proverbs? <...> As a guide to life’s problems, the proverb summarizes a situation, passes a judgment, or offers a course of action”.

Матти Кууси (Kuusi et al. 1985: 38) признает и эвальвативную, и нормативную функцию пословиц, но его понимание общей модальной структуры пословицы намного отличается от моей (напр., в Krikmann 1974b). Галит Хасан-Рокем (Hasan-Rokem 1982) признает оценочную, но не императивную натуру пословиц. Барли, Пермяков и Каньё, абстрагирующие пословицы в логическом направлении, рассматривают императивные предложения в одном ряду с индикативными, и т. д.

Работы Дж. Б. Мильнера (Milner 1969a; 1969b) своей из ряда вон выходящей оригинальностью и дерзкой категоричностью взглядов, конечно же, привлекали внимание и стали широко цитируемыми, но общий тон реакций на них оказался почти единодушно критическим (см., в частности, Barley 1972: 743; Dundes 1975: 963–964; Norrick 1985: 51–55). Мильнер, как известно, снабдил все (с исключением союзов и проч.) слова в пословичных текстах *a priori* плюсами и минусами, отождествляя притом (онто)логические и аксиологические отрицания, а также видел мифическую связь между четырехдольной структурой и аксиологической отмеченностью пословицы, что в основном и вызвало вполне обоснованные упреки в произвольности подобных маркировок. Но мало кто из критиков сумел вывести для себя эвристический урок хотя бы из самого факта существования двух аксиологически диаметральных вариантов (английского и шотландского) пословицы *Rolling stones gather no moss*, т. е. из того, что эти осмысления зависят прямым образом от двух противоположных **оценочных** интерпретаций слова *мох* в синтагме *обрастает мохом* и от них, в свою очередь, зависит прямым образом прескриптивный выход пословицы – то ли «не будь катящимся камнем», или же «будь катящимся камнем». В своих ранних работах (напр., Krikmann 1974b) я полагал, что аксиологическая интерпретация в принципе следует за онтологической или «материальной», но тот и некоторые другие примеры заставляют думать, что «онлайн»-усилия для осмысления выражения, поиски «наиболее

доступных мест» происходят одновременно на многих уровнях, во многих направлениях, причем поиск приемлемой «конфигурации добра и зла» играет в этом очень существенную роль и в процессе проб и ошибок аксиологическая гипотеза может иногда даже предшествовать онтологической интерпретации.

Норрик именует некоторые пословицы в использованных им источниках *оценочными комментариями* (*evaluative comments*), другие *оценочными доводами* (*evaluative arguments*) и отмечает, что эвальвативный подтекст пословицы звучит сильнее в живых устных употреблении, нежели в литературных контекстах или при бесконтекстном приеме, но не предусматривает, видимо, наличие оценочного и прескриптивного аспекта в любом тексте и / или манифестации пословицы (см. Norrick 1985: 13–24 *passim*). Он возвращается к теме модальной структуры пословицы и в связи с т. н. дидактической тенденцией пословицы (*ibid.*: 41–43). Наиболее близко к мысли о связанности всех коммуникативных функций пословицы Норрик подходит опять-таки в связи с анализом пресловутого катящегося камня у Киршенблатт-Гимблетт (Kirshenblatt-Gimblett 1973: 821–822): “Apparently we become so accustomed to hearing proverbs cited as evaluative rules of behaviour that literally quite neutral proverbs take on a didactic flavor. For instance, although tests have shown that *A rolling stone gathers no moss* can mean either ‘a person on the move stays young’ or ‘a person on the move stays poor’, hearers interpret it interactionally to mean either that they should or should not ‘roll’, depending on their beliefs” (*ibid.*: 28).

Еще в основном варианте своей т. н. модели расширенной концептуальной базы (*Extended Conceptual Base Theory*), Ричард Хонек отмечает, что фигуративный арсенал пословиц состоит в большей части из конкретной, повседневной лексики, относящейся к основному уровню (в смысле Рош), но добавляет: “However, lexical familiarity and concreteness do not a literal representation make. There is always more to it. Regarding imagery, it is clear that nonimagistic interpretive processes are almost always required to get an adequate mental model. For example, for *The grass is always greener on the other side of the fence*, the implicit logic is that the grass on this side is less green and so less valuable. For *A bird in the hand...*, one can easily imagine holding a bird in one’s hand and seeing two birds in a bush. The key word is “worth,” however, which has no representation in the imagery, nor the value of bird, nor the idea that having something in hand symbolizes personal possession. Therefore, although proverb concreteness may arouse an imagery-laden mental model, it does not guarantee a satisfactory model, even on the literal level” (Honeck 1997: 100). Новый вариант модели Хонек, ЕСВТ-2 дополнен т. н. гипотезой когнитивных идеалов (*The Cognitive Ideals Hypothesis*). Хонек полагает, что пользуясь пословицами, люди стремятся уловить идеал, норму или стандарт: “Societies and individuals judge that there are ideal, normative, and standard ways by which events should and do occur. <...> Pencils cannot pushed through iron walls; water does not run uphill. Biologically, organisms must meet basic needs to survive. Psychologically, people know that there is an optimal time for a specific thing to be accomplished.

Success in reaching a goal requires flexibility. A part of a whole needs to fit a whole, and so on. On a cultural level, every society values some thoughts and behaviors rather than others" (ibid.: 137). Такие общие идеалы Хонек называет *генерическими*. Пословицы выражают эти идеалы через конкретные слова и конкретный синтаксис, т. е. в форме *специфических* идеалов. Соответственно, пословицы разделяются на 1) утверждающие идеалы (*ideal-confirming proverbs*) и 2) говорящие об отклонениях от идеалов (*ideal-disconfirming proverbs*). Судя по приведенным примерам, Хонек относит к первому типу пословицы о вещах, которые советуют делать или результаты которых объявляются хорошими, полезными, а ко второму — пословицы о вещах, которые невозможно делать или которые приводят к плохим последствиям или считаются опасными (ibid.: 139–140). Хонек отмечает также, что пословицы различаются по своей риторической силе: "...the rhetorical force differs. Some proverbs call for certain actions; some simply ask us to note a state of affairs" (ibid.: 140). Далее, в разборе прагматических аспектов своей модели, Хонек прямо подчеркивает связь понятия *когнитивного идеала* с понятиями *ценности* и *цели*: "Ideals are goals that are positively valued and sought, whereas deviation from the goal is negatively valued and to be avoided. Thus, ideals-confirming proverbs exhort us to act in a way that is consistent with the generic ideal expressed by the proverb. Ideals-disconfirming proverbs exhort us not to act in a way described by the proverb" (ibid.: 142). Или еще раз ниже, разбирая недостатки модели Лэйкоффа и Тэрнера и преимущества своей собственной ЕСВТ: "...it is hard to think of a proverb that could not, in some situation, be used to exhort" (ibid.: 160). С другой стороны, судя по общей формулировке "ways by which events should and do occur" и сопровождающим примерам, когнитивные идеалы у Хонек охватывают, кроме составляющих «оценочно-оптативно-нормативно-прескриптивно-целевого комплекса» также и чисто онтологические или фактологические аспекты наших «генерических знаний». Может быть, Хонек поистине имеет в виду всю совокупность основных модальностей и их взаимосвязей, участвующих в понимании пословиц, но анализ примеров (ibid.: 138) этого не подтверждает.

Таким образом, аксиологический аспект пословиц, да и проблема их модальной структуры вообще, в существующих работах по паремиологии не игнорируется, но и не выделяется как отдельное, универсальное измерение их семантической или когнитивной структуры, а скорее растворяется в фигуративности, прагматике, дидактике и т. п.

8. Проблема проблем — персонификация

Рассказ о персонификации является, в известном смысле, продолжением рассказа о слиянии метафорического и метонимического измерения, как и рассказа о категориях цели, добра и зла. Выходит еще одна парадоксальная двойственность. Большой Однонаправленный Поток и Большая Цепь показывают ментальную деятельность человека как самый непонятный, недостижимый и

мистический регион бытия, как неисчерпаемый объект объяснения, как Абсолютную Мишень метафорических проекций. Но в то же время человек оказывается для себя самой знакомой, самой понятной частью природы, сподручной моделью для осмысления всего остального, Абсолютным Источником метафорических проекций. Эта оборотная сторона монеты олицетворена в олицетворении, персонификации, антропоморфизме, анимизме. Таким образом персонификация противопоставляется всему остальному в метафоре, образует сильный противоток в Большом Однонаправленном Потоке.

Значительная часть книги Тэрнера "The Literary Mind" посвящена анализу метафоры EVENTS ARE ACTIONS, иными словами – персонификации. В частности Тэрнер рассматривает блендовый образ смерти как Угрюмого Жнеца и полагает, что персонификация возникает через промежуточную ступень т. н. каузальной тавтологии. Мы объединяем, например, все частные причины умирания (как болезнь, повреждение, старость и т. д.) под общий каузальный знаменатель «Смерть-вообще» (*Death-in-general*), т. е. «Смерть причиняет умирание», а аналогично и «Сон(ность) причиняет спанье», «Голод причиняет голод(ание)», «Охота причиняет хотение», «Огонь причиняет горение» и т. п. Затем эти тавтологические причины приобретают агентивность (Turner 1996: 32 и 77; ср. также Turner & Fauconnier 2000: 138). Так, смерть превращается в Угрюмого Жнеца, детям говорят, что сон – это старик с мешком, из которого он берет особый песок сна и кидает детям в глаза и т. д.

Я не уверен, насколько этот когнитивный процесс – персонификация через обобщенную каузальную тавтологию – отражает фактический исторический (фило- или онтогенетический) ход возникновения анимизма и персонификации. Может быть, в определенной стадии развития в сознании пра-предков сложилось представление о прототипном «прагматическом событии», которое заключало в себе и материальность (представления о пространстве, веществе, силе), и агентивность (так как люди казались себе прототипными каузаторами изменений), и аксиологически-целевую отмеченность (события ощущались как плохие или хорошие, т. е. как сознательные акции вражеских либо дружеских существ, преследующих свои цели, не совпадающие или совпадающие с нашими интересами). Это, с одной стороны, привело к генерализации признака агентивности ко всему происходящему, к причинности в целом, а с другой стороны, к разбиению самого человека на телесное и ментальное, «на тело и душу», поскольку первоисточник событий, «центр управления» все еще не был найден. Но дух и душа, чтобы о них было возможно думать и говорить, нуждались опять в олицетворении. Знания о смерти могли служить твердым доказательством о связи агентивных способностей с жизнью, а тем самым и мотиватором представлений о выходе души из тела и стимулом для конструирования параллельных миров (загробных или иных) как обиталищ этих существ. Но эти миры, чтобы о них думать и говорить, должны были опять походить на свой прототип, выглядеть в необходимой мере реалистическими и материальными.

Чтобы быть адекватными онтологическими соответствиями друг друга, материальная и ментальная «половины» человека стараются персонифицироваться как дуализированные личности и вне всяких загробных и потусторонних или иных сверхъестественных миров, прямо внутри нас самих. Мало того, персонифицируются не только плоть и дух как таковые. В «теории Селфа» Джорджа Лэйкоффа²⁸ разные виды персонифицированных существ возникают, действуют, общаются, борются и на ментальной половине в отдельности. Субъект, например, как орган разума, управления и контроля, просто не может выполнять эти свои функции иным образом, кроме как посредством разных физических и социальных метафор. А Селфов, с которыми ему приходится день за днем быть в контакте, целое множество. Правда, эти Селфы являются физическими уже по аксиоматике и могут представляться не только персонами, а также вещами (*Возьми себя в руки!*), веществами (эст. *Ta on ennast täis*, букв.: ‘Он полон самого себя’ или *Ma püüdsin end koguda*, букв.: ‘Я попытался собрать себя’) или вместилищами (*Она вышла из себя ~ пришла опять в себя*). Но чаще всего они представляются именно персонами. Это особенно типично для т. н. Социального Селфа: мы можем быть с самим собой в ладах, но и ненавидеть и презирать себя, бороться с собой, баловать себя, ухаживать за собой, предупредить себя, упрекать или благодарить себя за что-нибудь, остаться себе верным или обмануть себя, разочаровать себя и быть разочарован собой, и т. д., и т. п. Как видим, Социальный Селф выступает как совершенно полномерный ближний. Наш Настоящий Селф также ведет себя обычно как человек в человеке, а наш Внутренний Селф часто рисуется как чудовище в человеке, т. е. тоже как анимированное существо. Кроме того, Субъект и Селфы вступают в разные синонимические или сценарные отношения с другими, порой также персонифицированными началами, именными Душами, Духами, Сердцами. До какой степени это персонификационное удваивание внутри нас будет развиваться?

Человек унаследовал от своих животных предков имидж-схемы и инстинкты. Но одновременно с началом своего пребывания в качестве *Homo sapiens* человек стал и верующим человеком. История, как утверждалось, не знает культур, этносов или племен достаточно первобытных, чтобы не иметь каких-либо форм религии. Теоретик религии Стюарт Гатри в своей известной книге “Faces in the Clouds” (Guthrie 1993) полагает, что именно антропоморфизация является универсальной основой основ любых религиозных представлений и воззрений вообще. Но если это так, то тавтологический круг замыкается и мы сталкиваемся лицом к лицу с вопросами слишком фундаментальными, чтобы не казаться нелепыми, например:

- когда и для кого представление о Небесном Отце приобрело качество метафоры, а когда и для кого оно было (или продолжает быть) пропозицией о подлинном факте действительности?
- ощущают ли верующие и неверующие люди риторическую структуру пословиц или иных фигуративных единиц одинаково или по-разному?

- сотворил ли человек Бога по своему лицу или же Бог человека по своему?
- что такое истина?

Однако, вернемся, под конец, еще на мгновение к говорящим животным. Рассказ об осле и быке из «Тысячи и одной ночи» составляет лейтмотив книги Тэрнера «The Literary Mind». В контексте рамочного рассказа о Шахразаде, ее отце-везире и повелителе Шахрияре этот рассказ функционирует как басня: мир животных – источник, а выводимая отсюда мораль проецируется на людской мир, будучи обращенной конкретно к Шахразаде и ее планам перехитрения Шахрияра. Говорящие животные, разумеется, образцовый пример бленда, но можно ли здесь (или при аллегории вообще) говорить *eo ipso* об источнике и цели, о направлении проекции, о персонификации? Мы узнаем антропоморфизацию в цирковых животных, одетых как люди, и зооморфизацию в карнавальных типажах, выглядящих как животные. Но это благодаря тому, что мы знаем, кем они являются в действительности. Вне конкретного сценария параболы подобного фона знания нет, а есть лишь фантастический бленд – говорящие животные.

В нас сидит неосознанная аксиома: все пословицы – пословицы о человеке, если нет оснований думать иначе. Но что должно пониматься как «правильное нефигуративное толкование» пословицы, содержащей персонификацию – это далеко не однозначно.

Существует группа хитроумных персонификаций, которые я назвал *метонимическими персонификациями* (см. Krikmann 1998a: 116–118). Это, грубо говоря – персонификации, симулирующие сентенциальные метафоры. Самыми типичными представителями их являются, например, «персонификации святых»: *Придет Илья, принесет гнилья; Козьма закует, а Михайло раскует*, а также персонификации слов, реплик, актов речи, причастий (относятся по функции к т. н. остроумным ответам или *repartees*), да и многие другие персонификации абстрактных и ментальных объектов: *Даритель ~ Подарок умер, его сын живет, имя сына Купи; Осторожность – мать мудрости* и мн. др. Референты таких персонификаций часто прямо по звучанию имитируют имена собственные – например, русские выражения о Авоське и Небоське, о Знайке и Незнайке: *Авоська веревку вьет, Небоська петлю закидывает; Знайка по дороге бежит, Незнайка на печке лежит*, или эстонские *Oleks on raha poiss* («Было бы» — плохой парень); *Oleks uppus Jamburi jõkke* («Было бы» утонуло в Ямбург-реке), где *oleks* напоминает эстонские мужские имена Олев и Алекс. (Подобные квази-слова, имитирующие имена, очень продуктивны в загадках прибалтийско-финских и балтских народов.) Подходя рутинно, хотелось бы видеть в этих пословицах сочетание метонимии в субъектной части предложения с метафорой в предикативной части. Но когда персонификация конкретных нечеловеческих объектов является персонификацией в собственном смысле, т. е. антропоморфизацией, то персонификация абстрактных понятий не содержит, собственно, операции очеловечивания (так как сами эти понятия итак уже находятся в регионе человеческого), а лишь операцию «материализации ментального», к тому же, видимо, мнимую, поскольку

воображаемая или словесная ликвидация метонимии в субъектной части заодно уничтожила бы, как правило, мотивацию для (теперь уже частной) метафоры в предикативной части. Так, персонификация как таковая исчезает вместе с исчезновением бленда. Поэтому не удивительно, что Нил Норрик дает английской пословице *Fancy may bolt bran and think it flour* (Прухоть ~ Воображение ~ Фантазия может просеивать отруби и думать, что это мука) следующую интерпретацию 'anthropomorphic fancy may sift bran and think it flour' вместе с комментарием: "Other formulations like 'a person possessed of fancy' and 'a fanciful person' may sound better, but they fail to reflect the semantic process which led to them [то есть, антропоморфизацию. – А. К.], so I stick to the more revealing if clumsier formulation" (Norrick 1985: 120).

В "More than Cool Reason" мы находим импровизацию о генезисе животных метафор. По этой импровизации зоометафоры представляют собой результат двойной проекции: вначале человек приписывает определенным животным свои собственные человеческие черты характера (львы суть храбрые и благородные, лисы суть хитрые, собаки суть лояльные и зависимые, волки суть злые убийцы и т. д.), а затем отображает их обратно на человека (Lakoff & Turner 1989: 193–197). Если допустить, что этот подход разумен, и расширить его также на другие ступени Большой Цепи, то это превратило бы большинство метафор – по меньшей мере в пословицах – в персонификации и вывернуло бы наизнанку все наши нынешние представления о природе и таксономии метафор до той степени, что я не смею погадать, во что они превратились бы.

ПРИМЕЧАНИЯ

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Все сокращения использованных трудов приведены в латинском шрифте.
2. Цитаты даются в языке-оригинале (обычно английском). К переводам английских терминов прилагаются, как правило, их соответствия в оригинале.

¹ Метафора канала связи в переводе Н. В. Перцова (Arutiunova: 393 и сл.).

² Большие – ориентир вверх, меньшие – вниз в переводе Н. В. Перцова (ibid.: 398).

³ Счастье – верх, грусть – низ в переводе Н. В. Перцова (ibid.: 396).

⁴ Метафоры, связанные с местностями в переводе Н. В. Перцова (ibid.: 412).

⁵ См. разные парафразы этой идеи у Лэйкоффа и Джонсона, например: "we typically conceptualize the nonphysical in terms of the physical – that is, we conceptualize the less clearly delineated in terms of the more clearly delineated" (Lakoff & Johnson 1980: 59);

или: "The metaphors come out of our clearly delineated and concrete experiences and allow us to construct highly abstract and elaborate concepts" (ibid.: 105);

или: "the less clearly delineated (and usually less concrete) concepts are partially understood in terms of the more clearly delineated (and usually more concrete) concepts, which are directly grounded in our experience" (ibid.: 109);

или: "we tend to structure the less concrete and inherently vaguer concepts (like those for the emotions) in terms of more concrete concepts, which are more clearly delineated in our experience" (ibid.: 112);

или: "Because so many of the concepts that are important to us are either abstract or not clearly delineated in our experience (the emotions, ideas, time, etc.), we need to get a grasp on them by means of other concepts that we understand in clearer terms (spatial orientations, objects, etc.)" (ibid.: 115);

или: "In general, we understand more abstract and less well-structured domains (such as our concepts of reason, knowledge, belief) via mappings from more concrete and highly structured domains of experience (such as our bodily experience of vision, movement, eating, or manipulating objects)" (Johnson 1993: 10).

⁶ В том плане наш только что приведенный пример не является совершенно классическим, поскольку *три рубля* по своей «мировой» или «доменной» принадлежности должно считаться явно более прототипным объектом дарения, но, с другой стороны, *подарить сердце* также составляет сильно воцернившееся фразеологическое клише.

⁷ Например: "The proverbial trope is mostly paradigmatic, i. e. metaphorical. To be more exact, proverbial transfers seem to be not simply transfers "from the left to the right" or vice versa, but specifically directed and orientated. The proverb tends, very predominantly, to explain the more complicated through the more simple, the less known through the better known; it usually presents, for example, the mental through the physical, the ideal through the material, the social through the biological, the abstract through the concrete, etc. The oppositions 'non-human' ↔ 'human' and 'natural' ↔ 'cultural' seem to play leading role in these alterations or transcodings" (Krikmann 1974: 19).

⁸ *Именные метафоры* в переводе В. В. Туrowsкого (Arutiunova: 264).

⁹ *Предикатные метафоры* в переводе В. В. Туrowsкого (ibid.: 265).

¹⁰ Пара клишеиных терминов *генерическое / специфическое* (*generic / specific*) применяется у нас по чисто техническим причинам, поскольку ей соответствуют две конкурирующих пары русских терминов – *родовое / видовое* и *общее / частное ~ особое*.

¹¹ Действительное, традиционное значение (или круг значений) пословицы может оказаться намного более узким, чем можно было бы предположить по ее внешнему метафорическому облику при имманентной, бесконтекстной интерпретации. Классическим примером являются выражения о курении шерстью той собаки, которая укусила, традиционно связанные только с ситуациями похмелья.

¹² Ср. также мои варианты возможных (вполовину серьезных, вполовину иронических) гиперабстрактных интерпретаций пословицы *Пустой мешок не будет стоять прямо* (Krikmann 1978: 84–87):

- Если существует причина, ей последует и следствие.
- Если отсутствуют реальные возможности для совершения какого-то события, то это событие и не происходит в действительности.
- Если объект имеет какой-нибудь внутренний или сущностный признак, то его существование проявляется и в чем-то внешнем и видимом.
- Объект, у которого, в зависимости от его сущности или по каким-нибудь внешним и случайным обстоятельствам, отсутствует (или не является реальной) возможность перейти в качественно более высокое или более негэнтропическое состояние, не достигает этого и в действительности, пока существуют причины, отрицающие или минимизирующие эту возможность (если они не являются сущностными); и если даже он по каким-либо внешним или случайным обстоятельствам попал в это состояние, то не может пребывать в нем после прекращения влияния этих случайных факторов.
- Система, которая не содержит достаточно вещества и / или энергии и / или информации, не сможет подняться из существующего состояния в более негэнтропическое или упадет в более энтропическое, если прекратится приток соответствующего вещества и / или энергии и / или информации.

¹³ Например: "Mental spaces are small conceptual packets constructed as we think and talk, for purposes of local understanding and action. They are interconnected, and can be modified as thought and discourse unfold" (Fauconnier & Turner 1996: 113), или: "Mental spaces are very partial assemblies containing elements, and structured by frames and cognitive models. They are interconnected, and can be modified as thought and discourse unfold. Mental spaces can be used generally to model dynamical mappings in thought and language" (Fauconnier & Turner 1998b: 137).

¹⁴ Например: "Mental spaces are partial representational structures which speakers construct when talking about entities and relations of perceived, imagined, past, or future objects and events. Spaces are used to partition the information in a sentence into a series of simple cognitive models; and links between spaces capture the relationships which exist between elements and their counterparts in other spaces. Created to handle discourse which concerns people's beliefs, hopes, fears, desires, past, and future, mental spaces can be thought of as temporary containers for relevant information about a particular domain" (Coulson 1997: 23). Или: ментальное пространство – это "a partial and temporary representational structure which speakers construct when thinking or talking about a perceived, imagined, past, present, or future situation. Mental spaces <...> are not equivalent to domains, but, rather, they depend on them: spaces represent particular scenarios which are structured by given domains" (Grady, Oakley & Coulson 1999: 102).

¹⁵ Среди фразеологов как лингвистического, так и психологического крыла, видимо, долго бытовало общее мнение, что фразеологизмы ведут себя как «словарные единицы»: в отличие от т. н. свободных словосочетаний, их значения не разлагаются на лексические компоненты, а остаются немотивированными, клишевыми, «замороженными», "noncompositional", или выражаясь в терминах Пермякова, «знаками, но не моделями ситуаций». То же самое касательно пословиц заповедуется например в Срам 1994[1983]. С уживанием идей о массовых явлениях проекций в языке участились и отповеди и возражения. Гиббс в когнитивистской стадии своего развития, например, ссылается на опыты, якобы доказывающие, что по меньшей мере часть фразеологизмов на деле оказываются «разложимыми» (*decomposable*), мотивированными, часто основывающимися на конвенциональных метафорах (см. Gibbs 1994: *passim*, в частности 270–280, 284 и сл.; общий обзор дискуссии см. также в Keysar & Bly 1999: 1560–1562, а особенно пространно в Titone & Connine 1999). (Надо иметь в виду, что англоязычный узус применяет термин *idioms* к любым видам фразеологизмов и не имеет отдельного термина для идиом «в узком смысле» или т. н. фразеологических сращений.)

Хонек в своей Теории Расширенной Концептуальной Базы (*Extended Conceptual Base Theory*, или ЕСБТ) считает аспект «полевых» ментальных усилий (*mental effort*) при приеме и осмыслении пословичных высказываний очень решающим, и суммирует: "If proverbs often involve effortful processing, then it is clear that they should not be regarded as frozen, prepackaged entities whose meanings just sit in long-term memory waiting to be used on a moment's notice. There is much more to it than that because proverbs are multilayered and multifunctional" (Honeck 1997: 106). Он, правда, допускает, что эти усилия сильно зависят от известности пословиц: "... there is now good evidence that the familiarity of the proverb affects how quickly its figurative meaning can be accessed and constructed. <...> Only highly familiar proverbs seem to have anything resembling prepackaged meanings, and even these seem to undergo some quick editing and reconstruction. The proverb is remembered as a wholistic verbatim form, but its figurative meaning is not" (*ibid.*: 136). О влиянии общеизвестности / неизвестности фраз или других фигуративных единиц на скорость и полноту их понимания см. также в тематическом номере 12 журнала *Journal of Pragmatics* 1999 г., напр., Giora & Fein 1999; Titone & Connine 1999: 1658; Keysar & Bly 1999; Blasko 1999: 1678.

¹⁶ Выдвижение контекста (прежде всего, намерений говорящего) как определяющего фактора в смыслоприобретении – характерная черта прагматистского подхода к метафоре (Дейвидсон, Сэрл и др.; касательно пословиц см. также Rogers 1994[1986]). Значение конвенциональных метафор в качестве «грамматики метафоры», который составляет также когнитивный фундамент для понимания риторики художественного порядка, подчеркивалось особенно в трудах Марка Тэрнера (Turner 1987; 1991; Lakoff & Turner 1989 – *passim*).

¹⁷ Норрик и Хонек являются убежденными сторонниками последнего взгляда. Норрик, например, пишет: "...proverbs must be assigned literal readings before their figurative status can be assessed" (Norrick 1985: 83). Теория Хонека (ЕСБТ) рассматривает весь процесс понимания пословиц в парадигме решения задачи (*problem solving*). По нему (см. Honeck 1997: 129–130), также, понимание пословицы начинается с фазы построения т. н. модели буквального значения (*literal meaning model*), которой следуют

- фаза познания проблемы (*problem recognition phase*), т. е. противоречия между сказанным и контекстом (было сказано нечто, не относящееся к теме разговора либо не стоящее сказать);

- фаза буквальной трансформации (*literal transformation phase*), где прилагаются усилия к расширению и абстрагированию первоначального, буквального значения;
- фаза генерирования фигуративного значения (*figurative meaning phase*);
- фаза реализации или подтверждения (*instantiation phase*), в которой вырабатываются варианты применения фигуративного значения к конкретным ситуациям;
- фаза окончательной корректировки и уточнения примененного значения (*revised meaning phase*).

Всё как бы естественно и логично, но воспринимающий представляется абсолютным марсианином, лишенным каких-либо предварительных знаний о природе и употреблении пословиц, и его затраты «вычислительной энергии» невероятны.

Психологи пытались решить этот вопрос экспериментальным путем, но результаты современных опытов неоднозначны и иногда коррелированы с предварительной общетеоретической установкой исследователей на данный предмет. Часто измеряется время реакции, которое понадобится для свода заданных фигуративных выражений (например, пословиц) с предположительно «правильными» ситуациями их фигуративного либо нефигуративного употребления; подопытные должны эти ситуации избирать из списков, содержащих и некоторую долю шума (т. е. предположительно «неправильные» ситуации).

Хонек приводит опыт Джона Темпла (John Temple), в котором правильными ситуациями употребления пословицы *A mouse with one hole is quickly caught* считались, соответственно, "Jane saw a mouse run across the floor. So Jane decided to set a trap in front of the only hole she could see in the wall" и "Meg lived in the country and didn't have a car, so she had to ride to work with her neighbor Jim. Then Jim moved to the city". Реакция на ситуацию с Джейн оказалась быстрее, чем на ситуацию с Мег – по мнению Хонекса это доказало, что «стадия прямого понимания» не может быть обойдена (Honeck 1997: 40–41).

Гиббс и Бейтель же уверены, что смысл пословицы может быть пойман и прямо, без прохода предварительных ступеней понимания и отклонения ее прямого значения, хотя делают оговорку, по которой, признаться, не выясняется, каким образом все-таки прямые значения лексических составляющих пословицы участвуют или не участвуют в понимании ее содержания: "To say that proverbs can be understood without having to first analyze and then reject their literal meanings does not mean that people ignore the individual word meanings when processing these sayings. That is, people ordinarily use their understanding of context to guide their on-line interpretations of proverbs, so that an entire phrase does not have to be recognized as having a particular literal interpretation that then must be rejected" (Gibbs & Beitel 1995: 142). Приведенный ими пример сравнения скоростей реакции происходит от С. Кемпера (S. Kemper): "In this experiment, participants read short story contexts ending with proverbs. For example, a story about a man who swore at a police officer for stopping him after violating a traffic law ended with the expression *if you can't bite, don't show your teeth*. The same sentence was also seen by a different group of participants at the end of a story about an old dog. The participants' task was to read stories like these and decide as quickly as possible whether the final sentence fit the story meaning. Comprehending the proverb in strictly literal contexts took people longer than reading these proverbs at the end of figurative stories" (ibid.). При подобной постановке задачи такой выход кажется вполне предсказуемым: в эпизоде со старой собакой подопытным, очевидно, понадобилось дополнительное время, чтобы прийти в себя от шока недоумения и решиться, шутят ли над ними или же они должны принимать свою задачу всерьез.

Общий обзор установок и эмпирических результатов по этому поводу см. также в Titone & Connine 1999.

¹⁸ В полном соответствии с общим духом когнитивистской идеологии, Фоконье описывает, например, процесс «приручения» метафоры компьютерного вируса следующим образом: "We no longer feel ourselves to be talking about certain programs "as if" they were viruses; rather, our subjective and not very conscious impression is that we are now using the term *virus* to speak of such programs. This aspect of naming is often misunderstood and leads to needless controversy. In many accounts of meaning, the incorrect interpretation of the phenomenon is that the metaphor is now dead and that words such as *virus* have acquired new meanings. In fact, quite the opposite is the case. The analogical mapping is not only alive, it is now entrenched in the conceptual and grammatical

system. What the entrenchment does is make the mapping less noticeable at a conscious level; but at another level, it is more available than ever for reasoning, inference transfers, and conceptual elaborations. In a sense <...>, the conceptual network has been extended by the analogical mapping and the vocabulary finds itself simultaneously associated with mapped counterparts. This enables us to think directly of *computer viruses* without consciously activating the source biological domain, and yet to use the relevant conceptual properties of that domain, because they are now projected inherently onto the target and linked to the generic, more abstract, induction schema that motivated the analogy in the first place" (Fauconnier 1997: 21–22).

¹⁹ По данным Вольфганга Мидера (личная коммуникация) *coffin nail* на самом деле оканчивается выражением относительно позднего американского происхождения, означавшее первоначально сигарету, режу и сигару. Оно зафиксировано впервые в 1867 г. (*Random House Historical Dictionary of American Slang*. Ed. by J. E. Lighter. Vol. 1. New York, 1994, стр. 451) и бытовало в Америке достаточно долго в своем первоначальном узком смысле, хотя метонимизировалось также в 'чрезмерно ярого курильщика', и было, по-видимому, в большей степени известно в северных, чем в южных штатах (*Dictionary of American Regional English*. Chief Editor G. Cassidy. Vol. 1: Cambridge–London, 1985, стр. 716–717). Не позднее 1900 г. *Sargnagel* появляется и в немецком языке и означает здесь к настоящему времени, кроме сигареты или сигары, также нечто, требующее много работы и хлопот, человека, который осложняет жизнь других, надоедливую подготовку школьных заданий и т. п. (H. Küppér, *Illustriertes Lexikon der Deutschen Umgangssprache in 8 Bänden*. Bd. 7: Stuttgart, 1984, стр. 2411).

²⁰ Одну возможную попытку когнитивистической интерпретации баскской пословицы с подобной структурой, *Gaztaina zura, arbia lurra, nik ogia gura* (*The chestnut, the wood; the turnip, the soil; myself I want the bread*) см. в Garai 2000. Автор раздваивает ромбическую схему Фоконье и Тэрнера частично на два плана – «виртуальный» (т. н. *proverb context*) и «актуальный» (т. н. *speech communicative situation*); ячейки (пространства) цели и бленда имеют представленность в обоих планах.

²¹ Понятие *домена* в когнитивистике не менее многозначно, чем соседние понятия (*схема, ментальное пространство, категория* и др.). Shen 1999, например, выделяет два основных понимания домена в имеющейся литературе: 1) домен как *схема* с метонимически, смежно (каузально, тематически, пространственно) соотнесенными компонентами и 2) домен как *таксономическая категория*, члены которой соотнесены по метафорическому принципу, т. е. таксономического сходства, показывает сильные и слабые стороны обоих пониманий и предлагает свою собственную, гибридную модель, которая опирается на признаки связности (*connectivity*) и диагностичности. Clausner & Croft 1999 соотносят понятие домена прежде всего с *идеализированной когнитивной моделью* Лэйкоффа и базой (*base*) Лэнгакера, и исходят в общем и целом из концепции Лэнгакера, которая довольно далека от понимания домена в «когнитивистике метафоры»: так, выделяют такие домены, как SIMILARITY, SCALE, LOUDNESS, COLOR, CONTAINER, APPLE и др., и предлагают понимать имидж-схемы как "a subtype of domain, which we call *image schema domain*" (см. *ibid.*: 4 и 16).

У нас, как читатель уже заметил, домены понимаются в основном как ступени Большой Цепи Бытия.

²² См., например, определение метонимии у Антонио Барцелоны: "Metonymy is a conceptual projection whereby one experiential domain (the target) is partially understood in terms of another experiential domain (the source) included in the same common experiential domain" (Barcelona 2000a: 4), немного ниже еще в виде несколько отличной парафразы: "Metonymy is the conceptual mapping of a cognitive domain onto another domain, both domains being included in the same domain or ICM [= *idealized cognitive model*. – A. K.], so that the source provides mental access to the target" (Barcelona 2000b: 32–33). Интересно отметить, что Лэйкофф и Джонсон говорят о различии метафоры и метонимии в куда более осторожных терминах *thing* и *entity*: "Metaphor is principally a way of conceiving of one thing in terms of another, and its primary function is understanding. Metonymy, on the other hand, has primarily a referential function, that is, it allows us to use one entity to *stand for* another" (Lakoff & Johnson 1980: 36). Первое употребление термина *проекция* (*mapping*) применительно к метонимии я нашел, по ссылке Барцелоны, в Lakoff & Turner 1989: 103.

²³ Якобсон, как известно, применяет для различения метафоры и метонимии две пары критериев: 1) традиционную 'сходство / смежность' (*similarity / contiguity*) и 2) 'семантическое / позиционное' (*semantic / positional*). От компонентов метафоры требуется сходство как в семантическом, так и позиционном (синтаксическом) плане, а от компонентов метонимии — смежность в семантическом плане, но все же сходство (т. е. взаимозаменяемость) в позиционном плане. Другими словами, подход Якобсона сориентирован на различение парадигматических и синтагматических отношений, и в этом плане метафора оказывается гармоничной, «обоюдно парадигматической» операцией, метонимия же противоречивой — синтагматической по натуре вовлеченных в нее конститuentов, но парадигматической по их внешней грамматической «отделке». Поэтому метонимия крайне стеснена в своих проявлениях и вынуждена зачастую прибегать к субстантивации и другим трюкам «синтаксического обмана» (ср. также Krikmann 1992).

Критерии различения метафоры и метонимии Курта Файэртса — функция / природа концептуального отношения — и схема, изображающая их реализацию (см. Feysaerts 2000: 65), примечательно напоминают якобсонский подход, но это сходство может быть случайным. В работах европейских авторов взгляды Якобсона вообще рассматриваются гораздо чаще (см. особенно, напр., Koch 1999).

²⁴ С исключением, опять, "More than Cool Reason" и говорящих животных как примерно образца концептуального бленда в Turner 1996, когнитивистические теоретики почти не интересовались метафорами, в которых в роли источника выступают нечеловеческие классы существ — животные, растения, вещи. Мир первоисточников метафор сводится главным образом к имидж-схемам, связывающим когнитивный аппарат человека с разными **дименсиональными** категориями бытия, как материя, сила, физическая причинность, пространство, которые пронизывают исключительно все уровни Большой Цепи и не представлены в ней в виде отдельных уровней бытия. Это тем более обостряет данную проблему.

²⁵ Это, с тем самым, один из пунктов, где особо остро поднимаются вопросы

а) о парциальном характере метафорических проекций — как в смысле конкретной, единичной реализации метафоры, так и в смысле мест прохождения основных «трасс» концептуальных метафор;

б) о том, какую работу все-таки метафоры проделывают — улавливают ли некие «действительно имеющиеся» сходства между составляющими двух доменов, или же структурируют целевые домены «с самого начала» и полностью в концептуальных категориях источниковых доменов.

Если они действительно структурируют одни домены в категориях других, но не опираются при этом на сходства соответствующих объектов, то возникает оправданный вопрос: по каким критериям все же из огромного множества возможных соединений выбираются «пары», подходящие для метафорических проекций, а остальные комбинации игнорируются? Гипотеза (позже: Принцип) Инвариантности (напр., в Lakoff 1990; 1993) была, видимо, своего рода попыткой примирения или совмещения тех полярных соображений (см. об этом также Brugman 1990; Onikki 1992; Nikanne 1992).

²⁶ Признаться, я был крайне удивлен, когда узнал, что аксиологическая модальность не нашла себе места в списке «классических» лингвистических модальностей — может быть, потому, что сама номенклатура этих модальностей была первоначально задумана для классификации и анализа модальных глаголов, а в языках европейского стандарта на самом деле нет «глаголов оценки», хотя есть «глаголы потенции», «глаголы обязанности», «глаголы возможности». В качестве забавной аналогии можно привести обстоятельство, что в них нет также «оценочного наклонения», хотя есть изъявительное и повелительное. Таким образом оценочная модальность имеет специфически внутренний, прикрытый, опосредующий, можно сказать, «чисто когнитивный» характер.

²⁷ Термин *сигнализирующих пословиц*, т. е. пословиц с неопределенным прескриптивным выходом, принадлежит Матти Кууси (Kuusi et al. 1985: 38); некоторые эстонские примеры см. в Krikmann 1998b: 88–91, где я пользуюсь тем же термином.

²⁸ Чтобы не оказаться неточным, я пользуюсь в злешнем кратком реферате «концепции Селфа» Джорджа Лэйкоффа в Lakoff 1996b и Lakoff & Johnson 1999: 267–289 клишевыми

терминами *Субъект (Subject)* и *Селф (Self)*, а не русскими словами «Я» и «Сам» или иными мыслимыми.

Лэйкофф утверждает: для концептуализации нашей внутренней жизни не существует одного единого, согласованного способа. Это делается с помощью разных метафор, доменами-источниками которых бывают физическое пространство, владение (*possession*), сила и социальные отношения. Внутренний мир человека разделяется на Субъекта и множество разных Селфов. Субъект есть местоположение нашего сознания, субъективного опыта, разума, воли, сущности. Все остальное – Селф: наши тела, социальные роли, наше прошлое и т. д. В метафорах внутренней жизни Субъект занимает роль цели, а Селф – источника. Субъект показывается личностью, Селф может быть представлен как личность, объект или местонахождение (*location*). Общая Субъект-Селф-метафора может конкретизироваться как:

- 1) манипуляция объектов (например, оперирование своим телом и контроль над ним, или мы можем потерять и затем вновь найти себя как «вещь»);
- 2) локализация в пространстве (я могу показаться себе *beside myself*, выйти из себя и вернуться в себя, смотреть себя со стороны, витать на облаках и опуститься опять на землю);
- 3) социальные отношения (Субъект и Селф понимаются, например, как исполнители ролей родителя и ребенка, друзей или противников, опекуна и подопечного, господина и слуги);
- 4) проекция себя на другого человека (в основном в разных поворотах типа «если бы я был тобой...» с совещательной или эмфатической, сочувствующей функцией);
- 5) метафора Сущностного Селфа (*Essential Self*).

Последний аспект в структуре Селфа представляет особый интерес, поскольку затрагивает наиболее серьезные стороны разрозненности личности.

В индивиде есть Сущность, которая делает его уникальным. Молчаливо, она понимается как часть Субъекта, т. е. локус нашей мысли, воли, рассудительности. Но часто наша Сущность идет вразрез с тем, что мы фактически делаем. Для концептуализации подобных ситуаций пользуются метафорой Сущностного Селфа. По этой метафоре в нас, наряду с Субъектом, имеются два Селфа, один из которых согласуется с Субъектом (и трактуется как «правильный» или «настоящий» Селф), а другой находится в противоречии с Субъектом (и трактуется либо как персона, либо контейнер внутри настоящего Селфа). Метафора Сущностного Селфа реализуется в трех разновидностях:

- 1) Внутренний Селф: вежливость, боязнь обидеть кого-то, публичная ситуация вообще часто заставляют нас быть не совсем искренними; этот вежливый Селф образует тогда Внешний Селф, а внутри него находится другой, стыдливый Внутренний Селф (который стыдлив потому, что либо хрупок, либо страшен).
- 2) Внешний Настоящий Селф: в данном варианте Внешний и Настоящий Селф в согласии между собой и с Субъектом и образуют вместе всесторонне приятный Селф, но внутри (чего?) таится ужасный другой Селф и может выбраться, когда контроль потерян (например, когда ты пьян, раздражен или подавлен).
- 3) Настоящий Селф: ты прожил всю свою донынешнюю жизнь во лжи, против своей совести и сущности, да и не умеешь иначе, но внутри тебя метается что-то, ты хочешь измениться и найти свой Настоящий Селф; это может удасться или не удасться.

Лэйкофф дает понять, что его теория Селфа может оказаться универсальной, чисто когнитивной перспективой, не зависящей от строения некоего конкретного языка, и приводит множество параллельных примеров из японского языка.

СОКРАЩЕНИЯ СБОРНИКОВ СТАТЕЙ

- Arutiunova = *Теория метафоры*. Вступительная статья и составление Н. Д. Арутюновой. Москва: Прогресс, 1990
- Barcelona = *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Ed. By Antonio Barcelona. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2000
- Chicago = *Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: University of Chicago, 1969
- Fauconnier & Sweetser = *Spaces, Worlds, and Grammar*. Ed. by Gilles Fauconnier and Eve Sweetser. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1996
- Gellerstam = *Studies in Computer-Aided Lexicology*. Editorial coordination: Martin Gellerstam. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1988
- Gibbs & Steen = *Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, July 1997*. Ed. by Raymond W. Gibbs, Gerard J. Steen. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1999
- Goldberg = *Conceptual structure, discourse and language*. Ed. by Adele E. Goldberg. Stanford, California: CSLI Publications, 1996
- Goossens et al. = *By word of mouth: Metaphor, metonymy and linguistic action in a cognitive perspective*. L. Goossens, P. Pauwels, B. Rudzka-Ostyn, A.-M. Simon-Vandenberghe & J. Vanparys. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1995
- Grzybek = *Semiotische Studien zum Sprichwort: Simple Forms Reconsidered I*. Herausgegeben von Peter Grzybek unter Mitarbeit von Wolfgang Eismann. [Special issue of: *Kodikas / Code-Ars Semeiotica. An International Journal of Semiotics*, 7–3/4], 1984
- Grigorjev = *Лингвистика и поэтика*. Ответственный редактор В. П. Григорьев. Москва: Наука, 1979
- Harvilahti et al. = *Metafora: Ikkuna kieleen, mieleen ja kulttuuriin*. Toim. Lauri Harvilahti, Jyrki Kalliokoski, Urpo Nikanne, Tiina Onikki. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992
- Holland & Quinn = *Cultural Models in Language and Thought*. Ed. by Dorothy Holland, Naomi Quinn. Cambridge: Cambridge University Press, 1987
- Jakobson & Halle = R. Jakobson & M. Halle. *Fundamentals of Language* (2nd edition). Hague–Paris: Mouton, 1956
- Katz et al. = *Figurative Language and Thought*. Albert N. Katz, Cristina Cacciari, Raymond W. Gibbs Jr., Mark Turner. Oxford–New York: Oxford University Press, 1998
- Koenig = *Discourse and Cognition: Bridging the Gap*. Ed. by Jean-Pierre Koenig. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information, 1998
- Meletinskij & Nekliudov = *Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Пронна*. Составители Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. Москва: Наука, 1975
- Mieder = *Wise Words: Essays on the Proverb*. Ed. by Wolfgang Mieder. New York–London, 1994
- Ortony 1 = *Metaphor and Thought*. Ed. by Andrew Ortony. Cambridge–London–New York–Melbourne: Cambridge University Press, 1979
- Ortony 2 = *Metaphor and Thought*. Ed. by Andrew Ortony. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1993
- Panther & Radden = *Metonymy in Language and Thought*. Ed. by Klaus-Uwe Panther & Günther Radden. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1999
- Permiakov 1 = *Паремиологический сборник: Пословица, загадка (структура, смысл, текст)*. Составление, редакция и предисловие Г. Л. Пермякова. Москва: Наука, 1978
- Permiakov 2 = *Паремиологические исследования: Сборник статей*. Составление и редакция Г. Л. Пермякова. Москва: Наука, 1984

- Abelin, Å. 1988. Patterns of Synaesthesia in the Swedish vocabulary. In: Gellerstam, 17–34
- Allik, J. 1981. Metafoorist psühholoogi pilguga. *Looming* 1: 102–113
- Arutiunova, N. D. 1979. Языковая метафора (Синтаксис и лексика). In: Grigorjev, 147–173
- Barcelona, A. 2000a. Introduction: The cognitive theory of metaphor and metonymy. In: Barcelona, 1–28
- Barcelona, A. 2000b. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor. In: Barcelona, 31–58
- Barley, N. 1972. A Structural Approach to the Proverb and Maxim with Special Reference to the Anglo-Saxon Corpus. *Proverbium* 20: 737–750
- Bickerton, D. 1969. Prolegomena to a Linguistic Theory of Metaphor. *Foundations of Language* 5: 34–52
- Black, M. 1990[1962]. Метафора. In: Arutiunova, 153–172
- Blasko, D. G. 1999. Only the tip of the iceberg: Who understands what about metaphor? *Journal of Pragmatics* 31–12: 1675–1683
- Brugman, C. 1990. What is the Invariance Hypothesis? *Cognitive Linguistics* 1–2: 257–266
- Cacciari, C. 1998. Why Do We Speak Metaphorically? Reflections on the Functions of Metaphor in Discourse and Reasoning. In: Katz et al., 119–157
- Clausner, T. C. & Croft, W. 1999. Domains and image schemas. *Cognitive Linguistics* 10–1: 1–31
- Coulson, S. 1997. Semantic leaps: The role of frame-shifting and conceptual blending in meaning construction. Unpublished P.H. dissertation. University of California, San Diego. = http://hci.ucsd.edu/cogsci/grad_pubs/coulson_thesis.pdf
- Coulson, S. & Matlock, T. s.d. Metaphor and the Space Structuring Model. = <http://cogsci.ucsd.edu/~coulson/ssm.htm>
- Coulson, S. & Oakley, T. 2000. Blending basics. *Cognitive Linguistics* 11–3/4: 175–196
- Cram, D. 1994[1983]. The Linguistic Status of the Proverb. In: Mieder, 73–97
- Day, S. 1996. Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors. *Psyche: An interdisciplinary journal of research on consciousness* 2(32). = <http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html>
- Dirven, R. 1999. Conversion as a Conceptual Metonymy of Event Schemata. In: Panther & Radden, 275–287
- Dundes, A. 1975. On the Structure of the Proverb. *Proverbium* 25: 961–973
- Fass, D. 1997. *Processing Metonymy and Metaphor*. Greenwich, Connecticut–London, England: Ablex Publishing Corporation
- Fauconnier, G. 1994[1985]. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press
- Fauconnier, G. 1996. Analogical Counterfactuals. In: Fauconnier & Sweetser, 57–90
- Fauconnier, G. 1997. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge University Press
- Fauconnier, G. & Turner, M. 1994. *Conceptual Projection and Middle Spaces*. Department of Cognitive Science Technical Report 9401. San Diego: University of California, San Diego = http://hci.ucsd.edu/cogsci/tech_reports/faculty_pubs/9401.pdf
- Fauconnier, G. & Turner, M. 1996. Blending as a Central Process of Grammar. In: Goldberg, 113–129
- Fauconnier, G. & Turner, M. 1998a. Principles of Conceptual Integration. In: Koenig, 269–283
- Fauconnier, G. & Turner, M. 1998b. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science* 22–2: 133–187
- Fauconnier, G. & Turner, M. 2000. Compression and global insight. *Cognitive Linguistics* 11–3/4: 283–304
- Feyaerts, K. 2000. Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies. In: Barcelona, 59–78
- Garai, K. J. 2000. A Cognitive Approach to Some Basque Proverbs of the 16th and 19th centuries. = <http://ibs.lgu.ac.uk/sympo/KOLDO.PDF>
- Gibbs, R. W. 1994. *The Poetics of Mind: Figurative thought, language, and understanding*. Cambridge: Cambridge University Press

- Gibbs, R. W. 1999. Speaking and Thinking with Metonymy. In: Panther & Radden, 62–76
- Gibbs, R. W. 2000. Making good psychology out of blending theory. *Cognitive Linguistics* 11–3/4: 347–358
- Gibbs, R. W. & Beitel, D. 1995. What Proverb Understanding Reveals About How People Think. *Psychological Bulletin* 118–1: 133–154
- Giora, R. & Fein, O. 1999. On understanding familiar and less-familiar figurative language. *Journal of Pragmatics* 31–12: 1601–1618
- Grady, J. E. 1997. THEORIES ARE BUILDINGS revisited. *Cognitive Linguistics* 8–4: 267–290
- Grady, J. E. 2000. Cognitive mechanisms of conceptual integration. *Cognitive Linguistics* 11–3/4: 335–345
- Grady, J. E., Oakley, T. & Coulson, S. 1999. Blending and metaphor. In: Gibbs & Steen, 101–124
- Grady, J. E., Taub, S. & Morgan, P. 1996. Primitive and Compound Metaphors. In: Goldberg, 177–187
- Grzybek, P. 1994 [1985]. Foundations of Semiotic Proverb Study. In: Mieder, 31–71
- Guthrie, S. E. 1993. *Faces in the Clouds: A New Theory of Religion*. Oxford–New York: Oxford University Press
- Hasan-Rokem, G. 1982. *Proverbs in Israel folk narratives: A structural semantic analysis*. FFC 232. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia
- Haser, V. 2000. *Metaphor in semantic change*. In: Barcelona, 171–194
- Honeck, R. P. 1997. *A Proverb in Mind: The Cognitive Science of Proverbial Wit and Wisdom*. Mahwah, N.J.–London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers
- Indurkha, B. 1992. *Metaphor and Cognition: An Interactionist Approach*. Dordrecht–Boston–London: Kluwer Academic Publishers
- Ivanov, V. V. 1978. *Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем*. Москва: Советское радио
- Jakobson, R. 1956. The metaphoric and metonymic poles. In: Jakobson & Halle, 76–82
- Johnson, M. 1987. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason*. Chicago–London: The University of Chicago Press
- Johnson, M. 1993. *Moral Imagination: Implications of Cognitive Science in Ethics*. Chicago–London: The University of Chicago Press
- Kanyó, Z. 1981. *Sprichwörter- Analyse einer einfachen Form: Ein Beitrag zur generativen Poetik*. Budapest: Akadémiai Kiadó–Mouton Publishers
- Kauppinen, A. 1992. Kaksvuotias analogioiden maailmassa. In: Harvilahti et al., 187–216
- Keysar, B. & Bly, B. M. 1999. Swimming against the current: Do idioms reflect conceptual structure? *Journal of Pragmatics* 31–12: 1559–1578
- Kirshenblatt-Gimblett, B. 1973. Toward a Theory of Proverb Meaning. *Proverbium* 22: 821–827
- Koch, P. 1999. Frame and Contiguity: On the Cognitive Bases of Metonymy and Certain Types of Word Formation. In: Panther & Radden, 139–167
- Krikmann, A. 1974a. *On Denotative Indefiniteness of Proverbs: Remarks on proverb semantics* 1. Tallinn: KKI
- Krikmann, A. 1974b. *Some Additional Aspects of Semantic Indefiniteness of Proverbs: Remarks on proverb semantics* 2. Tallinn: KKI
- Krikmann, A. 1978. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы. In: Permiakov 1, 82–104
- Krikmann, A. 1984a. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы. In: Permiakov 2, 149–178
- Krikmann, A. 1984b. 1001 Frage zur logischen Struktur der Sprichwörter. In: Grzybek, 387–408
- Krikmann, A. 1992. Muutama sana metonymiasta. In: Harvilahti et al., 79–90
- Krikmann, A. 1994. The Great Chain Metaphor: An Open Sesam for Proverb Semantics? *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship* 11: 117–124
- Krikmann, A. 1998a. On the Relationships of the Rhetorical, Modal, Logical, and Syntactic Planes in Estonian Proverbs: Part 1. *Folklore: Electronic Journal of Folklore* (Printed version) 6: 99–127 = <http://haldjas.folklore.ee/folklore/vol6/synt.htm>

- Krikmann, A. 1998b. On the Relationships of the Rhetorical, Modal, Logical, and Syntactic Planes in Estonian Proverbs: Part 3. *Folklore: Electronic Journal of Folklore* (Printed version) 9: 71–96 = <http://haldjas.folklore.ee/folklore/vol9/syntmod3.htm>
- Kuusi, M. et al. 1985. *Proverbia septentrionalia: 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels*. By Matti Kuusi in cooperation with Marje Joalaid, Arvo Krikmann, Pentti Leino, Elsa Kokare, Kari Laukkanen, Vaina Mälk, Ingrid Sarv. FFC 236. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia
- Kuusi, M. & Lauhakangas, O. 2001. *The M6 international type system of proverbs*. Helsinki: SKS = <http://lauhakan.home.cern.ch/lauhakan/int/cepint.html>
- Kövecses, Z. 1995. American friendship and the scope of metaphor. *Cognitive Linguistics* 6–4: 315–346
- Kövecses, Z. 2000. The scope of metaphor. In: Barcelona, 79–92
- Kövecses, Z. & Radden, G. 1998. Metonymy: Developing a cognitive linguistic view. *Cognitive Linguistics* 9–1: 37–77
- Lakoff, G. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago–London: The University of Chicago
- Lakoff, G. 1990. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics* 1–1: 39–75
- Lakoff, G. 1993. The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony 2, 202–251
- Lakoff, G. 1996a. The Metaphor System for Morality. In: Goldberg, 249–266
- Lakoff, G. 1996b. Sorry, I'm Not Myself Today: The Metaphor System for Conceptualizing the Self. In: Fauconnier & Sweetser, 91–123
- Lakoff, G. & Brockman, J. 1999. "PHILOSOPHY IN THE FLESH": A Talk with George Lakoff. Introduction by John Brockman. *EDGE* 51–March 9, 1999. = <http://www.edge.org/documents/archive/edge51.html>
- Lakoff, G. & Johnson, M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago–London: The University of Chicago
- Lakoff, G. & Johnson, M. 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books
- Lakoff, G. & Kövecses, Z. 1987. The cognitive model of anger inherent in American English. In: Holland & Quinn, 195–221
- Lakoff, G. & Turner, M. 1989. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago–London: The University of Chicago Press
- Langacker, R. 1993. Reference-point constructions. *Cognitive Linguistics* 4–1: 1–38
- Lauhakangas, O. 2001. *The Matti Kuusi international type system of proverbs*. FFC 275. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia
- Lovejoy, A. O. 1936. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge, Mass.–London, England: Harvard University Press
- Mac Cormac, E. R. 1985. *A Cognitive theory of Metaphor*. Cambridge, Mass.–London, England: The MIT Press
- Marick, B. 2000. Surgeon is Butcher. = <http://wiki.cs.uiuc.edu/Visualworkings/VERSION/5/Surgeon+Is+Butcher>
- Miller, G. A. 1979. Images and Models, Similes and Metaphors. In: Ortony 1, 202–250
- Milner, G. B. 1969a. Quadripartite Structures. *Proverbium* 14: 379–383
- Milner, G. B. 1969b. What is a Proverb? *New Society* No. 332 (6 February): 199–202
- Nerlich, B. & Clarke, D. D. 1999. Elements for an Integral Theory of Semantic Change and Semantic Development. = http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/heusinger/publications/ftp/ap106_09.pdf
- Nikanne, U. 1992. Metaforien mukana. In: Harvilahti et al., 60–78
- Ning Yu 1992. A Possible Semantic Law in Synesthetic Transfer: Evidence from Chinese. *The SECOL Review* 16: 20–40
- Norrick, N. 1985. *How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs*. Berlin–New York–Amsterdam: Mouton Publishers

- Oakley, T. 1998. Conceptual blending, narrative discourse, and rhetoric. *Cognitive Linguistics* 9-4: 321-360
- Oakley, T. s.d. Creativity as Projection: Conceptual Integration Networks and Idioms. = <http://www.compapp.dcu.ie/~tonyv/MIND/todd.html>
- Onikki, T. 1992. Paljon pystyssä. In: Harvilahti et al., 33-59
- Ortony, A. 1979a. Metaphor: A Multidimensional Problem. In: Ortony 1, 1-16
- Ortony, A. 1979b. The Role of Similarity in Similes and Metaphors. In: Ortony 1, 186-201
- Paczolay, G. 1997. *European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*. Veszprém: Nyomda RT
- Panther, K.-U. & Thornburg, L. 1999. The Potentiality for Actuality Metonymy in English and Hungarian. In: Panther & Radden, 333-357
- Panther, K.-U. & Thornburg, L. 2000. The EFFECT FOR CAUSE metonymy in English grammar. In: Barcelona, 215-231
- Permiakov, G. L. 1968. *Избранные пословицы и поговорки народов Востока*. Москва: Наука
- Permiakov, G. L. 1970. *От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише*. Москва: Наука
- Permiakov, G. L. 1975. К вопросу о структуре паремиологического фонда. In: Meletinskij & Nekliudov, 247-274
- Radden, G. & Kövecses, Z. 1999. Towards a Theory of Metonymy. In: Panther & Radden, 17-59
- Reddy, M. J. 1969. A Semantic Approach to Metaphor. In: Chicago, 240-251
- Reddy, M. J. 1979. The Conduit Metaphor - A Case of Frame Conflict in Our Language about Language. In: Ortony 1, 284-324
- Rogers, T. B. 1994[1986]. Psychological Approaches to Proverbs: A Treatise on the Import of Context. In: Mieder, 159-181
- Rudzka-Ostyn, B. 1995. Metaphor, schema, invariance: The case of verbs of answering. In: Goossens et al., 205-243
- Ruiz de Mendoza, F. J. 1998. On the nature of blending as a cognitive phenomenon. *Journal of Pragmatics* 30: 259-274
- Seto, K. 1999. Distinguishing Metonymy from Synecdoche. In: Panther & Radden, 91-120
- Shen, Y. 1997. Cognitive constraints on poetic figures. *Cognitive Linguistics* 8-1: 33-71
- Shen, Y. 1999. Principles of metaphor interpretation and the notion of 'domain': A proposal for a hybrid model. *Journal of Pragmatics* 31-12: 1631-1653
- Sweetser, E. 1990. *From etymology to pragmatics: The mind-body metaphor in semantic structure and semantic change*. Cambridge: Cambridge University Press
- Taub, S. 1996. How Productive are Metaphors? A Close Look at the Participation of a Few Verbs in STATES ARE LOCATIONS Metaphor (and Others). In: Goldberg, 449-462
- Taylor, A. 1931. *The Proverb*. Cambridge, Mass: Harvard University Press
- Titone, D. A. & Connine, C. M. 1999. On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions. *Journal of Pragmatics* 31-12: 1655-1674
- Turner, M. 1987. *Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism*. Chicago: The University of Chicago Press. = <http://www.wam.umd.edu/~mtum/WWW/DMB.WWW/dmbfront.html>
- Turner, M. 1991. *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science*. Princeton, N.J.: Princeton University Press
- Turner, M. 1996. *The Literary Mind: The Origins of Thought and Language*. Oxford-New York: Oxford University Press
- Turner, M. 1998. Figure. In: Katz et al., 44-87
- Turner, M. & Fauconnier, G. 1995. Conceptual Integration and Formal Expression. *Metaphor and Symbolic Activity* 10-3: 183-204
- Turner, M. & Fauconnier, G. 1998. Conceptual Integration in Counterfactuals. In: Koenig, 285-296
- Turner, M. & Fauconnier, G. 2000. Metaphor, metonymy, and binding. In: Barcelona, 133-145
- Ullmann, S. 1959. *The Principles of Semantics*. Glasgow: Jackson, Son & Co

- Ungerer, F. 2000. Muted metaphors and the activation of metonymies in advertising. In: Barcelona 2000: 321–340
- Veale, T. 1995a. Creativity as Pastiche: A Computational Treatment of Metaphoric Blends with Special Regard to Cinematic “Borrowing”. = <http://www.compapp.dcu.ie/~tonyv/MIND/tony.html>
- Veale, T. 1995b. *Metaphor, Memory and Meaning: Symbolic and Connectionist Issues in Metaphor Comprehension*. A PhD thesis. = <http://www.compapp.dcu.ie/~tonyv/thesis.html>
- Veale, T. 1998. Pragmatic Forces in Metaphor Appreciation: The Mechanics of Blend Recruitment in Visual Metaphor. = <http://www.compapp.dcu.ie/~tonyv/Pragmatic/pragmatic.html>
- Veale, T. & Keane, M. 1994a. Belief Modelling, Intentionality and Perlocution in Metaphor Comprehension. Рукопись
- Veale, T. & Keane, M. 1994b. Metaphor and Memory: Symbolic and Connectionist Issues in Metaphor Comprehension. Рукопись
- Veale, T. & Keane, M. 1996. Epistemological Pitfalls in Metaphor Comprehension: A Comparison of Three Models and a New Theory of Metaphor. Рукопись
- Williams, J. M. 1976. Synesthetic adjectives: A possible law of semantics. *Language* 52: 461–478

THE CONTRIBUTION OF CONTEMPORARY THEORY OF METAPHOR TO PAREMIOLOGY

ARVO KRIKMANN

Summary

1. The Great Unidirectional Mainstream

The cognitive research paradigm is predominating in many areas of contemporary social sciences and humanities, including psychology, linguistics, anthropology, etc.

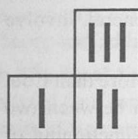
One of the most influential branches of cognitive linguistics took its origin from the novel rethinking of metaphor and other forms of figurative speech. Its leading representatives in the United States are linguists George Lakoff, Gilles Fauconnier and Eve Sweetser, philosopher Mark Johnson, literary theorist Mark Turner, psychologist Raymond W. Gibbs Jr., and in Europe Louis Goossens, Zoltan Kövecses, Günther Radden, Ruiz de Mendoza Ibáñez, Brigitte Nerlich, and others. Aside from the root branch stand, e.g., the cognitive theory of metaphor by Earl Mac Cormac and the cognitive proverb model ECBT-2 by Richard Honeck, both very critically minded towards theoretical prolegomena of Lakoff, Johnson and Turner. A separate direction in modern research on metaphor is represented by authors like Bipin Indurkha, Tony Veale, Dan Fass, John A. Barnden who endeavour to work out more exact methods for handling metaphor, computer analysis of figurative speech, etc.

The “lakoffian” theory of metaphor involves in short the following principal postulates. Metaphor is neither just a poetic trope nor a “language error” (i.e., violation of so-called selection restrictions or rules of distribution). It is a natural and essential part of human language and thinking, one of the forms of human creativity, deeply entrenched in our ordinary speech and communication. Metaphor is not just an individual relationship of two single words or concepts, substituting “literal” meanings of words for “figurative” ones and vice versa, but a thoroughly systematic way of relating different domains of experience, or conceptual domains via certain internally structured conceptual sets, called *scripts, frames, schemas, idealized cognitive models, mental spaces*.

Especially impressive discoveries of “metaphor-centered” cognitive studies are those concerning the directionality of metaphoric (and also many other kinds of) projections, or mappings, between conceptual domains. All the development of language is perceived as a huge unidirectional mainstream. *Mind and Body* (~ *Flesh*) are the axes determining its principal direction, i.e., from

Body to Mind. It seems natural and easy to model and term the abstract through the concrete, but not vice versa; the ideal via the material, but not vice versa; the mental through the physical, but not vice versa; briefly, to think and talk about more complicated and / or fuzzy matters through simpler, more "clearly delineated", more "tangible" ones, but not vice versa. This asymmetry is proved, e.g., by Yeshayahu Shen's observations on poetic and synesthetic metaphors, similes, oxymora, zeugmas and other topics. Kövecses and Radden also detect analogous asymmetry in choice and arrangement of the components of metonyms. Verena Haser presents impressive synchronic examples of metaphoric and metonymic polysemy from a great number of languages and shows convincingly the systematic reiteration of certain shifts, sometimes even multilinked chains or bundles. Examination of the diachronic semantic change by Eve Sweetser demonstrates the same directionality for several types of words: e.g., so-called perception verbs tend to reveal regular metaphorization, thus obtaining meanings of mental (intellectual, emotional) events and relations; the more "physical" (root, personal) senses of modal verbs appear to belong to earlier stages of language development, and the more "abstract" (deontic, epistemic) ones to the later stages; conditionals that initially denoted physical causality obtain in the course of time more abstract and "logical" meanings, and so on. Grammaticalization is evidently a much more intensive process in languages than lexicalization. Quite soon the interests of cognitive linguists exceeded the limits of the purely verbal and conceptual world and reached the area of "prepropositional", physical, bodily original sources of metaphors. Lakoff, Johnson and Talmy have provided extensive analyses of image schemas connected with space and force. Johnson and Lakoff have pointed to a thoroughly metaphorical structure of natural, common-sense morality. Additional proof of this unidirectionality is The Great Chain of Being.

2. The Great Chain of Being

The Great Chain of Being (GCB) is a hierarchical folk model that moulded and governed the human world view during classical antiquity, Middle Ages, Renaissance, and even later. Lakoff and Turner in their book "More than Cool Reason" (1989) use the GCB also as means of explaining the use and understanding of metaphors in proverbs. The so-called Great Chain Metaphor and its components are characterized in the article in more detail.

On the grounds of my earlier work on proverbs, the GCB, and G. A. Miller's general classification of metaphors (nominal / predicative / sentential), the attempt is made here to delineate four main rules for decoding and understanding proverbial metaphors. The model of the GCB (see also Fig. 2) provides us a pair of cross axes dividing all forms of Being vertically into non-human (I) and human (II+III); whereas the human area, in turn, is divided into "low-human", i.e. physical and / or biological (II), and "high-human", or mental, social and abstract (III). In horizontal plane one can then speak about dividing all Being into "elementary" (I+II) and "high" (III); thus the area (II) constitutes the intersection of the "human" and the "elementary". In proverbs, as elsewhere, (III) is the prototypical target domain, whereas (II) and (I) are the prototypical source domains. In the following, these rules are outlined.

A. If the proverb allows meaningful literal reading, rules 1, 2 or 3 can be applied.

Rule 1: if the literal reading belongs entirely to the "high-human" domain (III), any figurative reinterpretation is neither necessary nor possible: *There is a place for everything and everything in its place; All is well that ends well.*

Rule 2: if the literal reading belongs entirely to the "non-human" domain (I), the proverb constitutes a sentential metaphor that must be understood as a saying about something human, preferably "high-human": *Barking dogs do not bite; Rolling stones gather no moss.*

Rule 3: if the literal reading belongs entirely to the "low-human" domain (II), or involves, partially, also areas (III) and / or (I), the necessary part of non-human meanings must be transferred to human, and / or "low-human" meanings to "high-human" ones: *He who digs a pit for another, falls himself into it; He who lies down with dogs, will rise with fleas.*

B. If the literal reading of the proverb is contradictory, inconsistent, nonsensical, or reveals some other semantic defect, then the rules 4a and 4b must be applied.

Rule 4a: source-target relationships in predicative components are directionally free; mappings can proceed, e.g., from zoological to human world (*You cannot fly with one wing*), from physical to non-physical (*A lie has short legs*), but via personifications also from human to animal domain (*A dog is man's best friend*), from human to meteorological domain (*Snow is the poor man's fertilizer*), from the concrete to the abstract (*Caution is the mother of wisdom*), and so on.

Rule 4b: nomination is still only unidirectional: the proverb can imply human being and figuratively call him / her an animal, plant, thing, or even a human being, but if one wants to convey proverbial information about some real non-human object (an animal, plant, thing, food, disease, building, etc.), this object can be denoted only by its "true", non-figurative name: *A green winter, a full graveyard; Wet and warm for oats and corn, cool and dry for wheat and rye; A sow does sooner than a cow bring an ox to the blow; The house without children is a cemetery; Fire is a good servant, but a bad master.*

The nature of the GCB and the four rules above imply directly two corollaries: 1. Sentential-metaphoric personifications in proverbs should be very exceptional. 2. Metaphorical projections between different non-human domains should be very exceptional.

3. The Problem of the Generic

The model of Lakoff and Turner, called *The Great Chain Metaphor*, includes, besides the GCB, two other components: The Maxim of Quantity and the metaphor GENERIC IS SPECIFIC. This metaphor, and the notion of the generic in the theory of tropes and language in general, involve serious theoretical problems.

The generic level appears in the cognitive model of metaphor for the first time in "More than Cool Reason"; previously the metaphor was considered as a direct mapping operation between two schemas belonging to different conceptual domains. Lakoff and Turner explain functioning of their triangle-shaped model on the example of *Blind blames the ditch*: 1) the specific-level source schema: there is a blind person; he does not see the ditch crossing his way and falls into the ditch; he blames the ditch, not his own blindness, as he should do; 2) the specific-level target schema: a presidential candidate commits, during his campaign, a certain moral impropriety; his candidacy is destroyed by press disclosing the fact; he blames the press, not his own impropriety, as he should do; 3) the generic-level schema: there is a person with an incapacity; he encounters a situation in which his incapacity results in a negative consequence; he blames the situation, not his own incapacity, as he should do.

So, the generic schema is the conceptual common part of the two involved specific-level schemas (the source and the target), expressed in rather general and abstract terms. The relationship of the generic and the specific is qualified as a **metaphor** GENERIC IS SPECIFIC (further: GS-metaphor). However, Lakoff and Turner emphasize its special quality: unlike an usual metaphor, it does not relate two specific schemas, but "maps a single specific-level schema onto an indefinitely large number of parallel specific-level schemas that all have the same generic-level structure as the source-domain schema", and thus permits understanding of the whole category of situations in terms of one single situation; moreover, it permits understanding of proverbs without any concrete context (i.e., target schema or evoking situation).

The nature of the GS-metaphor raises problems in several respects.

1. The content of a proverb can be abstracted slightly, moderately, or very profoundly; the degree of abstraction may be different in different directions.
2. In Lakoff's and Turner's analyses representations of schemas are given as certain narrative scenarios, or chains of events. But proverbs are generalizations not merely in content, but also

in their logical plane, and therefore different from the rest of metaphors and similes: generic representations of assertions like 'This *A* is like each *B*' and 'Each *A* is like each *B*' are very likely not to coincide.

3. On the one hand, the GS-metaphor really shares some of its properties with ordinary metaphors: the analogy holds true and so-called *ontological correspondences* can be ascertained between the components of source and target schemas; the direction of mapping also corresponds to the general direction of the Great Mainstream. But on the other hand, the generic-specific relationship differs greatly from the usual metaphoric (specific-specific) relationship and reminds rather of metonymy, or more specifically – of a kind of synecdoche. And not surprisingly, Kövecses and Radden, Rudzka-Ostyn, Panther and Thornburg, etc. have qualified the relationship between the generic and specific in proverbs or elsewhere as metonymy. The paper gives a closer insight into the paradox of two kinds of synecdoche (*whole-part* and *genus-species*) and discusses in more detail different figurative interpretations of the relationship between category and subcategory (or the individual belonging to the category), also an extremely original viewpoint of Ken-ichi Seto towards the interrelations between metonymy and synecdoche.

4. The Problem of Blend

Since 1994 Fauconnier and Turner developed the so-called *theory of conceptual integration*, the key concepts of which are *mental spaces* and *conceptual blending*, or *blend*. My paper discusses the meaning of those basic terms and prolegomena of the theory in general, including the transition from the previous three-schema model of metaphor to the newer, four-space model, as well as conceptual relationships of *mental spaces* with neighbouring notions of *schema* and *domain*. Attention is paid to some factors that could have induced the genesis of the conceptual integration theory and adding the component of blend to the cognitive model of metaphor.

1. The "real-time" factor. During recent decades, a lively discussion was held on several mutually related "hot topics" concerning collaboration of semantic and episodic memory in functioning of units of figurative speech, including metaphors, idioms, proverbs, etc. E.g.: (1) are rhetorical units (idioms, proverbs, etc.) of non-compositional or of compositional nature, i.e., are they stored in memory and retrieved automatically as prepackaged indivisible units, "long words", or do they divide into semantic-lexical components and are being recomposed from those units in each single process of reception and understanding? (2) Does understanding of metaphorical unit (e.g., proverb) necessarily begins with working out its literal meaning, which will then be abandoned and replaced, via various conceptual alterations, by its "true" figurative meaning, or can the figurative meaning be accessed immediately, by-passing the preliminary "literal stage"? (3) Which metaphors should be regarded as functioning more "actually" in mind and language – the fresh and imaginative ones or, on the contrary, those which are deeply entrenched in language and thus become unnoticeable?

The supposition is made that mental spaces, as well as blends, congenially belong to (and are intended to reinforce) the "online flank" of the model and act as a kind of counterbalance to the ultimately "long-termed" generic node. Blend is capable to produce vivid associations and new information. Turner says that the generic space and blend even behave in a certain analogous way: they "wake up" and become visible in fresh, innovative metaphors and "fall asleep" in entrenched, conventional ones.

2. The "domain configuration" factor. The cognitive theory has been quite indifferent to the concrete linguistic form and "domain structure" of the figurative expression. However, the literal content of a sentential metaphor belongs totally to the source domain, whereas the target domain is represented merely by some contextual irritant or, in the worse case, is altogether absent. The literal content of a nominal or predicative metaphor, vice versa, belongs partly to the source and partly to the target, both specific schemas being thus represented partly by verbally manifested, partly by purely imaginative information. In the first case the generic-level schema must be composed from the verbal information on one (source) side, and non-verbal information in the other (target). In the second case it must be composed from the mixture of words and images on both sides.

Further, cognitivists' metaexpressions representing any kind of metaphors have had from the very beginning the uniformed A IS B shape, despite the rich variability in linguistic realization of concrete metaphors. Therefore the existent enormous list of hitherto fixed A IS B -formed expressions for (conceptual or other) metaphors is becoming a chaos with a huge number of overlooked conceptual relations of synonymy, antonymy, hypo- and hyperonymy, etc. between different metaphors and their components. However, that fact has already attracted attention of some researchers and initiated attempts to revise and improve the present system of metaphors, searching for "metaphoric primitives" and so on.

Adding the generic "cell" to the cognitive model of metaphor pushed it out of balance and changed considerably the understanding of the metaphorical mapping itself as a cognitive operation, so the new-born blend could well have been impelled by need for rebalancing "fourth". Another possible occasion for complementing the three-component model could be the intuitive pursuit of providing devices for more adequately describing the expressions with nominal or predicative metaphors, which consist of "lexical representatives" of both source and target worlds.

Conceptual integration has been one of the hottest topics of cognitivist discussion during the past seven years. As usual, there has emerged a number of allegedly classical "paragons" of blends, permanently wandering from one publication to another. Their total range includes very diverse material, e.g.:

- A. Examples of intertwining of various temporal, conditional and logical planes: the imaginary race between the clippers *Northern Light* (1853) and *Great America II* (1993); counterfactual expressions, like *If Bill Clinton were the Titanic, the iceberg would sink*; the riddle of the Buddhist monk who one day climbs a mountain and another day descends back to the valley.
- B. Various fantastic constructions that must be understood as visually and / or physically real in some possible world: the image of Bertrand de Born in Dante's *Inferno*, i.e. the person with his head torn apart from his body and kept between his hands; or the traditional image of Death as The Grim Reaper, i.e. the skeleton wearing a black cowl and keeping the scythe or sickle in his hand.
- C. Expressions that can be qualified as nominal or predicative metaphors, e.g.: *This surgeon is a butcher* or *He is digging his own grave*.

5. The Surgeon Who Acts Like a Butcher Is Digging His Own Grave

In the beginning, some analyses of *This surgeon is a butcher* by different authors (T. Veale; J. Grady, T. Oakley and S. Coulson; B. Marick, see also Fig. 6 a, 6, b) are reviewed.

If any non-sentential metaphor, in principle, should evoke a blend, then the "fourth position" (that in the model of Fauconnier and Turner is reserved for the blend) would seem not like the final phase, but rather the absolute "starting point" of the interpretive process. The present model is deprived of the space where the preliminary domain analysis of the textual input could happen and the decision about its domain structure and further proceeding could be made. As said above, input expressions can differ greatly, as regards explicitness of their domain distribution, ontological belonging, axiologic associations they evoke, and so on. Accordingly, their rhetoric qualification and the course of their conceptual proceeding and "interpretive fate" will be different.

The same possible branching as in the case of other figurative expressions, occurs also in proverbs. Evidently, the process of understanding them can vary depending on their domain structure and type of reception (i.e., whether the context is present or absent). In the case of a context-bound actualization of a familiar proverb, the knowledge about its semantic potential (i.e., the "summary" of its earlier actualizations) will be retrieved from semantic memory, juxtaposed with the evoking situation and, on these grounds, set out the hypothesis about the speaker's communicative intentions. In case of actual manifestation of an unknown proverb (and, evidently, in case of contextless meditation on any proverb), the necessity should occur for more extensive and complicated computation, mobilizing all the rhetoric competence of the receiver. In the course of that process, the hypotheses must be worked out about domain distribution of the text. As a result, it can be entirely located within the source domain, or its components divided between the source and the

target, or it can be understood as a generic-level expression. In any case, the source and target spaces must be connected, and the total meaning potential of the text grasped, via generic interpretation. I dare not suppose, whether or not the understanding process would return, after that, again to the "lower space" and work out the alleged emergent structure for the "blend proper" by alleged operations of composition, completion and elaboration, because despite all my efforts the cognitive essence of blend has remained quite cryptic to me, especially, to what extent it works as an instrument for "ontological understanding" of metaphor, deriving inferences, etc., and to what extent as an indicator of purely imaginative brightness of metaphor, that is, the bearer of nearly the same qualities that are characteristic of humour.

Further, the analyses of the expression *You are digging your own grave* by Fauconnier & Turner, Ruiz de Mendoza, and Coulson are discussed and an attempt is made to elaborate a "blendless" interpretation of it.

6. Where Is "Up" and Where "Down"? The Problem of Metonymy

Nigel Barley treats proverbial metaphors as vertical and horizontal operations on the tree-form graph (see also Fig. 7). It is essentially the same configuration that was characteristic for cognitivists' "triangular" degree of development: specific schemas are oriented horizontally to each other, the generic construct is located above them, the way from the specific to the generic (or vice versa) is vertical.

But The Great Unidirectional Mainstream and GCB suggest a fully different spatial configuration where horizontality and verticality are fused together into a "diagonal resultant" running from the physical to the mental and, at the same time, from the non-human to the human; the generic seems more congenial with target domain and the specific, in turn, with source domain; the mental specific seems less specific than the material specific, and so on. Non-figurative proverbs (*Everything has two ends ~ has its beginning and end*) can remind generic representations of "something" not verbalized, or perhaps verbalized, e.g., as sentential metaphoric proverbs (*The stick has two ends*). Indeed, many proverbs with nominal, predicative, so-called XYZ-, or some more complicated metaphorical structure are capable of evoking very clear-cut (material, visual) blended images. But proverbs with parallelist structure are impossible to handle in the usual "source-target-generic-blend" manner (e.g., the Basque example *The chestnut, the wood; the turnip, the soil; myself I want the bread* provided by Koldo Garai), as some their components seem more "source-like", others more "target-like", and all of them are covered by non-verbalized generic-level (or inferential?) nebula (in our case: 'each being likes what is pleasant or useful for it').

One of the forms of this spatial duality is the notorious border problem between metaphor and metonymy which, in turn, boils down to the problem of the notion of *conceptual domain*. The article reviews sharply differing opinions of different authors on this question. Do domains constitute a linear sequence of mutually exclusive "semantic fields"; or can one or several domains be inclusive in other(s); or are domains universal conceptual "primes" (dimensions, aspects) of anything? Different answers to these questions directly result in different points of view regarding metaphor-metonymy relationships. The problem of domains is closely related to another fundamental problem discussed above, namely, the relationship between the generic and the specific.

Metonymy is treated in cognitive linguistics as an operation in the limits of one and the same domain. Despite that, there seems to be a strong will not to abandon the notion of *mapping* in metonymy analyses either. But as mapping is, in principle, an operation between two different domains, various auxiliary notions have been introduced for denoting relationships of domains embedded into each other, like *subdomain*, *superdomain*, *matrix domain*, *domain matrix*, etc. Roman Jakobson's name is very rarely found in the cognitivist literature, though his account of metonymy in the plane of paradigmatics / syntagmatics should make it highly problematic to speak about ontological correspondences between its constituents, or to speak about metonymy as a projection altogether.

Most critical in distinguishing metaphor from metonymy are relationships of the "elementary" (i.e., shared with other levels of GCB) and the "high" (mental, specifically human) inside the

human domain. If the first domain frontier is put between the human and non-human, all figurative operations inside the human region become metonymies. If 'mental / elementary' distinction is regarded as the highest, all of them become metaphors. The latter view has been prevailing in the hitherto cognitivist literature, beginning from classical works on so-called emotion metaphors by Lakoff, Kövecses and others. However, there exists another, also typically cognitivist point of view on metonymy, originating from the well-known idea of so-called prototype effects and regarding metonymy as means of mental access, the most important, salient and convenient loci for entering the topic of conversation. This approach, again, would regard figures with emotional, intellectual or other mental targets as metonymies.

This duality holds true for proverbs as well. Beside the above mentioned emotion metaphors or other figures involving somatic / mental relationships, it is usual in proverbs to conceptualize social and ethical aspects of work in terms of its physical aspects (moving, heaviness, sweat, tiredness), income and compensation in terms of food and eating, etc. I have tried elsewhere (Krikmann 1998a: 108–113) to divide occurrences of such "intrahuman" figures into more metaphorical "materializations" and "biologizations" and more metonymical "visualizations" and "scenarizations".

Aside from the metaphor versus metonymy problem, there exists the problem of the "absolute outer limits" of metonymy. So-called *ontological metonymies* (as WORDS STAND FOR THE CONCEPTS THEY EXPRESS etc.) of Kövecses and Radden, English noun-verbs, like *ski*, *shampoo*, *blanket*, *bite*, *cut*, *summer*, or phenomena of speech economy and ellipticality discussed by Panther and Thornburg, are surely rather exceptional kinds of metonymy, as are also the "politeness metonymies" regarded as indirect speech acts in pragmatics, i.e. replacing direct imperatives, requests and threats with less aggressive questions or other forms.

7. The Problem of "Motive Power"

Although one can give numerous examples of axiologic, optative, deontic and other modalities intruding into cognitive analyses of metaphor, these analyses have mostly persisted on the ontological level of inspection. The category of goal does not play any outstanding role in them. In existent literature, there are hardly any attempts to be found of answering questions like in what way the human personality as a volitional, intentional factor, an active goal-oriented "germ", participate (if it does participate) in all those countless projections through countless mental spaces, in deriving various inferences and evoking blends from initial semantic information; of what origin the notorious "illocutive force" of metaphors is? Human beings participate in metaphors mostly as cognizing, not acting subject. The main function of human action and communication – to change the world, control the course of events, push it in desirable direction – slides out of the focus of research.

Presence of the "good and evil dimension", its mediating role between the mental "indicative mood" and "imperative mood" becomes particularly evident in proverbs, a didactic genre that works through causal implication and logical generalization. The majority of superficially indicative proverbs divide simply and naturally into "awards" and "sanctions". Therefore it is not surprising that the "underground" modalities of metaphorical expressions first gain some special attention in the fourth chapter of "More than Cool Reason" again. But paradoxically enough, the essential contribution of cognitivists to the investigation of proverbial world view reveals its full beauty not here, but in the works of Johnson and Lakoff concerning the structure of natural morality and moral metaphors (especially in "Philosophy in the Flesh"). The coincidence of this general picture of morality with the postulates of proverbial world view is literally astonishing. Here we come very close to the full legalization of categories of good and bad, recognition of their universal nature as motors of any human action. Unfortunately, this has not happened yet, perhaps for the sake of intuitive fear of coming simultaneously too close to the deepest origins of human nature, and unwillingness to see our reflection in this source.

The problems of "deep modalities" have not deserved significant attention of proverb researchers with folkloristic, semiotic, psychologic or other non-cognitivist background, either. Nor have they

been fully by-passed. The article reviews the claims on proverbs' communicative functions, modality levels and other related questions by such outstanding scholars as Archer Taylor, Matti Kuusi, Galit Hasan-Rokem, G. B. Milner, Neal Norrick, Richard Honeck, etc.

8. The Problem among Problems – Personification

The Great Unidirectional Mainstream and GCB display the human mental world as an inexhaustible object of explaining, the Absolute Target on metaphorical projections. At the same time, Homo Sapiens seems to himself the best known and understandable part of nature, a handy model for conceptualizing all the rest, the Absolute Source of metaphors. This back side of the medal is embodied in personification, anthropomorphism, animism. Thus, personification constitutes a strong countercurrent to The Great Unidirectional Mainstream.

Personification can mean one of the two opposite operations, either a) something non-human, but concrete is personified (*The wind weeps sadly; Lion is the king of animals*), or b) something mental and / or abstract is personified (*My soul sings and rejoices; Time swept away her tears*). As a matter of fact, only non-human objects can be personified in the proper sense of the term, i.e., anthropomorphized; personifications of abstract concepts are actually mere "materializations", since the target concept is already located in the human domain by definition. Anyway, personification acts as a factor inducing conceptual halving and dualism: non-human things are complemented with dimensions of mind and will, abstract and mental objects get a "body".

Genetically, rhetorical-verbal personification is decayed animism, and thus a good subject to study relations between rhetorics and belief. Religion theorist Stewart Guthrie has already presented hypothesis that anthropomorphization had actually been the original source of any religious imaginations and beliefs. May-be our far ancestors reached, on certain stage of their intellectual development, the notion of the "prototypical pragmatic event" featured as agentive, axiologically marked and goal-oriented. This brought along, on one hand, generalization of agentivity to any event, to causality in general, and on the other hand, conceptual splitting of the personality into the physical and the mental, "body and soul ~ mind", because the initial source or "control center" was yet not found.

Knowledge about death could have been a reliable proof of relatedness between agentive capabilities and life, and could have simultaneously induced images of souls leaving bodies and (postmortal or other) worlds as habitats for these bodiless beings. But souls, spirits etc., in order to be thought and spoken about, had to be personified again, and the worlds they settled in had to be somewhat similar to their prototypes, look somewhat realistic and material, have a certain "infrastructure".

Human material and mental halves tend to anthropomorphize themselves as split and doubled personalities also outside any supernatural worlds, right inside our minds. Splendid example of such a dualism is Lakoff's theory of Divided (into Subject and Self) Person that is briefly discussed in the article.

The unconscious axiom resides in all of us: all proverbs are about humans, if there is no good reason to presume otherwise. But the question of what is "the correct non-figurative reading" of a personificatory proverb is hard to answer. There exists, e.g., special class of *metonymic personifications* simulating sentential metaphors. Their most typical representatives are "personifications of saints" (*St. Joan throws the cold stone into the water*), as well as personifications of words, expressions, verbal nouns, etc. that actually function like repartees (*Der Schenker ist gestorben; Maybes don't fly this time of year*). One would like regarding them as compounds of metonymy and metaphor (in the subject and predicative part of the text, correspondently). But imagined or verbal liquidating of the metonymy in the subject part of the sentence would at once nullify the motivation for the metaphor in the predicative part as well. Thus the personification would actually vanish together with the personificatory blend.

In "The Literary Mind" Mark Turner analyses, taking an example from "Thousand and One Night", the phenomenon of talking animals, and claims that in this case, the animal kingdom is the source

domain donating the moral that would then be mapped to the human kingdom. Talking animals surely present paragon example of conceptual blending, but the direction of metaphorical projection is problematic: neither real animals are implied here, whose speaking should be understood as something else, nor people endowed with animal characteristics. Elsewhere, Lakoff and Turner (1989: 193–197) have already suggested that animal metaphors are the result of double projection, i.e., first, certain human features were ascribed to animals, then tossed back from animals to humans themselves. If that suggestion is true and could be extended to other levels of GCB, it would turn the majority of metaphors into personifications (at least in proverbs), and would turn upside-down the whole present idea of metaphors' nature and taxonomy.

